

3 1761 04572991 0

Л. С. ЛЪСКОВА

ПОЛНОЕ
СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНІЙ

ИЗДАНИЕ А. М. МАРИСА

С. ПЕТЕРБУРГЪ.

Leskov, N. S. Semenov
ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ

Polnoe sobranie
СОЧИНЕНІИ

sachineny
Н. С. ЛѢСКОВА.

12 d. 3
ИЗДАНИЕ ТРЕТЬЕ

съ критико-біографическимъ очеркомъ Р. И. Сементковскаго и съ приложеніемъ портрета Лѣскова, гравированнаго на стали Ф. А. Брокгаузомъ въ Лейпцигѣ.

т. 25-27
ТОМЪ ДВАДЦАТЬ ПЯТЫЙ.

251638
27.10.52
Приложеніе къ журналу „Нива“ на 1903 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе А. Ф. МАРКСА.

1903.

Артистическое заведение А. Ф. МАРКСА, Пизмай. пр., № 29.

НА НОЖАХЪ

РОМАНЪ ВЪ ШЕСТИ ЧАСТЯХЪ.

Часть третья.

КРОВЬ.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Краснѣютъ стѣны.

Богато сервированный ужинъ былъ накрытъ въ небольшой квадратной залѣ, оклеенной красными обоями и драпированной краснымъ штофомъ, межъ которыми висѣли старые портреты.

Глафира Васильевна стояла здѣсь у небольшого стола, и когда вошли Водопьяновъ и Подозеровъ, она держала въ рукахъ рюмку вина.

— Господа! у меня прошу пить и ѣсть, потому что, какъ это, Свѣтозаръ Владеновичъ, пѣлъ вашъ Испанскій Дворянинъ: «Вино на радость намъ дано». Андрей Ивановичъ и вы, Водопьяновъ, выпейте предъ ужиномъ, — вы будете интереснѣе.

— Я не могу, я уже все свое выпилъ, — отвѣчалъ Водопьяновъ.

— Когда же это вы вышли, что этого никто не видалъ?

— Семь лѣтъ тому назадъ.

— Все лжетъ сей дивный человѣкъ, — отвѣчала Бодростина и, окинувъ внимательнымъ взглядомъ вошедшаго въ это время Горданова, продолжала: — я увѣрена, Водопьяновъ, что это вамъ вашъ Распайль запрещаетъ. Ему Распайль запрещаетъ все, кромѣ камфары, — онъ ѣстъ камфару, куритъ камфару, ароматизируется камфарой.

— Прекрасный, чистый запах,—молвил Водопьяновъ.

— Поздравляю васъ съ нимъ и сажусь отъ васъ по-
дальше. А гдѣ же Лариса Платоновна?

— Они изволили велѣть сказать, что нездоровы и къ
столу не будутъ,—отвѣтилъ дворецкій.

— Все это виноватъ этотъ Свѣтозаръ! онъ всѣхъ напу-
галъ своимъ Испанскимъ Дворяниномъ. Подозеровъ, вы слы-
шали его рассказъ?

— Нѣтъ, не слыхалъ.

— Ну, да; вы къ намъ попали на финалъ, а впрочемъ,
вѣдь рассказъ, мнѣ кажется, ничѣмъ не конченъ, или онъ,
какъ все, какъ самъ Водопьяновъ, вѣченъ и безконеченъ.
Лета выбила табакерку и засыпала намъ глаза, а дальше
что же было, я желаю знать это, Свѣтозаръ Владеновичъ?

— Она прыгнула съ окна.

— Съ третьяго этажа?

— Да.

— Но кто же ей кричалъ: «я здѣсь»?

— Испанскій Дворянинъ.

— Кто жъ это знаетъ?

— Она.

— Она развѣ осталась жива?

— Нѣтъ, иль то-есть...

— То-есть она жива, но умерла. Это прекрасно. По
кто же видѣлъ вашего Испанскаго Дворянина?

— Всѣ видѣли: онъ вѣялся въ туманѣ надъ убитой Ле-
той, и было слѣдствіе.

— И что же оказалось?

— Ничего.

— Je vous fais mon compliment. Вы, Свѣтозаръ Владе-
новичъ, неподражаемы! Вообразите себѣ,—добавила она, обра-
тись къ Подозерову: — цѣлый битый часъ рассказывалъ
какую-то исторію или бредъ, и только для того, чтобы въ
концѣ концовъ сказать «ничего». Очаровательный Свѣто-
заръ Владеновичъ, я пью за ваше здоровье и за вѣчную
жизнь вашего Дворянина. Но, Боже! что такое значитъ?
чего вы вдругъ такъ поблѣднѣли, Андрей Ивановичъ?

— Я поблѣднѣлъ?—переспросилъ Подозеровъ.—Не знаю,
быть-можетъ, я еще немножко слабъ послѣ болѣзни... Я,
впрочемъ, все слышалъ, что говорили... какая-то женщина
упала...

— Бросилась съ третьяго этажа!

— Да, это мнѣ напоминаетъ немножко... кончину...

— Другой прекрасной женщины, конечно?

— Да, именно прекрасной, но... которую я мало зналъ, ко всегдашнему моему прискорбію,—такъ умерла моя мать, когда мнѣ былъ одинъ годъ отъ роду.

Бодростина выразила большое сожалѣніе, что она, не зная семейной тайны гостя, упомянула о случаѣ, который навелъ его на печальныя воспоминанія.

— Но, впрочемъ, — продолжала она: — я посиѣщу успокоить васъ хоть тѣмъ способомъ, къ которому прибѣгъ одинъ извѣстный испанскій же проповѣдникъ, когда слишкомъ растрогалъ своихъ слушателей. Онъ сказалъ имъ: «не плачьте, милые, вѣдь это было давно, а можетъ-быть, это было и не такъ, а можетъ-быть... даже, что этого и совсѣмъ не было». Вспомните одно, что вѣдь эту исторію рассказывалъ намъ Свѣтозаръ Владеновичъ, а его рассказы, при несомнѣнной правдивости ихъ автора, сплошь и рядомъ бываютъ подбиты... вѣтромъ. Притомъ здѣсь есть имена, которыя вамъ, я думаю, даже и незнакомы,—и Бодростина назвала въ точности всѣхъ лицъ Водопьяновскаго разказа и въ короткихъ словахъ привела все повѣствованіе «Сумасшедшаго Бедуина».

— Ничего, кажется, не пропустила?—обратилась она затѣмъ къ Водопьянову и, получивъ отъ него утвердительный отвѣтъ, добавила: — вотъ вы пріѣзжайте ко мнѣ почаще; я у васъ буду учиться духовъ вызывать, а вы у меня поучитесь коротко рассказывать. Впрочемъ, а propos, вѣдь сказаніе повѣствуетъ, что эта безплотная и непостижимая Лета умерла бездѣтною?

— Я этого не говорилъ,—отвѣчалъ Водопьяновъ.

— Какъ же? Развѣ у нея были дѣти, или хоть по крайней мѣрѣ одно дитя?

— Можетъ-быть, можетъ-быть и были.

— Такъ что же вы этого не говорите?

— А!.. да!.. Помялъ: Труссо говоритъ, что эпилепсія — болѣзнь весьма распространенная, что нѣтъ почти ни одного человѣка, который бы не былъ подверженъ нѣкоторымъ ея припадкамъ, въ извѣстной степени, разумѣется, въ извѣстной степени... Сюда относится внезапная забывчивость и

прочес, и прочес. Разумѣется, это падучая болѣзнь настолько же, насколько кошка родня льву, но, однако...

— Но, однако, Свѣтозарь Владеновичъ, довольно, мы поняли, что вы хотите сказать: на васъ нашло безпамятство.

— Именно: у Летушки былъ сынъ.

— Отъ ея брака съ красавцемъ Поталѣевымъ?

— Конечно!

— Но что было у господъ Поталѣевыхъ, то пусть тамъ и останется, и это ни до кого изъ здѣсь присутствующихъ не касается... Андрей Ивановичъ, чего же вы опять все блѣднѣете?

— Я попросилъ бы позволенія встать: я слабъ еще; но, впрочемъ... виноватъ, я оправлюсь. Позвольте мнѣ рюмку вина!—обратился онъ къ Водопьянову.

— Хересу?

— Да.

— Да; вы его пейте,—это ваше вино!

— А чтобы перейти отъ чудснаго къ тому, что веселѣй и болѣе способно всѣхъ занять, разсудимъ вашу Лету,—молвила Водопьянову Бодростина, и затѣмъ, относясь ко всей компаніи, сказала:—господа! какое ваше мнѣніе: по-моему, этотъ Испанскій Дворянинъ—буфонъ и забулдыга стараго университетскаго закала, когда думали, что хорошій человѣкъ непременно долженъ быть и хорошій пьяница; а его Лета просто дура, и притомъ еще неестественная дура. Ваше мнѣніе, Подозеровъ, первое желаю знать?

— Я промолчу.

— И это вамъ разрѣшаю. Я очень рада, что вино васъ, кажется, согрѣло: вы покраснѣлись.

Подозеровъ даже былъ теперь совсѣмъ красенъ, но въ этой комнатѣ было все красновато, и потому его краснота сильно не выдѣлялась.

— По-моему,—продолжала Бодростина:—самое типичное, вѣрное и самое понятное мнѣ лицо во всемъ этомъ разсказѣ—старикъ Поталѣевъ. Въ немъ нѣтъ ничего натянуто-высипреннаго и болѣзненно-мистическаго, это человѣкъ съ плотью и кровью, со страстями и... некрасивъ немножко, такъ что даже бабы его пугались. Но эта Летушка все-таки глупа; многія бы позавидовали ея счастію, хотя не долго, но...

— Что жъ вамъ такъ правится? Неужто безобразіе? — спросилъ, чтобы поддержать разговоръ, Висленевъ.

— Ахъ, Боже мой, а что мужчинамъ правится въ какой-нибудь Корѣ, которой я не имѣла чести видѣть, но о которой имѣю понятіе по Тургеневскому «Дыму». Онъ интереснѣе: въ немъ есть и безобразіе, и характеръ.

Гости промолчали.

— Интересно врачу заставить говорить пѣмого отъ рожденія, еще интереснѣе женщины слышать языкъ страсти въ устахъ, которыя весь вѣкъ боялись ихъ произносить.

Глафирѣ опять никто не отвѣтилъ, и она, хлебнувъ вина продолжала сама:

— Признаюсь, я бы хотѣла видѣть рыдающаго отъ страсти... отшельника, монаха, настоящаго монаха... И какъ бы онъ послѣ, бѣдняжка, ревновалъ... Эй, человекъ! подайте мнѣ еще немножко рыбы. Однажды я смутила схимника: былъ въ Кіевѣ такой старикъ, лѣтъ неизвѣстныхъ, мохомъ весь обросъ и на груди носилъ вериги: я пошла къ нему на исповѣдь и насакала ему такихъ грѣховъ, что онъ...

— Влюбился въ васъ?

— Нѣтъ; только просилъ: «умилосердися, уйди!» Благодарю, подайте вонъ еще Висленеву, онъ, вижу, хочетъ кушать,—докончила она обращеніемъ къ старому, сѣдому лакею, державшему предъ ней массивное блюдо съ приготовленною подъ маіонезомъ рыбой.

— Подозеровъ! Вѣдь мы съ вами, кажется, пили когда-то на брудершафтъ?

— Никогда.

— Такъ я пью теперь.

И съ этимъ она чокнулась бокаль о бокаль съ Подозеровымъ и, положивъ руку на его руку, заставила и его выпить все вино до дна.

Висленева скрючило.

— Да, новый мой камрадъ,—продолжала Бодростина:—пожелаемъ счастья честнымъ мужчинамъ и умнымъ женщинамъ. Да соединятся эти рѣдкости жизни и да не мѣшаются съ тѣмъ, что имъ не къ масти. Умъ даетъ жизнь всему, и поцѣлюю, и объятъямъ... дурочка даже не поцѣлуетъ такъ, какъ умная.

— Глафира Васильевна!—перебилъ ее Подозеровъ.—То дѣло, о которомъ я сказалъ... теперь мнѣ некогда уже о

немъ лично говорить. Я боленъ и долженъ раньше лечь въ постель... но вотъ въ чемъ это заключается.—Онъ вынулъ изъ кармана конвертъ съ почтовымъ штемпелемъ и съ разорванными печатями и сказалъ:—Я просилъ бы васъ выйти на минуту и прочесть это письмо.

— Я это для тебя сдѣлаю, — отвѣчала, вставая, Бодростина.—Но что это такое?—добавила она, остановясь въ дверяхъ:—я вижу, что фонарикъ у меня въ кабинетѣ гаснетъ, а я послѣ рассказовъ Водошнянова боюсь одна ходить въ полутьмѣ. Висленевъ! возьмите лампу и освѣтите мнѣ.

Иосафъ Платоновичъ вскочилъ и побѣжалъ за нею съ лампой.

Гордановъ воспользовался временемъ, когда онъ оставался одинъ съ Подозеровымъ и Водошняновымъ.

— Вы, конечно, знаете, чѣмъ должно кончиться то, что произошло два часа тому назадъ между нами? — спросилъ онъ, уставясь глазами въ вертѣвшаго свою тарелку Подозерова.

— Я знаю, чѣмъ такія вещи кончаются между честными людьми, но чѣмъ ихъ кончаютъ люди безчестные,—того не знаю,—отвѣчалъ Подозеровъ.

— Кого вы можете прислать ко мнѣ завтра?

— Завтра?—майора Форова.

— Прекрасно: у меня секунданта Висленевъ.

— Это не мое дѣло, — отвѣчалъ Подозеровъ и, вставъ, отвернулся къ первому появившемуся въ глаза портрету.

Въ это время въ отдаленномъ кабинетѣ Бодростиной раздался звонъ разбившейся лампы и послышался раскатъ безпечнѣйшаго смѣха Глафиры Васильевны.

Гордановъ вскочилъ и побѣжалъ на этотъ шумъ.

Подозеровъ только оборотился и изъ-глаза-въ-глазъ переглянулся съ Водошняновымъ.

— Мѣсто значитъ много; очень много, много! Что въ другомъ случаѣ ничего, то здѣсь не безопасно,—проговорилъ Водошняновъ.

— Скажите мнѣ, зачѣмъ же вы здѣсь, въ этихъ стѣнахъ, и при всѣхъ этихъ людяхъ рассказали исторію моей бѣдной матери?

— Вашей матери? Ахъ, да, да... я теперь вижу... я вижу: у васъ есть съ ней сходство и... еще больше съ нимъ.

— Валентина была моя мать, и я люблю того, кого она

любила, хотя онъ не былъ мой отецъ; но мнѣ всѣ говорили, что я даже похожъ на того, кого вы назвали студентомъ Спиридоновымъ. Благодарю, что вы, по крайней мѣрѣ, перемѣнили пмепа.

Водошняновъ съ неожиданною важностью кивнулъ ему головой и отвѣчалъ:— «да; мы это рассмотримъ;—вы будьте покойны, рассмотримъ». Такъ говорилъ долго тотъ, кого я назвалъ Потафевымъ. Онъ умеръ... онъ приходилъ ко мнѣ разъ... такимъ чернымъ звѣремъ... Первый разъ онъ пришелъ ко мнѣ въ сумерки... и плакалъ, и стоналъ... Я одобряю, что вы отдали его состоянье его роднымъ... большимъ дворянамъ... Имъ много нужно... Да вонъ видите... по стѣнамъ... сколько ихъ... Вонъ старушка, зачѣмъ у нея два носа... у нея было двѣ совѣсти...

И Водошняновъ понесъ околесницу, въ которой все-таки опять были свои, все связывающіе штрихи.

Между тѣмъ, что же такое произошло въ кабинетѣ Глафиры Васильевны, откуда такъ долго нѣтъ никого и никакихъ вѣстей?

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Не краснѣющіе.

Глафира Васильевна въ сопровожденіи Висленева скоро походкой прошла двѣ гостинныхъ, бібліотеку, наугольную и вступила въ свой кабинетъ. Здѣсь Висленевъ поставилъ лампу и, не отнимая отъ нея своей руки, сталъ у стола. Бодростина стояла спиной къ нему, но, однако, такъ, что онъ не могъ ничего видѣть въ листкѣ, который она предъ собою развернула. Это было письмо изъ Петербурга, и вотъ что въ немъ было написано гадостнымъ каракульнымъ почеркомъ, со множествомъ чернильныхъ пятенъ, помарокъ и недописокъ:

«Господинъ Подозеровъ! Я убѣдилась, что хотя вы держитесь принциповъ неодобрительныхъ и патріотъ, и низкопоклонничаете предъ московскими ретроградами, но въ дѣйствительности вы человекъ и, какъ я убѣдилась, даже честиѣ многихъ абсолютно честныхъ, у которыхъ одно на словахъ, а другое на дѣлѣ, потому я съ вами хочу быть откровенна. Я пишу вамъ о страшной подлости, которая должна быть доведена до Бодростиной. Мерзавецъ Кишен-

скій, который, какъ вы знаете, ужасный подлець, и его, надѣюсь, вамъ не надо много рекомендовать, и Алинка, которая женила на себѣ эту зеленую лошадь, господина Висленева, устроили страшную подлость: Кишенскій, познакомясь съ Бодростиннымъ у какого-то жида-балкира, сдѣлалъ такую подлую вещь: онъ вовлекаетъ Бодростина въ компанію по водоснабженію городовъ особеннымъ способомъ, который есть не что иное, какъ отвратительнѣйшее мошенничество и подлость. Дѣломъ этимъ орудуетъ какой-то страшный мошенникъ и плутъ, обобравшій уже здѣсь и въ Москвѣ не одного человѣка, что и можно доказать. Съ нимъ въ стачкѣ полька Казимирка, которую вы должны знать, и Бодростина ее тоже знаетъ...»

— Охъ, охъ!—сказала, пятясь назадъ и покрываясь румянцемъ восторга, Бодростина.

— Что? вѣрно какія-нибудь неприятныя извѣстія?—спросилъ ее участливо Висленевъ.

— Боюсь въ обморокъ упасть,—отвѣтила шутя Глафира, чувствуя, что Висленевъ робко и нерѣшительно беретъ ее за талию и поддерживаетъ.—«Держи жь меня, я вырваться не смѣю!»—добавила она, смѣясь, извѣстный стихъ изъ Донъ-Жуана.

И съ этимъ Глафира, оставаясь на рукѣ Юсафа Платоновича, дочитала:

«Эта Казимира теперь княгиня Вахтерминская. Она считается красавицей, хотя я этого не нахожу: сарматская, смазливая рожица и тѣлеса, и ничего больше, но она ловка какъ бѣсъ и готова для своей прибыли на всякія подлости. Мужъ ея давалъ много денегъ, но теперь онъ банкротъ: одна французенка обобрала его какъ липку, и Казимира пріѣхала теперь назадъ въ Россію поправлять свои дѣлшки. У нея теперь есть *biop aimé*, что всѣмъ извѣстно,—полякъ-скрипачъ, который играетъ и будетъ давать концерты, потому полякамъ все дозволяютъ, но онъ совершенно бѣдный, и потому она забрала себѣ Бодростина съ первой же встрѣчи у Кишенскаго и Висленевой жены, которая Бодростинной терпѣть не можетъ. Я же, хотя тоже была противъ принциповъ Бодростинной, когда она выходила замужъ, но какъ теперь это все уже перемѣнилось, и всѣ наши, кромѣ Ванскокъ, выходятъ за разныхъ мужей замужъ, то я болѣе противъ Глафиры Бодростинной ничего не имѣю, и вы ей

это скажите; но писать ей сама не хочу, потому что не знаю ее адреса, и какъ она на меня зла и знаетъ мою руку, то можетъ не распечатать, а вы какъ служите, то я пишу вамъ по роду вашей службы. Предупредите Глафиру, что ей грозитъ большая опасность, что мужъ ея очень легко можетъ потерять все, и она будетъ ни съ чѣмъ, — я это знаю навѣрное, потому что немножко понимаю польски и подслушала, какъ Казимира сказала это своему *bien aimé*, что она этого господина Бодростина разоритъ, и они это исполнятъ, потому что этотъ *bien aimé* самый главный зачинщикъ въ этомъ дѣлѣ водоснабженія, но всѣ они, Кишенскій и Алинка, и Казимира, всѣхъ насъ отъ себя отсунули и дѣлаютъ всѣ страшныя подлости одни сами, все только жида да поляки, которымъ въ Россіи лафа. Больше ничего не остается, какъ всю эту мерзость разоблачить и пропечатать, надъ чѣмъ и я и еще многіе думаемъ скоро работать и издать въ видѣ большого романа или драмы, но только нужны деньги и осторожность, потому что Ванскокъ сильно вооружается, чтобы не выдавать никого. Остаюсь готова къ услугамъ извѣстная вамъ Ципри-Кипри».

«P. S. Можете спросить Данку, которая знаетъ, что я пишу вамъ это письмо: она очень честная госпожа и все знаетъ, — вы ее помните: бѣлая и очень красивая барыня въ русскомъ вкусѣ, потому что планъ Кишенскаго прежде былъ рассчитанъ на нее, но Казимира все это перестроила самыми пошлыми польскими интригами. Данка ничего не скроетъ и все скажетъ».

«Еще P. S. Сейчасъ ко мнѣ пришла Ванскокъ и сообщила свѣжую новость. Бодростинъ ничего не знаетъ, что подъ его руку пишутъ уже большіе векселя по его довѣренности. Пускай жена его ѣдетъ сейчасъ сюда накрыть эту страшную подлость, а если что нужно развѣдать и сообщить, то я могу, но на это нужны, разумѣется, средства, по крайней мѣрѣ рублей пятьдесятъ или семьдесятъ пять, и чтобы этого не знала Ванскокъ».

Этимъ и оканчивалось знаменательное письмо гражданки Ципри-Кипри.

Бодростина, свернувъ листокъ и суя его въ карманъ, толкнулась рукой объ руку Висленева и вспомнила, что она еще до сихъ поръ нѣкоторымъ образомъ находится въ его объятіяхъ.

Заятая тѣмъ, что сейчасъ прочитала, она безцѣльно взглянула полуоборотомъ лица на Висленева и остановилась; взглядъ ея вдругъ сверкнулъ и занескрился.

«Это прекрасно!—мелькнуло въ ея головѣ.—Какая блестящая мысль! Какое великое счастье! О, никто, никто на свѣтѣ, ни одинъ мудрецъ и ни одинъ доброжелатель не могъ бы мнѣ оказать такой неопѣвненной услуги, какую оказываютъ Кишенскій и княгиня Казимира!.. Теперь и снова я,—я спасена и госпожа положенія... Да!»

— Да!—произнесла она вслухъ, продолжая въ умѣ свой планъ и подъ влияніемъ думъ пристально глядя въ глаза Висленеву, который смѣшался и залепеталъ что-то въ родѣ упрека.

— Ну, ну, да, да!—повторяла съ разстановками, держась за голову, Бодростина и, съ этимъ бросаясь на отоманъ, разразилась неудержимымъ истерическимъ хохотомъ.

Увлеченный ею въ этомъ движеніи, Висленевъ задрѣлъ рукой за лампу, и въ комнатѣ настала тьма, а черепки стекла зазвенѣли по полу. На эту сцену явился Гордановъ: онъ засталъ Бодростину, весело смѣющуюся, на диванѣ и Висленева, собирающаго по полу черепки лампы.

— Что такое здѣсь у васъ случилось?

— Это все онъ, все онъ!—отвѣчала сквозь смѣхъ Бодростина, показывая на Висленева.

— Я!.. я! При чемъ здѣсь я?—вскочилъ Юсафъ Платоновичъ.

— Вы?.. вы ни при чемъ! Идите въ мою уборную и принесите оттуда лампу!

Юсафъ Платоновичъ побѣжалъ исполнить приказаніе.

— Что это такое было у васъ съ Подозеровымъ?—спросила у Горданова Глафира, ставъ предъ нимъ, какъ только вышелъ за двери Висленевъ.

— Ровно ничего.

— Неправда, я кой-что слышала: у васъ будетъ дуэль.

— Отнюдь нѣтъ.

— Отнюдь нѣтъ! Ага!

Висленевъ появился съ лампой и вдвоемъ съ Гордановымъ сталъ исправлять нарушенный на столѣ порядокъ, а Глафира Васильевна, не теряя минуты, вошла къ себѣ въ комнату и, доставъ изъ туалетнаго ящика двѣ радужныя ассигнаціи, подала ихъ горничной, съ приказаніемъ отира-

вить эти деньги завтра въ Петербургъ, безъ всякаго письма, по адресу, который Бодростина наскоро выписала изъ письма Ципри-Кипри.

— Затѣмъ, послушай, Настя,—добавила она, остановивъ дѣвушку. — Ты въ черномъ платьѣ... это хорошо... Ночь очень темна?

— Не видно зги, сударыня, и тучится-сь.

— Прекрасно, — сходи, пожалуйста, на мельницу... и. Ты знаешь какъ пускаютъ шлюзь? Это легко.

— Попробую-сь.

— Возмись рукой за ручку на валу и поверни. Это всеѣмъ не трудно, и упусти заслонку по рѣкѣ, или забрось ее въ крапиву, а потомъ бѣги домой чрезъ березникъ... Понимасшь?

— Все будетъ сдѣлано-сь.

— И это пужно скоро.

— Сію же минуту иду-сь.

— Бѣги, и платья чернаго нигдѣ не поднимай, чтобы не свергали бѣлыя юбки.

— Сударыня, ужели первый разъ ходить?

— Ну, да, иди же и все сдѣлай.

И Бодростина изъ этой комнаты перешла къ запертымъ дверямъ Ларисы.

— Прости меня, сѣге Глафира; я очень разнемоглась и была не въ силахъ выйти къ столу, — начала Лариса, открывъ дверь Глафирѣ Васильевнѣ.

— Все знаю, знаю; но надо быть дѣвушкой, а не ребенкомъ: ты понимаешь, что можетъ случиться?

— Дуэль?

— А конечно!

— Но, Боже, что я могу сдѣлать?

— Прежде всего не ломать руки, а обтереть лицо водой и выйти. Одно твое появленіе его немножко успокоитъ.

— Кого его?

— Его, кого ты хочешь.

— Но я вѣдь не могу идти, Глафира.

— Ты должна.

— Помилуй, я шатаюсь на ногахъ.

— Я поддержку.

И Глафира Васильевна еще привела нѣсколько доказа-

тельствъ, убѣдившихъ Ларису въ томъ, что она должна преодолѣть себя и выйти внизъ къ гостямъ.

Лара подумала и стала обтирать заплаканное лицо, сначала водой, а потомъ пудрой, между тѣмъ какъ Бодростина, поджидала ее, ходила все это время назадъ и впередъ по ея комнатѣ, и наконецъ проговорила:

— Ахъ, красота, красота, сколько изъ-за нея дѣлается безобразія!

— Я проклинаю ее... мою красоту, — отвѣчала, наскоро вытираясь предъ зеркаломъ, Лариса.

— Проклинай или благословляй, это все равно; она наружъ и внушаетъ чувство.

— Чувство! Глафира, развѣ же это чувство?

— Любовь!.. А это что же такое, какъ не чувство? Страсть, «влеченье, родъ недуга».

— Любовь! такъ ты это даже называешь любовью! Нѣтъ; это не любовь, а развѣ звѣрство.

— Мужчины всегда такъ: что наше, то намъ не нужно, а что оспорено, за то сейчасъ и въ драку. Однако идемъ къ нимъ, Лара!

— Идемъ; я готова, но,—добавила она на ходу, держась за руку Бодростиной:—я все-таки того мнѣнія, что есть на свѣтѣ люди, которые относятся иначе...

— То-есть какъ это иначе?

— Я не могу сказать какъ... но иначе!

«Эхъ ты, бѣдный, бѣдный межеумокъ! — думала Бодростина.—Ей въ руки дается не человѣкъ, а кладъ: съ душой, съ умомъ и съ преданностью, а ей нужно она сама не знаетъ чего? Нѣтъ; на этотъ счетъ стрижки были вась умѣе. А впрочемъ, это прекрасно: пусть ее занята Гордановымъ... Не можетъ же онъ на ней жениться... А если?.. Да нѣтъ, не можетъ!»

Въ это время они дошли до дверей портретной, и Бодростина, представивъ гостямъ Ларису, сказала, что вмѣсто исчезнувшей лампы является живой, всеосвѣжающій свѣтъ.

— Свѣтильникъ безъ масла долго ли горитъ? — спросила она шопотомъ Подозерова, садясь возлѣ него на свое прежнее мѣсто.—Совѣтую помнить, что я сказала: и въ поцѣлуяхъ, и въ объятіяхъ умъ имѣетъ великое значеніе! А теперь, господа, — добавила она громко: — пьемъ за здоровье

того, кто за кого хочетъ, и простите за плохой ужинъ, какимъ я васъ накормила.

Столъ кончился, и Гордановъ тотчасъ же исчезъ. Бодростина зорко посмотрѣла ему вслѣдъ и велѣла челоуѣку подать на балконъ садовую свѣчу.

— Немножко нужно освѣжиться. Ночь темная, но тепла и ароматна... Ею надо пользоваться, скоро уже завоетъ вьюга и польютъ дожди.

Подозеровъ сталъ прощаться.

— Пойдите же; сейчасъ вамъ запрягутъ карету.

— Нѣтъ, Бога ради, не нужно: я люблю ходить пѣшкомъ: здѣсь такъ близко, я скоро хожу.

Но Бодростина такъ твердо настояла на своемъ, что Подозеровъ долженъ былъ согласиться и остался ждать кареты.

— А я въ одну минуту возвращусь,—молвила она и ушла съ балкона.

Лариса, тотчасъ какъ только осталась одна съ Подозеровымъ, взяла его за руку и шепнула:

— Бога ради, зовите меня съ собою.

— Это неловко,—отвѣчалъ Подозеровъ.

— Но вы не знаете...

— Все знаю: вамъ не будетъ угрожать ничто, идите спать, закройте дверь и не вынимайте ключа, а завтра уѣзжайте. Идите же, идите!

— Вѣдь я не виновата...

— Вѣрю, знаю; идите спать!

— Повѣрьте мнѣ: все прошлое...

— Все прошлое не существуетъ болѣе, оно погребено и крестъ надъ нимъ поставленъ. Я совладѣлъ съ собою, не бойтесь за меня: я вылѣченъ и болѣе не захвораю, но дружба моя навсегда послѣдуетъ за вами всюду.

— Погребено...—заговорила-было Лариса, но не успѣла досказать, что хотѣла.

— Ахъ, Боже, что это такое? Вы слышите, вдругъ хлынула вода!—воскликнула, вбѣгая въ это время на балконъ, Глафира Васильевна, и тотчасъ же послала людей на фабричную плотину, на которой уже замелькали огни и возлѣ нихъ показывались тѣни.

Челоуѣкъ доложилъ, что готова карета.

Подозеровъ простился; Лариса пошла къ себѣ наверхъ,

а Глафира Васильевна, открывъ окно въ залъ, крикнула кучеру:

— На мостъ теперь идетъ вода, поѣзжай черезъ плотину, тамъ люди посвѣтятъ.

Лошади тронулись, а Бодростина все не отходила отъ окна, докуда тѣнь кареты не пробѣжала мимо свѣтящихся на плотинѣ фонарей.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Подъ крыломъ у темной ночи.

Проводивъ Подозерова, Глафира вернулась на балконъ, гдѣ застала Водоцьянова. «Сумасшедшій Бедуинъ» теперь совсѣмъ не походилъ на самого себя: опъ былъ въ старомодномъ плюшевомъ картузѣ, въ камлотовой шинели съ капюшономъ, съ камфарной сигареткой во рту и держалъ въ рукѣ большую золотую табакерку. Онъ махалъ ею и, дѣлая безпрестанно прыжки на одномъ мѣстѣ, весь трясся и бормotalъ.

Видъ «Сумасшедшаго Бедуина» и его кривлянья и безпокойство производили, посреди царствующей темной ночи, самое неприятное впечатлѣніе.

Какъ ни была занята Бодростина своими дѣлами, по эта метаморфоза остановила на себѣ ея вниманіе, и она сказала:

— Что вы, Свѣтозарь Владеновичъ, какой странный!

— А?.. что?.. Да, странникъ... ѣду, ѣду,—заговорилъ онъ, еще шибче махая въ воздухѣ своимъ капюшономъ.—Скверная планета, скверная: вдругъ холодно, вдругъ холодно, ухъ, жутко... жутко, жутко... кракъ! сломано! а другая женщина все поправитъ, поправитъ!

— Что это вы такое толкуете себѣ подъ носъ? Какая другая женщина и что она поправитъ?

— Все, все... ей все легко. И-и-и-хъ! И-и-и-хъ! Прочь, прочь, прочь, вотъ я тебя табакеркой! Вотъ!..—И онъ дѣйствительно замахнулся своей табакеркой и ударилъ ею нѣсколько разъ по своему капюшону, который въ это время взвился и махалъ надъ его головой.—Видѣли вы?—заключилъ онъ, вдругъ остановясь и обращаясь къ Бодростинѣ.

— Что такое надо было видѣть?

— А черную птицу съ однимъ крыломъ? Опять! опять! прочь!

И съ этими словами Водошняновъ опять замахалъ табакеркой, заскакалъ по лѣстницѣ, спустился по ней и исчезъ.

Бодростина не обратила на это никакого вниманія. Онъ уже надоѣлъ ей, и притомъ она была слишкомъ занята своими мыслями и стояла около часа возлѣ перилъ, пока по куртнѣ вдоль акаціи не мелькнула какая-то тѣнь съ ружьемъ въ рукѣ.

При появленіи этой тѣни, Глафира Васильевна тихо шмыгнула за дверь и оттуда произнесла свистящимъ шопотомъ:

— Прахъ на двухъ лалкахъ!

Тѣнь вздрогнула, остановилась и потомъ вдругъ бросилась бѣгомъ впередъ; Бодростина же прошла рядъ пустыхъ комнатъ, вошла къ себѣ въ спальню, отпустила дѣвушку и осталась одна.

Черезъ полчаса ея не было и здѣсь, она уже стояла у двери комнаты Павла Николаевича, на противоположномъ концѣ дома.

— Поль, отойри!—настойчиво потребовала она, стукнувъ рукой въ дверь.

— Я легъ и погасилъ свѣчу,—отвѣчалъ дрожащимъ, первымъ голосомъ Гордановъ.

— Ничего, мнѣ надо съ тобой говорить. Довольно сибаритничать: настало время за работу,—заговорила она, переступивъ порогъ, межъ тѣмъ какъ Гордановъ зажегъ свѣчу и снова юркнулъ подъ одеяло. — Я получила важныя вѣсти.

И она рассказала ему содержаніе знакомаго намъ письма Ципри-Ципри.

— Ты долженъ ѣхать немедленно въ Петербургъ.

— Это невозможно, меня тамъ схватятъ.

— Что бы ни было, я тебя выручу.

— И что же я долженъ тамъ дѣлать?

— Способствовать всѣмъ плутнямъ, но не допускать ничего крупнаго, а, главное, передать моего старика совсѣмъ въ руки Казимиры. Ты ѣдешь? Ты долженъ ѣхать. Я дамъ тебѣ денегъ. Иначе... ты свободенъ дѣлать что хочешь.

— Хорошо, я поѣду.

— И это лучше для тебя, потому что здѣсь ты, я вижу, начинаешь портиться и лѣзешь въ омутъ.

— И?

— Да, ты. Благодарю меня, что твое ружье осталось сегодня заряженнымъ.

— Ага! такъ это вотъ откуда ударилъ живородящий источникъ!

— Ну, да, а ты думалъ... Но что это такое? *On frappe!* Дверь дѣйствительно немножко колыхалась.

— Кто тамъ?—кликнула, вскочивъ, Бодростина.

Въ эту же секунду дверь быстро отворилась, и Глафира столкнулась лицомъ къ лицу съ Висленевымъ.

— Вотъ видите!—удивилась она.

— Я пришелъ сюда за спичкой, Глафира Васильевна,—пробормоталъ Висленевъ.

— Да, ты удивительно находчивъ, — замѣтилъ ему Гордановъ:—но дѣло въ томъ, что вотъ тебѣ спички; бери ихъ и отиравайся вонъ.

— Нѣтъ, онъ пришелъ сюда довольно кстати: пусть онъ меня проводить отсюда назадъ.

И Бодростина поднялась и пошла впереди Висленева.

— Вы по какому же праву меня ревнуете? — спросила она вдругъ, нахмурясь и остановясь съ Юсафомъ въ одной изъ пустыхъ комнатъ.—Чего вы на меня смотрите? Не хотите ли отказываться отъ этого? Можете, но это будетъ очень глупо! Вы пришли, чтобы помѣшать мнѣ видѣться съ Гордановымъ. Да?.. Но вотъ вамъ сказъ: кто хочетъ быть любимымъ женщиной, тотъ прежде всего долженъ этого заслужить. А потомъ... вторая истина заключается въ томъ, что всякая истинная любовь скромна!

— Но чѣмъ я не скромнѣ?—молвилъ, сложивъ у груди руки, Висленевъ.

— Вы нескромны. Любить такимъ образомъ, какъ вы меня хотите любить, этакъ меня всякій полюбитъ, мнѣ этого рода любовь надѣла, и меня ею не возьмете. Понимаете вы, такъ ничего не возьмете! Хотите любить меня,—любите такъ, какъ меня никто не любилъ. Это одно еще мнѣ, можетъ-быть, не будетъ противно: сдѣлайтесь тѣмъ, чѣмъ я хочу, чтобы вы были.

— Буду, буду. Буду чѣмъ вы хотите!

— Тогда и надѣйтесь.

— Но чѣмъ же мнѣ быть?

— Это вамъ должно быть все равно: будьте тѣмъ, чѣмъ я захочу васъ возлѣ себя видѣть. Теперь мнѣ нравятся спириты.

— Вы шутите! Неужто же мнѣ быть спиритомъ?

— Ага! еще «неужто!» Послѣ такихъ словъ рѣшено: это условіе, безъ котораго ничто невозможно.

— Но это вѣдь... это будетъ не разумно-логичное требованіе, а капризъ.

Бодростина отодвинулась шагъ назадъ и, скинувъ Висленева съ головы до ногъ сначала строгимъ, а потомъ насмѣшливымъ взглядомъ, сказала:

— А если бъ и такъ? Если бъ это и капризъ? Такъ вы еще не знали, что такая женщина, какъ я, имѣетъ право быть капризною? Такъ вы, прежде чѣмъ что-либо между нами, уже укоряете меня въ капризахъ? Прощайте!

— Нѣтъ, Бога ради... позвольте... я буду дѣлать все, что вы хотите.

— Да, конечно, вы должны дѣлать все, что я хочу! Иначе за что же, за что я могу вамъ позволять надѣяться на какое-нибудь мое вниманіе? Ну, сами скажите: за что? что такое вы могли бы мнѣ дать, чего сторицей не дали бы мнѣ всякой другой? Вы сказали: «капризъ». Такъ знайте, что и то, что я съ вами здѣсь говорю, тоже капризъ, и его сейчасъ не будетъ.

— Нѣтъ, Бога ради: я на все согласенъ.

Она молча взяла его за руку и потянула къ себѣ; Юсафъ поднялъ-было лицо.

— Нѣтъ, нѣтъ, я васъ цѣлую пока за послушаніе въ любовь, и только...

— Опять капр... Гм! Гм!..

— А разумѣется, капризъ; неужели что-нибудь другое,— отвѣчала, уходя въ дверь, Бодростина.— Но,—добавила она весело, остановясь на минуту на порогѣ:—женскій капризъ бываетъ безъ границъ, и кто этого не знаетъ въ-время, у того женщины подъ носомъ запираютъ двери.

И съ этимъ она исчезла; ключъ щелкнулъ, и Висленевъ остался одинъ въ темнотѣ.

Онъ подошелъ къ запертой двери, съ трудомъ оцупалъ замочную ручку и, пошевеливъ ее, назвалъ Глафиру, но собственный голосъ ему показался прегадкимъ-гадкимъ,

падтреснувшимъ и сѣвнымъ, а изъ-за двери ни гласа, ни послушанія. Глафира, очевидно, ушла далѣе, да и чего ей ждать?

Висленевъ вздохнулъ и, заложивъ назадъ руки, пошелъ тихими шагами въ свою комнату.

«Все еще не везетъ, — размышлялъ онъ.— Вотъ, думалъ: здѣсь повезетъ, а въ не везетъ. Не старъ же еще я въ самомъ дѣлѣ! А? Конечно, не старъ... Нѣтъ, это все коммуники, коммуники проклятыя дѣлаютъ: наболтаешься тамъ со стрижеными, вотъ за длинноволосыхъ и взяться не умѣешь! Надо вотъ что... надо повторить жизнь... Начну-ка я старинные романы читать, а то въ самомъ дѣлѣ у меня такія манеры, что даже неловко».

Между тѣмъ Бодростина, возвратившись въ свою комнату, тоже не опочила, сѣла и, начавъ писать, вдругъ ахнула.

— А гдѣ же онъ? Гдѣ Водопьяновъ? Опять исчезъ! Но теперь ты, мой другъ, не уйдешь. Нѣтъ, дѣла мои слагаются превосходно, и спиритизмъ мнѣ долженъ сослужить свою службу.

«Свѣтозаръ Владеновичъ!» написала она черезъ минуту, «чѣмъ я болѣе вдумываюсь, тѣмъ» и пр., и пр. Однимъ словомъ, она съ оболеетельною простотою открыла Водопьянову, какое вліяніе на нее имѣетъ спиритская философія, и заключила, что, чувствуя неодолимое влеченіе къ спиритизму, хочетъ такъ же откровенно, какъ онъ, назвать себя «спириткой».

Все это было сдѣлано немножко грубо и оливогато, — совсѣмъ не по-бодростиновски, но стоило ли церемониться съ «Сумасшедшимъ Бедуиномъ»? Глафира и не поцеремонилась.

Запечатавъ это письмо, она отнесла его въ комнату своей дѣвушки, положила конвертъ на столъ и велѣла завтра рано поутру отправить его къ Водопьянову, а потомъ уснула съ вѣрой и убѣжденіемъ, что для умнаго человѣка все на свѣтѣ имѣетъ свою выгодную сторону, все можетъ послужить въ пользу, даже и спиритизмъ, который, какъ крайняя противоположность тѣхъ теорій, ради которыхъ она утратила свою репутацію въ глазахъ моралистовъ, долженъ возвратить ей эту репутацію съ процентами и р-камбіо.

Если Гордановъ съ братіей и Ципри-Кипри съ сестрами

давно не упускаютъ слать по тѣмъ, что они на самомъ дѣлѣ, то почему же ей этимъ манкировать? Это было бы просто глупо.

И Глафирѣ представилось ликованіе, какое будетъ въ гзвѣстныхъ ей чопорныхъ кружкахъ, которые, несмотря на ея официальное положеніе, оставались для нея до сихъ поръ закрытымъ небомъ, и она уснула, улыбаясь тому, какъ она вступить въ это небо возвратившейся заблуждавшеюся овцою, и какъ потомъ... дойдетъ по этому же небу до своихъ земныхъ цѣлей.

— Я буду... жена, которой не посмѣтъ даже и касаться подозрѣніе! Я должна сознаться, что это довольно смѣшно и занимательно!

Лариса провела эту ночь безъ сна, сидя на своей постели. Утро въ бодростинскомъ домѣ началось поздно: уснувшая на разсвѣтѣ Лариса проспала, Бодростина тоже, но зато ко вставанію послѣдней ей готовъ былъ сюрпризъ: ей былъ доставленъ отвѣтъ Водопьянова на ея вчерашнее письмо — отвѣтъ, волюй достойный «Сумасшеднаго Бедуина». Онъ весь заключался въ слѣдующемъ: «Бобчинскій спросилъ: — можно называться? а Хлестаковъ отвѣчалъ: — пусть называется».

И болѣе не было ничего, ни одного слова, ни подписи.

Бодростина съ досадою бросила въ ящикъ письмо и сошла внизъ къ мужчинамъ, вся въ черномъ, противъ своего обыкновенія.

Между тѣмъ, пока дамы спали, а потомъ дѣлали свой туалетъ, въ сѣни мужской половины явился оборванный и босоногіи крестьянскій мальчонко и настойчиво требовалъ, чтобы длинный чужой баринъ вышелъ къ кому-то за гуменникъ.

— Кто же его зоветъ туда?—добивались слуги.

— А баринъ съ печатью на шляпѣ далъ мнѣ грошъ; па, говоритъ, бѣжи въ хоромы и скажи, чтобъ онъ сейчасъ вышелъ.

Слуги догадались, что дѣло идетъ о Висленевѣ, и доложили ему объ этомъ. Иосафъ Платоновичъ посоветовался съ Гордановымъ и пошелъ по курьезному вызову на таинственное свиданіе.

За гуменникомъ его ждалъ Форовъ.

— Здравствуйте-съ, мы съ вами должны уговориться, —

началь майоръ:—Гордановъ съ Подозеровымъ хотять стрѣляться, а мы секунданты, такъ вотъ мои условія: стрѣляться завтра, въ пять часовъ утра, за городомъ, въ Корольковскомъ лѣсу, на горкѣ. Стрѣлять разомъ, и при промахахъ съ обѣихъ сторонъ выстрѣлъ повторить. Что, вы противъ этого ничего?

— Я ничего, но я вообще противъ дуэли.

— Ну, вы объ этомъ статью пошлите, а теперь не ваше дѣло.

— А вы развѣ за дуэль?

— Да; я за дуэль, а то очень много подлецовъ разведется. Такъ извольте не забыть условія и затѣмъ имѣю честь...

Форовъ повернулся и ушелъ.

Въ домѣ у Бодростиной, къ удивленію, никто этого не узналъ.

Гордановъ принялъ условія Форова и настрого запретилъ Висленеву выдавать это хоть однимъ намекомъ. Тотъ тотчасъ струсилъ.

Утро прошло скучно. Глафира Васильевна говорила о спиритизмѣ и о томъ, что она Водопьянова уважаетъ; гости зѣвали. Тотчасъ послѣ обѣда всѣ собрались въ городъ, но Лариса не хотѣла ѣхать въ свой домъ одна съ братомъ и желала, чтобъ ее отвезли на хуторъ къ Синтяниной, гдѣ была Форова. Для исполненія этого ея желанія Глафира Васильевна устроила переѣздъ въ городъ въ родѣ *partie de plaisir*; они поѣхали въ двухъ экипажахъ: Лариса съ Бодростиной, а Висленевъ съ Гордановымъ.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Послѣ скобеля топоромъ.

Увидавъ себя на дворѣ генеральши, Лариса въ первый разъ въ жизни почувствовала тотъ сладостный трепетъ сердца, который ощущается человѣкомъ при встрѣчѣ съ близкими людьми, послѣ того какъ ему казалось, что онъ ихъ теряетъ невозвратно.

Лариса кинулась на шею Александрѣ Ивановичѣ и много разъ кряду ее поцѣловала; такъ же точно она встрѣтилась и съ теткой Форовой, которая, однако, была съ нею притворно холодна и приняла ее ласки очень сухо.

Бодростина была всегда и вездѣ легкой гостьей, никогда не заставлявшю хозяевъ заботиться о ней, чтобъ ей было не скучно. У нея всегда и вездѣ находились собесѣдники, она могла говорить съ кѣмъ угодно: съ честнымъ человѣкомъ и съ негодяемъ, съ монахомъ и комедіянтъ, съ дуракомъ и съ умнымъ. Опытъ и практическія наблюденія убѣдили Глафиру Васильевну, что на свѣтѣ все можетъ пригодиться, что нѣтъ лишняго звена, которое бы умный человѣкъ не могъ положить не туда, такъ сюда, въ свое зданіе. Послѣдняя мысль о спиритизмѣ, который она рѣшилась эксплуатировать для возстановленія своей репутаціи, еще болѣе утвердила ее въ томъ, что все стѣнитъ вниманія и все пригодно.

Очутясь у Синтяниной, которую Бодростина ненавидѣла тою ненавистью, какою безсердечныя женщины ненавидятъ женщинъ строгихъ правилъ и открытыхъ, честныхъ убѣжденій, Глафира разсыпалась предъ нею въ шутливыхъ комплиментахъ. Она называла Александру Ивановну «русскою матроной» и сожалѣла, что у нея нѣтъ дѣтей, потому что она вѣрно бы сдѣлалась матерью русскихъ Гракховъ.

По поводу отсутствія дѣтей, она немножко вольно пошутила, но, замѣтивъ, что у генеральши дрогнула бровь, сей-часъ же обратила рѣчь къ Ларисѣ и воскликнула:

— Да когда же это ты, Лара, выйдешь наконецъ замужъ, чтобы при тебѣ можно было о чемъ-нибудь говорить?

Вспленивъ, по обыкновенію, расхаживалъ важною журавлиною походкой и, заложивъ большіе пальцы обѣихъ рукъ въ карманы, остальными медленно и отчетливо ударялъ себя по панталонамъ. Говорилъ онъ сегодня, противъ своего обыкновенія, очень мало, и все какъ будто хотѣлъ сказать что-то необыкновенное, но только не рѣшался.

Зато Гордановъ смотрѣлъ на всѣхъ до наглости смѣло и видимо порывался къ дерзостямъ. Порывы эти проявлялись въ немъ такъ беззастѣнчиво, что Синтянина на него только глядѣла и подумывала: «каково заручился!» Отъ времени до времени онъ поглядывалъ на Ларису, какъ бы желая сказать: смотри, какъ я раздраженъ, и это все чрезъ тебя; я не дорожу никѣмъ и сорву свой гнѣвъ на комъ представится.

Лариса имѣла видъ невыгодный для ся красоты: она выглядывала потерянною и больше молчала. Не такова она была только съ одною Форовой. Лариса слѣдила за теткой, и когда Катерина Астафьевна ушла въ комнаты, чтобы налить чай, бѣдная дѣвушка тихо, съ опущенною головкой, послѣдовала за нею и, догнавъ ее въ темныхъ сѣняхъ, обняла и поцѣловала.

Катерина Астафьевна притворилась, что она сердита и будто даже не замѣтила этой ласки племянницы.

Лариса сѣла противъ нея за столъ и заговорила о незначительныхъ постороннихъ предметахъ. Форова не отвѣчала.

— Вы, тетя, сегодня здѣсь почувуете?—наконецъ спросила Лариса.

— Не знаю-съ, какъ мнѣ Богъ по сердцу положить.

— Поѣдемте лучше домой.

— Куда это? Тебѣ одна дорога, а мнѣ другая. Вамъ въ Тверь, а намъ въ дверь.

Лариса встала и, зайдя сзади тетки, поцѣловала ее въ голову. Она хотѣла приласкаться, но не умѣла, — все это у нея выходило какъ-то неестественно. Форова это почувствовала и сказала:

— Сидь ужъ лучше, пожалуйста, милая, на мѣсто, не строй подлизѣ.

У Ларисы больше въ запасѣ ничего не нашлось, она въ самомъ дѣлѣ сѣла и отвѣчала только:

— Я думала, что вы, тетя, добрѣе.

— Какъ не добрѣе! ты вѣрно думала, что если меня по шеѣ будутъ гнать, такъ я буду шею только потолще обертывать. Не сподобилась я еще такого смиренія.

— Простите меня, тетечка, если я васъ обидѣла. Я была очень разстроена.

— Что-и-то, говорятъ, ты скоро замужъ идешь?

— За кого это?

— За кого же, какъ не за Гордашку? Нѣтъ, а Подозровъ, ей-Богу, молодецъ!

Форова захохотала.

— Ты, вѣрно, думала, что ему уже живого разстанья съ тобою не будетъ, а онъ раскланялся и былъ таковъ: носъ наклонялъ. Вотъ, на же тебѣ!.. Люблю такихъ мужчинъ до смерти и хвалю.

— И даже хвалите?

— А, разумеется, хвалю! Да что на насъ, дурь, смотрѣть, какъ мы ломаемся? Этого добра вездѣ много, а женишки нынче въ сапожкахъ ходить, а особенно хорошіе.

Лариса встала и вышла.

— Кусаетъ, барышня, кусаетъ! — промолвила про себя Форова и еще долго продолжала сидѣть одна за чапнымъ столомъ въ маленькой передней и посылать гостямъ стаканы въ осинникъ. Размысленіямъ ей никто не мѣшалъ, кромѣ дѣвочки, приходившей перемѣнять стаканы.

Но вотъ по крыльцу послышался шорохъ юбокъ, и въ комнату скорыми шагами вошла Александра Ивановна.

— Что сдѣлалось съ Гордановымъ?—сказала она, быстро подходя къ Форовой.—Представь ты, что онъ, что ни слово, то старается всѣмъ сказать какую-нибудь дерзость!

— И тебѣ что-нибудь сказалъ?

— Да, разные намеки. И Бодростиной, и Висленеву. А бѣдняжка Лара совсѣмъ при немъ смущена.

— Есть грѣхъ.

— А Подозеровъ съ Гордановымъ даже и не говорятъ; между ними что-то было.

Въ это время голоса гостей послышались подъ самыми окнами на дворѣ.

— Огня! Жизни! Господа, въ комъ есть огонь: я горѣть хочу!—говорила, стоя на одномъ мѣстѣ, Бодростина.

Ни Лариса, ни Подозеровъ, ни Гордановъ и Висленевъ не трогались, но въ эту минуту вдругъ сильнымъ порывомъ распахнулась калитка и на дворъ влетѣли отецъ Евангель и майоръ Форовъ, съ огромной палкой въ рукѣ и вѣчною толстою панирскою во рту.

Оба эти новые лица были отчего-то въ большихъ попыткахъ и неслись какъ буревѣстники передъ грозой.

Встрѣтивъ стоящее на дворѣ общество, они, повидимому, смѣшались, но, однако, Форовъ тотчасъ же поправился и, взявъ за руку Бодростину, сказалъ:

— Цѣлую вашу ланку!—и дѣйствительно поцѣловать ее.

— Мерсі, Филетеръ Ивановичъ, за вниманіе, я нуждаюсь въ немъ, я хочу горѣть и никто не слѣдуетъ угасить мой пламень... Вы умѣете бѣгать?

— Какъ скороходъ.

— Заяцъ быстрѣ бѣгаетъ, чѣмъ скороходъ,—отозвался Гордановъ.

Майоръ не обратилъ на эти слова никакого вниманія.

— Кто же со мной?—вызывалъ онъ.

— Я,—отвѣчала, сходя съ крыльца, генеральша и стала съ Форовымъ и побѣжала.

Бодростина поймала Александру Иванову.

Форовъ былъ неуволнимъ: онъ дѣйствительно бѣгалъ какъ заяцъ.

Висленевъ подаль руку сестрѣ и сталъ во вторую пару.

Майоръ тотчасъ же поймалъ Ларису.

Шумъ, бѣготня этой игры и крики и смѣхъ, безъ которыхъ не обходится горѣлки, придали всѣмъ неожиданное оживленіе и вызвали даже майоршу.

— Давайте и мы съ вами пожуируемъ, — пригласилъ ее тотчасъ отецъ Евангелъ и, подобравъ вокругъ себя подрясникъ, побѣжалъ третьей парой, но спутался со своею дамою и упалъ.

Это возбудило общій хохотъ.

— Одинъ Гордановъ не принималъ участія! Что это такое? Играйте сейчасъ, Гордановъ, я вамъ это приказываю,—пошутила Бодростина.

— Не слушаю я ничьихъ приказовъ.

— Послушайте хоть въ шутку.

— Ни въ шутку, ни въ серьезъ.

— Вышелъ изъ повиновенія! Ну, такъ серьезничайте же за наказаніе.

— Я не серьезничаю, а не хочу падать.

— Не велика бѣда.

— Да, кому падать за обычаи, тому дѣйствительно не штука и еще одинъ лишній разъ упасть.

Бодростина сдѣлала видъ, что не слыхала этихъ словъ, побѣжала съ Форовымъ, но майоръ все слышалъ и немножко покосился.

— Послушайте-ка,—сказалъ онъ, уловивъ минуту, Синяшиной.—Замѣчаете вы, что Гордановъ завирается!

— Да, замѣчаю.

— И что же?

— Ничего.

— Гмъ!

— Онъ этимъ себѣ реноме здѣсь составилъ; но все-таки

я думала, что онъ умѣе и знаетъ, гдѣ что можно и гдѣ нельзя.

— Чортъ его знаетъ, что съ нимъ сдѣлалось.

— Ничего; онъ зазнался; а можетъ-быть и совсѣмъ не знаетъ, что мои двери такимъ людямъ залерты.

Между тѣмъ Катерина Астафьевна распорядилась закуской. Столъ былъ накрытъ въ той комнатѣ, гдѣ въ началѣ этой части романа сидѣла на полу Форова. За этимъ покосомъ, въ отворенную дверь была видна другая очень маленькая комнатка, гдѣ надъ диваномъ, какъ разъ предъ дверью, висѣлъ задернутый густою драпировкой изъ кисеи портретъ первой жены генерала, Флоры. Эта каютка была спальня генеральши и Вѣры, и болѣе во всемъ этомъ жилищѣ никакого помѣщенія не было.

Мужчины подошли къ закускѣ и выпили водки.

— Фора! — возгласилъ неожиданно Гордановъ, паливая себя во второй разъ полрюмки вина.

— Чего-съ?—оборотился къ нему Форовъ.

— Ничего: я говорю «фора», даю знакъ пить снова и снова.

— Ахъ, это!..

— Ну-съ; я васъ поздравляю: ему быть отъ меня битому,—шпенуль, наклонясь къ Синтяниной, майоръ.

— Надѣюсь, только не здѣсь.

— Нѣтъ, нѣтъ, въ другомъ мѣстѣ!

Висленевъ рассказывалъ сестрѣ, Форовой и Глафирѣ о странномъ снѣ, который ему привидѣлся прошлою ночью.

— Не вѣрь, батюшка, снамъ, всѣ они врутъ,—отвѣтила ему майорша.

— Есть пустые сны, а есть сны вѣщіе, — возразилъ ей Висленевъ. — Мнѣ нравится на этотъ счетъ теорія спиритовъ. Вы ее знаете, Филетеръ Ивановичъ?

— Читали мы кой-что. Помнишь, отецъ Евангель, новый завѣтъ-то ихній... Эка белиберда какая!

— Оно, говорятъ, вѣдь по Евангелію писано.

— Да; въ здоровый бульонъ мистическихъ номой подлито.

— Тѣхъ же щей, да пожиже захотѣлось,—вставилъ свое слово Евангель.

— А я уважаю спиритовъ и увѣренъ, что они дадутъ намъ нѣчто обповляющее. Смотрите: узкое, старое или такъ-

называемое церковное христіанство обветшало, и въ него—сознайтесь—искренно мало кто вѣритъ, а въ другой крайности, что же? Бесплодный матеріализмъ.

— Ну-съ?

— Ну-съ, и должно быть что-нибудь новое, это и есть спиритизмъ. Смотрите, какъ онъ захватываетъ въ Америкѣ и повсюду, напримѣръ у насъ въ Петербургѣ: даже нѣкоторые государственные люди...

— Столы вертять,—подсказалъ майоръ.—Что же, и прекрасно.

— Нѣтъ; не одни столы вертять, — а въ самомъ дѣлѣ отвѣты отъ мертвыхъ получаютъ.

— Ничего-съ, стихійное мудрованіе, все это кончится здоромъ,—отрѣзалъ Евангель.

— Ну, подождите, какъ-то вы съ нимъ справитесь.

— Ничего-съ: христіанство и не такихъ враговъ видало.

— Ну, этакихъ не видало, это новая сила: это не грубый матеріализмъ, а это тонкая, тонкая сила.

— Во-первыхъ, это не сила,—отозвался Форовъ:—а вторыхъ, вы исторіи не знаете.

— Вотъ какъ! Кто вамъ сказалъ, что я ее не знаю?

— А, разумѣется, не знаете! Все это, государь мой, старье.

И Форовъ началъ перечислять Висленеву связи спиритизма съ мистическими и спиритуальными школами всѣхъ временъ.

— Да,—перебилъ Висленевъ:—но сказано вѣдь, что ново только то, что хорошо забыто.

— Анси ретурнементъ гуменъ-эсть-феть,—отозвался отецъ Евангель, произнося варварскимъ, бурсадкимъ языкомъ французскія слова.—Да и сіе не ново, что все не ново.

Paix engendre prospérité,
De prospérité vient richesse,
De richesse orgueil et volupté,
D'orgueil—contentions sans cesse;
Contention—la guerre se presse...
La guerre engendre pauvreté,
La pauvreté l'humilité,
L'humilité revient la paix...
Ainsi retournement humain est fait!

Прочиталъ, ничто же сумняся и мя себя говорящимъ по-французски, Евангель.

Заинтересованные его французскимъ чтеніемъ, къ нему обернулись всѣ, и Бодростина воскликнула:

— Ахъ, какая у васъ завидная память!

— Нѣтъ-съ, и начитанность какая, добавьте! — заступился Форовъ.—Вы, Иосафъ Платонычъ, знаете ли, чьи это стихи онъ намъ привелъ? Это французскій поэтъ Климентъ Маро, котораго вы вотъ не знаете, а котораго, между тѣмъ, сожнившія въ землѣ поколѣнія наизусть твердили.

— А за всѣмъ тѣмъ я все-таки спиритъ!—рѣшилъ Висленевъ.

Онъ ожидалъ, что его заявленіе просто произведетъ тревогу, но оно не произвело ничего. Только Форовъ одинъ отозвался, сказавъ:

— Я самъ, когда порядкомъ наспиртуюсь, такъ тоже дѣлаюсь спиритъ.

— Значитъ, это хроническое,—послышалось отъ Горданова.

Форовъ всталъ изъ-за стола и, отойдя къ свѣчѣ, стоявшей на комодѣ, началъ перелистывать книжку журнала.

— Что это такое вы разсматриваете, майоръ?—спросилъ его Гордановъ, ставъ у него за спиной и чистя перышкомъ зубы. Но Форовъ, вмѣсто отвѣта, вдругъ петерлииво махнулъ локтемъ и грубо крикнулъ:—Но-о!

Павель Николаевичъ, сдерживая улыбку, удивился.

— Чего это вы по-кучерски кричите?—сказалъ онъ:—я вѣдь не лошадь.

— Я не люблю, чтобъ у меня за ухомъ зубы чистили, я брюзгливъ.

— И не буду, майоръ, не буду,—успокоилъ его Гордановъ, фамильярно касаясь его плеча; но эта новая шутка еще больше не понравилась Форову, и онъ закричалъ:

— Не троньте меня, я нервень.

— При этакой-то корпуленціи и нервень?

И Гордановъ еще разъ слегка коснулся боковъ Форова. Майоръ совсѣмъ взбѣсился и у него затряслись губы.

— Говорю вамъ, не троньте меня: я щекотливъ!

— Господинъ Гордановъ, да не троньте же вы его!—проговорила, подходя къ мужу, Форова.

— Извините, я шутилъ,—отвѣчалъ Гордановъ:—и вовсе не думалъ разсердить майора. Богъ, Висленевъ, ты теперь спиритъ, объясни же намъ по спиритизму, что это дѣлается

со здоровымъ человѣкомъ, что онъ вдругъ становится то брюзгливъ, то нервень, то щекотливъ и...

— Вонъ у него какая палка нынче съ собою! — поддержалъ пріятеля Висленевъ, взявъ поставленную майоромъ въ углу толстую бѣлую палку.

Но Форовъ, дѣйствительно, сталъ и нервень, и щекотливъ; онъ уже слышалъ то, чего другіе не слышали, и обижался, когда его не хотѣли обидѣть.

— Не троньте моей палки! — закричалъ онъ, поблѣднѣвъ и весь заколотясь въ лихорадкѣ азарта, бросился къ Висленеву, вырвалъ палку изъ его рукъ и, ставя ее на прежнее мѣсто въ уголъ, добавилъ: — Моя палка чужихъ бьетъ!

— Господа, прекратите, пожалуйста, все это, — серьезно объявила, вставая, Александра Ивановна.

Гости почувствовали себя въ неловкомъ положеніи, и Гордановъ, Глафира и Висленевъ вскорѣ стали прощаться.

— Не будемъ сердиться другъ на друга, — сказала Бодростица, пожимая руки Синтяниной.

— Нисколько, — отвѣчала та. — До свиданія, Иосафъ Платоновичъ.

— А со мною вы не простаетесь? — отнесся къ ней Гордановъ, котораго она старалась не замѣтить.

— Нѣтъ, съ вами-то именно я рѣшительнѣе всѣхъ прощаюсь.

— Позвольте вашу руку!

— Нѣтъ; не подаю вамъ и руки на прощанье, — отвѣчала Синтяница, принимая свою руку отъ руки Висленева и пряча ее себѣ за спину.

— Конечно, я знаю, мой пріятель во всемъ и всегда былъ счастливѣе меня... Я конкурировать съ Жозефомъ не посмѣю. Но, во всякомъ случаѣ, не желалъ бы... не желалъ бы по крайней мѣрѣ навлечь на себя небезопасный гнѣвъ вашего превосходительства.

Александра Ивановна слегка поблѣднѣла.

— Ваше превосходительство такъ хорошо себя поставили.

— Надѣюсь.

— Супругъ вашъ генералъ, имѣетъ такое вліяніе...

— Что даже его жена не защищена отъ наглостей въ своемъ домѣ.

— Нѣтъ; что предъ вами должно умолкнуть все, чтобы потомъ не каяться за слово.

— Вонь!—воскликнула быстро Александра Ивановна и, вытянувъ впередъ руку, указала Горданову пальцемъ къ выходу.

Павель Николаевичъ не успѣлъ опомниться, какъ Форовъ отмахнулъ предъ нимъ настѣжь дверь и, держа въ другой рукѣ свою палку, которая «чужихъ бьетъ», сказалъ:

— Имѣю честь!

Гордановъ оглянулся вокругъ и, видя попрежнему вытянутую руку Синтяниной, вышелъ.

Вслѣдъ за нимъ пошли Бодростина и Висленевъ и покатили въ городъ, Богъ вѣсть въ какомъ настроеніи духа.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Крестъ.

Отъ Александры Ивановны никто не ожидалъ того, что она сдѣлала. Выгнать человѣка вонъ изъ дома такимъ прямымъ и безцеремоннымъ образомъ, — это рѣшительно было не похоже на выдержанную и самообладающую Синтянину; по Гордановъ, давно ее злившій и раздражавшій, имѣлъ неосторожность или имѣлъ расчетъ коснуться такого больного мѣста въ ея душѣ, что сердце генеральши сорвалось, и произошло то, что мы видѣли.

На-время не станемъ доискиваться: былъ ли это со стороны Горданова неосторожный промахъ, или точно и вѣрно рассчитанный планъ, и возвратимся къ обществу, оставшемуся въ домикѣ Синтяниной послѣ отъѣзда Бодростиной, Висленева и Горданова.

Наглость Павла Николаевича и все его поведеніе здѣсь вообще взволновали всѣхъ. Никто, по его милости, теперь не былъ похожъ на себя. Форовъ бѣгалъ какъ звѣрь взадъ и впередъ; Подозеровъ, отворотясь отъ окна, у котораго стоялъ во все время дебюта Горданова, былъ блѣденъ какъ полотно и сжималъ кулаки; Катерина Астафьевна дергала свои сѣдые волосы, а отецъ Евангель сидѣлъ, сложа руки между колѣнъ, и, глядя себѣ въ ладони, то сдвигалъ, то раздвигалъ ихъ, не допуская одной до другой. Лариса же стояла какъ статуя печали. Одна Александра Ивановна была, повидимому, спокойнѣе всѣхъ, но и это было только повидимому: это было спокойствіе человѣка, удовлетворив-

паго меудержимому порыву сердца, но еще не вдумавшагося въ свой поступокъ и не давшиаго себѣ въ пемь отчета. Человѣкъ въ первыя минуты послѣ вспышки чувствуетъ себя бодро и крѣпко, — крѣпче чѣмъ всегда, въ пору обыкновеннаго спокойнаго состоянія. Таково было теперь еще состояніе и Александры Ивановны. Она спокойно слушала восторги Форовой и глядѣла на благодарственные кресты, которыми себя осѣняла майорша. Одна Катерина Астафьевна была вполнѣ довольна всѣмъ тѣмъ, что случилось.

— Слава же тебѣ, Господи, — говорила она: — что на этого шпшиному нашлась наконецъ гроза!

— Онъ уже слишкомъ зазнался! — замѣтила Александра Ивановна. — Ему давно надо было напомнить о его мѣстѣ.

И въ маленькомъ обществѣ пачался весьма понятный при подобномъ случаѣ разговоръ, въ которомъ припомнились разные выходы, безнаказанно сошедшія съ рукъ Горданову.

Александра Ивановна, слушая эти рассказы, все болѣе и болѣе укрѣплялась во мнѣніи, что она поступила такъ, какъ ей слѣдовало поступить, хотя и начинала уже сожалѣть, что нужно же было всему этому случиться у нея и съ нею.

— Я надѣюсь, господа, — сказала она: — что такъ какъ дѣло это случилось между своими, то сору за дверь никому будетъ выносить, потому что я отнюдь не хочу, чтобъ объ этомъ узналъ мой мужъ.

— А почему это? — вмѣшалась Форова. — А по-моему, такъ, напротивъ, надо рассказать это Ивану Демьянычу, пусть онъ, какъ генераль, и своею властью его за это хорошенько бы пропколилъ.

— Я не хочу огорчать мужа: онъ вспылчивъ и горячъ, а ему это вредно, и потомъ скандалъ — все-таки скандалъ.

— Ну, да! вотъ такъ мы всегда: все скадаловъ боимся, а мерзавцы, подобные Гордашкѣ, этимъ пользуются. А ты у меня, Софга Петровна! — воскликнула майорша, вдругъ подскочивъ къ Ларисѣ и застучавъ пальцемъ по своей ладони: — ты себѣ смотри и на усъ намотай, что если ты еще гдѣ-нибудь съ этимъ Гордашкой увидишься или позволишь ему къ себѣ подойти и станешь отвѣчать ему... такъ я... я не знаю, что тебѣ при всѣхъ скажу.

Синтяниной нравился этот поворотъ въ отношеніяхъ Форовой къ Ларисѣ. Она хотя и не сомнѣвалась, что майорша недолго просердится на Лару и примирится съ нею по собственной инициативѣ, но все-таки ей было пріятно, что это уже случилось.

Форова теперь вертѣлась какъ юла, она вездѣ шарила свои пожитки, ласкала мужа, ласкала генеральцу и Вѣру, и нашла случай спросить Подозерова: говорилъ ли онъ о чемъ-нибудь съ Ларой или нѣтъ?

— Лариса Платоновна со мной не разговаривала, — отвѣчалъ Подозеровъ.

— Да; значитъ, ты не говорилъ. Ну, и прекрасно, такъ и показывай, что она тебѣ все равно, что ничего, да и только. Саша! — обратилась она къ Синтяниной: — вели намъ запрячь твою карафашку! Или ужъ намъ ее запрягли?

— Да; лошадь готова.

— Ну, Лара, ѣдемъ! А ты, Форовъ, хочешь съ нами на передочкѣ? Мы тебя подвеземъ.

— Нѣтъ, я въ городъ не поѣду, — отвѣчалъ майоръ.

— Завтра лѣнникомъ идти все равно далеко... Садись съ нами! Садись, поѣдемъ вмѣстѣ, а то мнѣ тебя жаль.

Но Форовъ опять отказался, сказавъ, что у него еще есть дѣло къ отцу Евангелу.

— Ну, такъ я съ Ларой ѣду. Прощай.

И майорша, простясь съ мужемъ и съ пріятелями, вышла, подъ руку съ Синтяниной, съ Ларисой въ карафашку и взяла вожжи.

Вскорѣ по отъѣздѣ Ларисы и Форовой вышли и другіе гости, но передъ тѣмъ майоръ и Евангелъ предъявили Подозерову принесенныя имъ изъ города газеты съ литературой Кишенскаго и Ванскокѣ. Подозеровъ поблѣднѣлъ, хотя и не былъ этимъ особенно тронутъ, и ушелъ спокойно, но на дворѣ вспомнилъ, что онъ будто забылъ свою панталоночку, и вернулся назадъ.

— Александра Ивановна! — позвалъ онъ. — Не осудите меня... я вернулся къ вамъ съ хитростью.

— Я васъ не осуждаю.

— Нѣтъ; серьезно: у меня есть странная, но очень важная для меня просьба къ вамъ.

— Что такое, Андрей Ивановичъ! Я, конечно, сдѣлаю все, что въ силахъ.

— Да; вы это въ силахъ: не откажите, благословите меня этой рукой.

— Господи помилуй и благослови младенца Твоего Андрея,—произнесла, улыбаясь, Синтиянна.

— Нѣтъ; вы серьезно, съ вашей глубокой вѣрой и отъ души вашей меня перекрестите.

— Но что съ вами, Андрей Ивановичъ? Вы же сейчасъ только принимали все такъ холодно и были спокойны.

— Я и теперь спокоенъ какъ могила, но нѣтъ мира въ моей душѣ... Дайте мнѣ этого мира... положите на меня крестъ вашей рукой... Это... я увѣренъ, принесетъ мнѣ... очень пужную мнѣ силу.

Александра Ивановна мнугу постояла, какъ бы призывая въ глубину души своей спокойствіе, и затѣмъ перекрестила Подозерова, говоря:

— Миръ мой даю вамъ и молю Бога спасти васъ отъ всякаго зла.

Подозеровъ поцѣловалъ ея руку и, выйдя, скоро догналъ за воротами Форова и Евангела, который, при приближеніи Подозерова, тихо говорилъ что-то майору. При его приближеніи они замолчали.

Подозеровъ догадался, что у нихъ рѣчь шла о немъ, но не сказалъ ни слова.

У перекрестка дорогъ, гдѣ священнику надо было идти направо, а Подозерову съ Форовымъ налево, они остановились, и Евангель сладостно заговорилъ:

— Андрей Ивановичъ, зайдемте лучше переночевать ко мнѣ.

— Нѣтъ, я не могу,—отвѣчалъ Подозеровъ.

— Видите ли что... мы тамъ поговоримте съ моей папилькой (отецъ Евангель и его попадья звали другъ друга «папильками»): она даромъ, что попадья, а иногда удивительные взгляды имѣетъ.

— Да, да, матушка умная женщина, поклонитесь ей; но я не могу, не могу, я спѣшу въ городъ.

Подозерову хотѣлось, чтобы никто, ни одна женщина съ нимъ болѣе не говорила и не касалась бы его ни одной женская рука.

Онъ несъ на себѣ благословеніе и хотѣлъ, чтобы оно почивало на немъ ничѣмъ не возмущаемое.

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Лариса не узнаеть себя.

Висленевъ ѣхалъ въ экипажѣ вмѣстѣ съ Бодростиной, Гордановъ же держалъ путь одинъ; онъ въ городѣ отсталъ отъ нихъ и, приѣхавъ прямо въ свою гостиницу, отослалъ съ лакеемъ лошадей, а самъ остался дома.

Около полуночи онъ всталъ, взялъ, по обыкновенію, маленькій револьверъ въ карманъ и вышелъ.

Когда Лариса и Форова приѣхали домой, Юсафъ Висленевъ еще не возвращался. Катерина Астафьевна и Лара не намѣрены были его ждать. Форова обошла со свѣчей весь домъ, попробовала свою цитру и, раздѣвшись, легла въ постель.

Лариса тоже была уже раздѣта.

Комнаты, въ которыхъ онѣ спали, были смежны.

Но Ларисѣ не спалось, она вышла въ залу, походила взадъ и впередъ и, взявъ съ фортепіанъ цитру, принесла ее къ теткѣ.

— Прошу васъ, сыграйте мнѣ что-нибудь, тетя.

— Вздумала же: ночью я буду ей играть!

— Да, именно, именно теперь, тетя, ночью.

Форова поднялась на локоть и торопливо заглянула въ глаза племянницы острымъ и безпокойнымъ взглядомъ.

— Что вы, тетя? Я ничего, но... мнѣ нестерпимо... я хочу звуковъ.

— Открой же рояль и сыграй себѣ сама.

— Нѣтъ, не рояль, а это вотъ, это, — отвѣчала Лара, морща лобъ и подавая теткѣ цитру.

Катерина Астафьевна взяла инструментъ, и нѣжные, щиплющіе звуки тонкихъ металлическихъ струнъ зазвѣли: «Коль славенъ нашъ Господь въ Сионѣ».

Лариса стала быстро ходить взадъ и впередъ по комнатѣ и часто взглядывала на изображеніе распинаемаго на Голгоѣ Христа.

Цитра кончила, по чрезъ минуту крошечный инструментъ снова зацципалъ сердце, и ему неожиданно началъ вторить дребезжащій, но еще довольно сильный голосъ майорши.

«Помощникъ и покровитель, бысть мнѣ во спасеніе», — пѣла со своею цитрой Катерина Астафьевна.

Лара вздохнула и, оборотясь къ образу, тихо стала на

колѣни и заплакала, и молилась, молилась словами тетки, и вдругъ потеряла ихъ. Это ее удивило и разсердило. Она дѣлала всѣ усилія поймать оборванную мысль, но за стѣной ея спальни, въ залѣ, неожиданно грянулъ балльный оркестръ.

Лариса вскочила и взялась за лобъ... Ничего не было, никакого оркестра: ясно, что это ей только показалось.

Лариса посмотрѣла на часы, было уже часъ за полночь. Она взошла въ комнату тетки и позвала ее по имени, но Катерина Астафьевна крѣпко спала.

Лара поняла, что столбнякъ ея длился довольно долго, прежде чѣмъ ее пробудили отъ него звуки не существующаго оркестра, и удивилась, какъ она не замѣтила времени. Она торопливо заперла дверь въ залу на ключъ, помоллась наскоро предъ образомъ, раздѣлась, поставила свѣчу на предпостельномъ столикѣ и сѣла въ одной сорочкѣ и кофтѣ на диванѣ, который служилъ ей кроватью, и снова задумалась.

Такъ прошелъ еще часъ. Висленевъ все не возвращался еще; а Лариса все сидѣла въ томъ же положеніи, съ опущенною на грудь головой, съ одною рукой, упавшею на кровать, а другою окаменѣвшею съ перстомъ на устахъ. Черные волосы ея разбѣгались тучей по бѣлымъ плечамъ, нескромно открытымъ воротомъ сорочки; одна нога ея еще оставалась въ нескинутой туфлѣ, межъ тѣмъ какъ другая, босая и какъ мраморъ бѣлая, опиралась на голову разостланной у дивана тигровой шкуры.

«Господи! — думала она, мысленно проведя предъ собою всю свою недолгую прошлую жизнь. — Какой цуть лежить предо мною и чѣмъ мнѣ жить? Въ какомъ капризѣ судьбы и для чего я родилась на этотъ свѣтъ, и для чего я, прежде чѣмъ пачала жить, растеряла всѣ силы мои? Зачѣмъ предо мною такъ беспощадно одни осуждали другихъ и сами становились всѣ другъ друга хуже? Гдѣ же идеаль?.. Я безъ него... Я вся дитя сомнѣній: я ни съ кѣмъ не согласна и не хочу соглашаться. Я не хочу бабушкиной морали и не хочу морали внучекъ. Мнѣ противны опѣ и противны тѣ, кто за нихъ стоитъ, и тѣ, кто ихъ осуждаетъ. Это все люди съ концомъ въ самомъ началѣ своей жизни... А гдѣ же живая душа съ вѣчнымъ движеніемъ впередъ? Не дядя ли Форовъ, замерзшій на отжившей старинѣ; не смиренный ли

Евангелъ; не братъ ли мой, мой жалкій Иосафъ, или не Подозеровъ ли,—Испанскій Дворянинъ, съ одною вѣчною и неизмѣнною честностью? Что я буду дѣлать съ нимъ? Я не могу же быть... испанскою дворянкой! Я хочу... ничего не хотѣть, и... Этотъ человѣкъ... Гордановъ... въ немъ мой покой! Я его ненавижу и... я люблю его... Я люблю этотъ трепетъ и страхъ, которые при немъ чувствую! Боже, какое это наказаніе! Меня къ нему влечетъ невѣдомая сила, и между тѣмъ... онъ дерзокъ, наглъ, надмененъ... даже, можетъ-быть, не честенъ, но... онъ любитъ меня... Онъ любить меня, а любовь творить чудеса, и это чудо надъ нимъ совершу я!..»

Лариса покраснѣла и вздрогнула.

Можетъ-быть, что ее испугала свѣча, которая горѣла тихо и вдругъ всыхнула: на нее метнулась ночная бабочка и, опаливъ крылышки, прилипла къ стеарицу и затрепетала. Лариса осторожно сняла наскромое со свѣчи и въ особенномъ соболѣзнованіи вытерла его крылышки и хотѣла уже встать, чтобы выпустить бабочку въ садъ, какъ взглянула въ окно и совсѣмъ потерялась.

Въ узкой полосѣ стекла между недошедшею на вершокъ до подоконника второй на нее смотрѣли два черные глаза; она въ ту же минуту узнала эти глаза: то были глаза Горданова.

Первымъ впечатлѣніемъ испуганной и сконфуженной Лары было чувство ужаса, затѣмъ весьма понятный стыдъ, потому что она была совсѣмъ раздѣта. Затѣмъ первое ея желаніе было закричать, броситься къ теткѣ и разбудить ее, но это желаніе осталось однимъ желаніемъ: открытыя уста Лары только задули свѣчу и не издали ни малѣйшаго звука.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

Въ ожиданіи худшаго.

Оставшись впотьмахъ и обезпеченная лишь тѣмъ, что ея тѣнерь не видно, Лара вскочила и безотчетно взялась за положенный на креслѣ пеньюаръ.

А между тѣмъ, когда въ комнатѣ стало темнѣе, чѣмъ въ саду, гдѣ былъ Гордановъ, Ларисѣ сталъ виденъ весь движущійся контуръ его головы.

Гордановъ двигался взадъ и впередъ вдоль подзора шторы: имъ, очевидно, все болѣе овладѣвало нетерпѣніе и наглость его бушевала безсиліемъ...

Ларисѣ еще представлялась полная возможность тихо разбудить тетку, но она этого не сдѣлала. Мысль эта отошла на второй планъ, а на первомъ явилась другая. Лара спѣшною рукой накинула на себя пеньюаръ и, зайдя стороной къ косяку окна, за которымъ метался Гордановъ, тихо ослабила шнурокъ, удерживавшій занавѣску.

Штора сползла и подзоръ закрылся; но это Горданову только придало новую смѣлость, и онъ сначала тихо, а потомъ все смѣлѣй и смѣлѣй началъ потрогивать раму.

Дѣвушка не могла себѣ представить, до чего это можетъ дойти и, отступя внутрь комнаты, остановилась. Гордановъ не ослабѣвалъ, страсть и дерзость его разгорались: въ комнатѣ слышался даже гулъ его говора.

Лара опять метнулась къ двери, которая вела въ столовую, гдѣ спала тетка, и... съ незнакомымъ до сихъ поръ чувствомъ страстнаго замиранія сердца притворила эту дверь.

Ей пришло на мысль, что если она разбудитъ тетку, то та затѣветъ цѣлую исторію и непремѣнно станетъ обвинять ее въ томъ, что она сама подала поводъ къ этой наглости. Но Катерина Астафьевна спала крѣпкимъ сномъ, и хотя Лариса было перепугалась, когда дверь немножко пискнула на своихъ петляхъ, однако испугъ этотъ былъ совершенно напрасенъ. Лара приложила черезъ минуту ухо къ дверному створу и убѣдилась, что тетка спитъ,—въ этомъ убѣждало ее сонное дыханіе Форовой. А Гордановъ не отставалъ въ этомъ и продолжалъ свои настойчивыя хлопоты вокругъ рамы.

— Этой дерзости нельзя же оставить такъ, да и, наконецъ, это дойдетъ Богъ знаетъ до чего: Катерина Астафьевна можетъ проснуться и... еще хуже: внизу, въ кухнѣ, можетъ все это услышать прислуга...

Она ощутила въ себѣ рѣшимость и силу самой отстоять свою неприкосновенность и подошла къ окну,—минута, и край шторы зашевелился.

Гордановъ опять качнулъ раму.

Лариса положила трепещущую руку на крючокъ, и едва лишь его коснулась, какъ эта рама распахнулась, и рука Лары словно въ тискахъ замерла въ рукѣ Горданова.

— Ты открыла, Лариса! я такъ этого и ждалъ: тебѣ должна быть чужда пустая жеманность,—заговорилъ Павелъ Николаевичъ, страстно цѣлуя руку Лары.

— Я вовсе не для того...—начала было Лара, но Гордановъ ее перебилъ.

— Это все равно, я не могъ не видѣть тебя!.. прости меня!..

— Уйдите.

— Я обезумѣлъ отъ любви къ тебѣ, Лара! Твоя краса мутитъ мой разумъ!

— Уйдите, молю васъ, уйдите.

— Ты должна знать все... я иду умирать за тебя!

— За меня?!

— И я хотѣлъ тебя видѣть... я не могъ отказать себѣ въ этомъ... Дай же, дай мнѣ и другую твою ручку!—шептала онъ, хватая другую руку Лары и цѣлуя ихъ обѣ вмѣстѣ.—Нѣтъ; ты такъ прекрасна, ты такъ несказанно хороша, что я буду радъ умереть за тебя! Не рвись же, не вырывайся... Дай наглядѣться... теперь... вся въ бѣломъ, ты еще чудеснѣй... и... кляни и презирай меня, но я не въ силахъ овладѣть собой: я рабъ твой, я... раненъ на-смерть... мнѣ все равно теперь!

Ларисѣ показалось, что на глазахъ его показались слезы: это ее подкупило.

— Пустите меня! насъ непременно увидятъ... — чуть слышно прошептала Лара, въ страхѣ оборачивая лицо къ двери теткинѣй комнаты. Но лишь только она сдѣлала это движеніе, какъ, обхваченная рукой Горданова, уже очутилась на подоконникѣ и голова ея лежала на плечѣ Павла Николаевича. Гордановъ обнималъ ее и жарко цѣловалъ ее трепещущія губы, ея шею, плечи и глаза, на которыхъ дрожали и замирали слезы.

Лариса почти не оборонялась: это ей было и не подъ силу; дѣлая усилія вырваться, она только плотнѣе падала въ объятія Горданова. Даже уста ея, теперь такъ рѣшительно желавшія издать какой-нибудь звукъ, лишь шевелились, невольно отвѣчая въ этомъ движеніи поцѣлуямъ замыкавшихъ ихъ устъ Павла Николаевича. Лара склонялась все болѣе и болѣе на его сторону, смутно ощущая, что окно подъ ней уплываетъ къ ея ногамъ; еще одно мгновеніе, и она въ саду. Но въ эту минуту залаяла собака и по двору послышались шаги.

Гордановъ посадилъ Лару на подоконникъ и, тихо прикрывъ раму, пошелъ чрезъ садовую калитку на дворъ и поймалъ здѣсь на крыльцѣ Висленева.

— Чего ты здѣсь, Павелъ Николаевичъ?—освѣдомился у него Иосафъ.

— Вотъ вопросъ! Какъ чего я здѣсь? Что же ты, любезный, вѣрно забылъ, что такое мы завтра дѣлаемъ?—отвѣчалъ Гордановъ.

— Нѣтъ, очень помню: мы завтра стрѣляемся.

— А если помнишь, такъ надо видѣть, что уже разсвѣтаетъ, а въ пять часовъ надо быть на мѣстѣ, котораго я, вдобавокъ, еще и не знаю.

— Я буду, Поль, буду, буду.

— Ну, извини, я тебѣ не вѣрю, а пойдемъ поспать ко мнѣ. Теперъ два часа и ложиться уже некогда, а напьемся чаю и тогда какъ разъ будетъ время ѣхать.

— Да; вотъ еще дѣло-то: на чемъ ѣхать?

— Вотъ то-то оно и есть! А еще говоришь: «буду, буду, буду», и самъ не знаешь на чемъ ѣхать! Переодѣйся, если хочешь, и идемъ ко мнѣ,—я уже припасъ извозчика.

Висленевъ пошелъ переодѣться; онъ приглашалъ взойти съ собою и Горданова, но тотъ отказался и сказалъ, что онъ лучше походить и подождать въ саду.

Лишь скрылся Висленевъ, Гордановъ подбѣжалъ къ Ларисному окну и чуть только попробовалъ дверцу, какъ она сама тихо растворилась. Окно было не заперто, и Лара стояла у него въ прежнемъ положеніи.

Гордановъ ступилъ ногой на фундаментъ и страстно прошепталъ:

— Поцѣлуй меня еще разъ, Лара.

Лариса молчала.

— Сама! Лара! я прошу, поцѣлуй меня сама! Ты мнѣ отказываешь?

Лара колебалась.

— Лара, исполни этотъ мой капризъ, и я исполню все, чего ты захочешь... Ты медлишь?.. Ты не хочешь?

На дворѣ послышался голосъ Висленева, призывавшій Павла Николаевича.

— Идите... братъ мой,—прошептала Лара.

— Кто этотъ братъ? онъ во...

— О, Боже! не договаривайте... Онъ идетъ.

— Ну, знай же: если такъ,—я не уйду безъ твоего поцѣлуя!

Лара въ страхѣ подвинулась къ нему и, робко прильнувъ къ его губамъ устами, кинулась назадъ въ комнату.

Гордановъ сорвалъ этотъ штось и исчезъ.

Когда кончилась процедура поцѣлуевъ, Лариса, какъ разбитая, обернулась назадъ и понялась: предъ нею, въ дверяхъ, стояла совсѣмъ одѣтая Форова.

— Послушай!—говорила охриплымъ и упалымъ голосомъ майорша.—Послушай! запри за мной двери, или вели запереть.

— Куда это вы?—прошптала Лара.

— Домой.

— Зачѣмъ... зачѣмъ... вы всѣ...

— Не знаю, какъ всѣмъ, а мнѣ здѣсь не мѣсто.

И Форова повернулась и пошла. Лара ее догнала въ залѣ и, схвативъ тетку за руку, сама потучилась.

— Пусти меня!—проговорила Форова.

— Одну минутку еще!..

— Ни одной, ни одной секунды здѣсь быть не хочу, послѣ того, что я видѣла своими глазами.

Лара зарыдала.

— Такъ зачѣмъ же, зачѣмъ же вы... его при мнѣ бранили, обижали? Боже! Боже!

— Вотъ такъ и есть! Мы же виноваты?

Но Лариса въ отвѣтъ на это только зарыдала истерическимъ рыданьемъ.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

Въ ожиданіи смерти.

Форовъ провелъ эту ночь у Подозерова; майоръ какъ пришелъ, такъ и завалился и спалъ, храпя, до самаго утра, а Подозеровъ былъ не во снѣ и не въ бѣдннн. Онъ лежалъ съ открытыми глазами и думалъ: за что, почему и какъ онъ идетъ на дуэль?

— Они обидѣли меня клеветой, но это бы я спелъ; но обиды бѣдной Ларѣ, по обиды этой другой святой жеяцинтѣ я снести не могу! Я, впрочемъ... съ большимъ удовольствіемъ умру, потому что стыдно сознаться, а я разочарованъ въ жизни; не вижу въ ней смысла и... однимъ словомъ, мнѣ все равно!

И вдругъ послѣ этого Подозеровъ погрузился въ сосредоточенную думу о томъ: какъ шла замужъ Синтянина? и когда его въ три часа толкнулъ Форовъ, онъ не зналъ: спалъ онъ или не спалъ, и только почувствовалъ на лбу холодныя капли пота.

Форовъ шилъ чай и самъ приготовлялъ и подавалъ чай хозяйшу.

— Теперь подите-ка вотъ сюда!—позвалъ его майоръ въ спальню.—Завѣщаніе у васъ про всякій случай готово? Я говорю, про всякій случай.

— Зачѣмъ? имущества у меня нѣтъ никакого,—а что есть, раздавайте бѣднымъ.—Подозеровъ улыбнулся и добавилъ:—Это тоже про всякій случай!

— Да, такъ, но все-таки... это дѣлаютъ: причину, можетъ-быть, пожелаете объяснить... изъ-за чего?.. Волю, желаніе свое кому-нибудь сообщить?..

— Изъ-за чего? А кому до этого дѣло? Если васъ спросятъ, изъ-за чего это было, то скажите, пожалуйста, что это ни до кого не касается.

— Что же, и такъ bene! И еще вотъ что,—продолжалъ онъ очень серьезно и съ разстановкой:—вы знаете... я принадлежу къ такъ глаголемымъ нигилистамъ,—не къ мошенникамъ, которые на эту кличку откликаются, а къ настоящимъ... старовѣрческимъ нигилистамъ древляго благочестія...

— Хорошъ-съ, — отвѣчалъ, снова улыбнувшись, Подозеровъ.

— То-то, еще хорошо ли это, я... этого, по правдѣ вамъ сказать, и самъ достовѣрно не знаю. Я, какъ настоящей нигилистъ, самъ свои убѣжденія тоже, знаете... не высоко ставлю. Чортъ ихъ знаетъ: кажется что-нибудь такъ, а... вѣдь все оно, можетъ-быть, и иначе... Я, разумѣется, въ жизнь за гробомъ не вѣрю и въ Бога не вѣрю... но...

— Вы вѣрно хотите, чтобъ я помолился Богу?—перебилъ Подозеровъ.

— Да; я этого особенно не хочу, а только напоминаю,—отвѣчалъ, крѣпко сжавъ его руку, майоръ.—Вы не смѣйтесь надъ этимъ, потому что... кто знаетъ, чего нельзя узнать.

— Да я и не смѣюсь: я очень радъ бы помолиться, но я тоже...

— Да; понимаю: вы деиствъ, по не умѣете молиться... считаете это лишнимъ. Пожалуй!

— Но я по вашему совѣту пробѣгу одну-двѣ главы изъ Евангелія.

— И прекрасно, мой совѣтъ хоть это сдѣлать, потому что... я себѣ вѣренъ, я не считаю этого нужнымъ, но я это беру съ утилитарной точки зрѣнія: если тамъ ничего нѣтъ, такъ это ничему и не помѣшаетъ... Кажется, не помѣшаетъ?

— Разумѣется.

— А какъ если есть!.. Вѣдь это, какъ хотите, ошибиться не шутка. Подите-ка уединитесь.

И майоръ, направляя Подозерова въ его комнату, затворилъ за нимъ двери.

Когда они опять сошлись, Форовъ счелъ нужнымъ дать Подозерову нѣсколько наставленій, какъ стоять на поединкѣ, какъ стрѣлять и какъ держаться.

Подозеровъ все это слушалъ совершенно равнодушно.

Въ четыре часа они спохватились, на чемъ имъ ѣхать. Съ вечера эта статья была позабыта, теперь же ее нельзя было исправить.

Рискуя опоздать, они рѣшились немедленно отправиться нѣшкомъ и шли очень скоро. Утро стояло погожее, но непріятное: вѣтреное и красное.

Дорогой съ ними не случилось ничего особеннаго, только и майоръ, и Подозеровъ оба немножко устали.

Но вотъ завидѣлся и желтый, песчаный холмъ посреди молодого сосеника: это Корольковъ верхъ, это одно роковое условное мѣсто.

Форовъ оглянулся вокругъ и, снявъ фуражку, обтеръ платкомъ лобъ.

— Ихъ нѣтъ еще, значить?—спросилъ Подозеровъ.

— Да; ихъ, значить, нѣтъ. Вы садьте и поотдохните немножко.

— Нѣтъ, я ничего... я совсѣмъ не усталъ.

— Не говорите! переходы въ этихъ случаяхъ ужасно не хороши: отъ ходьбы ноги слабѣютъ и руки трясутся и въ глазу нѣтъ вѣрности. И еще я вамъ вотъ что хотѣлъ сказать... это, разумѣется, можетъ-быть, и не нужно, да я даже и увѣренъ, что это не нужно, но про всякій случай...

— Пожалуйста: что такое?

— Когда вы молились...

— Ну-съ?

— Указали ли вы надлежащимъ образомъ, что вѣдь то... зачѣмъ вы пришли сюда, несправосудно будетъ разсматривать наравнѣ съ убійствомъ? Вѣдь вотъ и пророки, и мученики... за идею... умирали п...

— Да зачѣмъ же это указывать? Поставить на видъ, что ли?—И Подозеровъ даже искренно разсмѣялся.

Форовъ подумалъ и отвѣчалъ:

— Да вѣдь я не знаю, какъ это надо молиться, или... мириться съ тѣмъ, чего не знаю.

— Пѣтъ: вы это знаете лучше многихъ!—проговорилъ Подозеровъ, дружески сжавъ руку майора.—Я не могу представить себѣ человѣка, который бы лучше васъ умѣлъ доказать, что хорошая натура всегда остается хорошею, во всякой средѣ и при всякомъ ученіи.

— Ну, извините меня, а я очень могу себѣ представить такого человѣка, который можетъ все это гораздо лучше меня доказать.

— Кто же это?

— Дѣвица Ванскокъ въ Петербургѣ. А вотъ кто-то и ѣдетъ.

За лѣскомъ тихо зарокотали колеса: это подъѣхали Висленевъ и Гордановъ.

Обѣ пары пошли, въ нѣкоторомъ другъ отъ друга разстояніи, къ одной и той же песчаной полянѣ за кустами.

Форовъ пригласилъ Висленева въ сторону, и они начали заряжать пистолеты, то-есть, лучше сказать, заряжалъ ихъ Форовъ, а Висленевъ ему прислуживалъ. Онъ не умѣлъ обращаться съ оружіемъ и притомъ праздновалъ трусу.

Подозеровъ глядѣлъ на песокъ и думалъ, что кровь здѣсь будетъ очень быстро впитывать. Гордановъ держалъ себя соколомъ.

Форовъ съ важностью должностного лица началъ отсчитывать шаги, и затѣмъ Подозеровъ и Гордановъ были поставлены имъ на урочномъ разстояніи лицомъ другъ къ другу.

Дерзкій взглядъ и нахальная осанка не покидали Горданова.

«Это чортъ знаетъ что!—думалъ Форовъ.—Знаю, увѣренъ и не сомнѣваюсь, что онъ естественный и презрѣннѣйшій

трусъ, по что можетъ значить это сго спокойствіе? Нѣтъ ли на немъ латы? Да не на всемъ же на немъ латы! Или... не пзвѣстили ли они, бездѣльники, сами полицію и не поведутъ ли насъ всѣхъ отсюда на съѣзжую? Чего добраго: отъ этой дрянн всего можно ожидать».

Но Форовъ не все предугадываль и ожидалъ совѣмъ не того, на что рассчитываль, держа высоко свою голову, Гордановъ.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.

Секретъ.

Александра Ивановна, выпроводивъ гостей, видѣла, какъ работникъ заперъ калитку, поманилъ за собою собакъ и ушелъ спать на погребницу.

Синтянина подошла къ окну и глядѣла черезъ невысокій тынъ на широкія поля, на которыхъ луна теперь выдвигала прихотливыя очертанія тѣней отъ самыхъ незначительныхъ предметовъ на землѣ и мелкихъ облачковъ, бѣгущихъ по небу.

Вѣра сняла дневное платье, надѣла свою бѣлую блузку, заперла дверь, опустила бѣлыя шторы на окнахъ, въ которыя свѣтила луна, и, стоя съ лампой посреди комнаты, громко топнула.

Синтянина оглянулась.

— Ты не будешь спать? — спросила Вѣра своими знаками мачиху.

— Нѣтъ; мнѣ не хочется спать.

— Да; ты и не спи.

— Зачѣмъ?

Дѣвочка улыбнулась и отвѣчала: «Такъ... теперь хорошо», и съ этимъ она вошла въ спальню, легла на свой диванъ подъ материнымъ портретомъ, завѣшеннымъ клееей, и погасила лампу.

Это Александръ Ивановичъ не понравилось, тѣмъ болѣе, что вслѣдъ затѣмъ, какъ погасъ огонь, въ спальнѣ послышался тихій шорохъ и при слабомъ свѣтѣ луны, сквозь опущенную штору, было замѣтно какое-то неспокойное движеніе Вѣры вдоль стѣны подъ портретомъ ея матери.

Александра Ивановна съ неудовольствіемъ зажгла свѣчу и вошла въ спальню. Вѣра лежала на своемъ мѣстѣ и

казалось спала, но сквозь сонъ тихо улыбалась. У нея бывалъ нерѣдко особый родъ улыбокъ, добрыхъ, но ироническихкихъ, которыя нѣсколько напоминали улыбки опытной пьяни, любящей ребенка и насмѣхающейся надъ нимъ. Александра Ивановна въ теченіе многихъ лѣтъ жизни съ глухонѣмою падчерицей никогда не могла привыкнуть къ этимъ ея особеннымъ улыбкамъ, и онѣ особенно неприятно подѣйствовали на нее сегодня, послѣ шалости Вѣры въ осинникѣ. Генеральна давно была очень разстроена всѣмъ, что видѣла и слышала въ послѣднее время; а сегодня ее особенно тяготили наглые намеки на ея практичность и на ея давнюю слабость къ Висленеву, и старыя раны въ ея сердцѣ заняли и запѣнились свѣжею кровью.

— Нѣтъ; этого невозможно такъ оставить: я могу умереть внезапно, мгновенно, со всею тяжестью этихъ укорицъ... Нѣтъ; этого нельзя! Пока я жива, пускай говорятъ и думаютъ обо мнѣ что хотятъ, но память моя... она должна быть чиста отъ гѣхъ пятенъ, которыя кладутъ на нее и которыхъ я не хочу и не могу снять при жизни. Зачѣмъ откладывать вдалѣ? Я теперь взволнована, и все давно минувшее предо мною встаетъ свѣжо, какъ будто всѣ бѣды жизни ударили въ меня только сію минуту. Я все чувствую, все помню, вижу, знаю, и теперь я въ силахъ передать все, что и зачѣмъ я когда сдѣлала. Стало-быть, настала часъ, когда мнѣ надо открыть это, и Гордановъ принесть мнѣ пользу, заставивъ меня за это взяться.

Съ этимъ генеральна торопливо перемѣнила за широкой платьѣ на блузу и, распустивъ по спинѣ свои тучныя косы, зажгла лампу. Установивъ огонь на столѣ, она достала бумагу и начала писать среди нерушимаго почного молчанія.

«Призвавъ Всемогущаго Бога, Которому вѣрую и суда Котораго несомнѣнно ожидаю, я, Александра Синтянна, рожденная Гриневичъ, пожелала и рѣшилась собственно-ручно написать нижеслѣдующую мою исповѣдь. Дѣлаю это съ тою цѣлію, чтобы бумага эта была вскрыта, когда ее будетъ на свѣтѣ меня и другихъ лицъ, которыхъ я должна коснуться въ этихъ строкахъ: пусть эти строки мои представятъ мои дѣла въ истинномъ ихъ свѣтѣ, а не въ томъ, въ какомъ ихъ толковали всѣ знавшіе меня при жизни.

«Я, незамѣтная и неизвѣстная женщина, попала подъ колесо обстоятельствъ, накатившихъ на мое отечество въ

пачалъ шестидесятихъ годовъ, которымъ принадлежитъ моя первая молодость. Безъ всякаго призванія къ политикѣ, я принуждена была сыграть роль въ событіяхъ политическаго характера, о чемъ, кромѣ меня, знаетъ только еще одинъ человѣкъ, но этотъ человѣкъ никогда объ этомъ не скажетъ. Я же не хочу умереть, не раскрывъ моей повѣсти, потому что человѣку, какъ бы онъ ни былъ малъ и незамѣтенъ, дорога чистота его репутаціи.

«По всеобщему мнѣнію знающихъ меня людей, я позорно сторговала собою при моемъ замужествѣ и погубила много вѣроломствомъ человѣка, подававшаго нѣкогда большія надежды. Это—клевета, а дѣло было вотъ какъ. Я съ дѣтскихъ почти лѣтъ считалась невѣстой Юсафа Платоновича Висленева, котораго любила первою дѣтскою любовью. Онъ, по его словамъ, тоже любилъ меня, чему я, впрочемъ, имѣю основанія не вѣрить. И вотъ ему-то я и измѣнила, кинула его въ несчастіи, вышла замужъ за генерала и провожу *счастливую жизнь*... Такъ думаютъ всѣ, и я въ этомъ никого не разувѣряю, однакоже, все-таки, это не такъ. Въ самой ранней нашей юности, между нами съ Висленевымъ обнаружались непримиримыя и несогласимыя разности во взглядахъ и симпатіяхъ: то время, которое я отдавала приготовленію къ жизни, онъ уже посвящалъ самой жизни, но жизни не той, которую я считала достойною силъ и мужества отвѣчающаго за себя человѣка. Въ немъ была бездна легкомысленности, которую онъ считалъ въ себѣ за отвагу; много задора, принимавшагося имъ за энергію; масса суетности, которая казалась ему пренебреженіемъ къ благамъ жизни, и при всемъ этомъ полное пренебреженіе къ спокойствію и счастью ближнихъ. Я все это замѣтила въ немъ очень рано и знала гораздо ближе всѣхъ стороннихъ людей, которыхъ Висленевъ могъ обманывать шумомъ и диалектикой; но, узнавъ и изучивъ его пороки, я все-таки никогда не думала отъ него отречься. Я знала, что я не могу ожидать истиннаго счастья съ такимъ человѣкомъ, который чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе научался и привыкалъ относиться съ непростительнымъ, легкомысленнымъ неуваженіемъ ко всему, къ чему человѣку внушается почтеніе самою его натурой. Я видѣла, что мы съ нимъ не можемъ составить пары людей, которые могли бы восполнять другъ друга и служить одинъ другому опорой въ неудачахъ и несчастіяхъ.

Мы ко всему отпосились розно, начиная съ нашихъ ближайшихъ родныхъ и кончая родиною. Но, тѣмъ не менѣе, я любила этого несчастнаго молодого человѣка и не только готовилась, но и хотѣла быть его женой, въ чемъ свидѣтельствуюсь Богомъ, Которому видима моя совѣсть. Я назначала мою жизнь на то, чтобы беречь его отъ его печальныхъ увлеченій; я знала, что во мнѣ есть своя доля твердости и терпѣнія, съ которыми можно взяться преодолѣть шероховатости довольно дурной природы. Но, увы! у того, о комъ я говорю, не было никакой природы. Это былъ первый видимый мною человѣкъ довольно распространеннаго нынче типа несчастныхъ людей, считающихъ необходимою быть причисленными къ чему-нибудь новому, модному, и не заключающихъ сами въ себѣ ничего. Это люди, у которыхъ безпокойное воображеніе одолѣло умъ и замѣнило чувства. Помочь имъ, удерживать ихъ и регулировать нельзя: они уносятся какъ дымъ, таютъ какъ облако, выскользаютъ какъ мокрое мыло. Женщины не могутъ быть ни ихъ подругой, ни некатъ въ нихъ опоры, а для меня было необходимо и то, и другое; я всегда любила и уважала семью. Всленевъ окончилъ курсъ, пріѣхалъ домой, поступилъ на службу и медлилъ на мнѣ жениться, я не знаю почему. Я полагаю, что я ему въ то время разнравилась за мою простоту, которую онъ считалъ за безсодержательность,—я имѣю основаніе такъ думать, потому что онъ не упускалъ случая отзывать съ провѣей, а иногда и прямо съ презрѣніемъ о женщинахъ такого простаго образа мыслей, каковы были мой, и такихъ скромныхъ намѣреній, каковы были мои, возникшія въ семьѣ простой и честной, дружной, любящей, но въ самомъ дѣлѣ, можетъ-быть, черезчуръ неинтересной. Его идеаломъ въ то время были женщины другого, мнѣ вовсе неизвѣстнаго, но и незавиднаго для меня мірка. Онъ съ жаромъ говорилъ о покинутыхъ имъ въ Петербургѣ женщинахъ, презирающихъ бракъ, ненавидящихъ домашнія обязанности, издѣвающихся надъ любовью, вѣрностью и ревностью, не переносящихъ родственныхъ связей, говорящихъ только о «вопросахъ» и занятыхъ общественнымъ трудомъ, школами и обновленіемъ свѣта на необыкновенныхъ началахъ. Мнѣ все это представлялось очень смутно: я Петербурга никогда не видала, о жизни петербургской знала только по наслышкѣ да изъ книгъ; но я знала, что, если есть такіа

женщины, которыми бредилъ Висленевъ, то именно въ средѣ ихъ только и можетъ быть отыскана та или тѣ, которыя могли бы слиться съ нимъ во что-нибудь гармоническое. Я обдумала это, и найди, что я ему по всему не пара, что я ему скорѣе помѣха, тѣмъ помощница, рѣшила предоставить наши отношенія судьбѣ и времени. Не скажу, чтобы это мнѣ было особенно тяжело, потому что любовь моя къ нему въ это время была уже сильно поколеблена и притуплена холоднымъ резонерствомъ, которымъ онъ обдавалъ мои горячіе порывы къ нему въ письмахъ. Потомъ онъ мнѣ сказалъ однажды, что, по его мнѣнію, «истинна только та любовь, которая не захватываетъ предметъ своей привязанности въ исключительное обладаніе себѣ, но предоставляетъ ему всю ширь счастья въ свободѣ». Послѣ этихъ словъ, которыя я поняла во всей ихъ безнатурности и цинизмѣ, со мною произошло нѣчто странное: они возбудили во мнѣ чувство.. .неодолимой гадливости,—человѣкъ этотъ точно отпалъ отъ моего сердца и уже болѣе никогда къ нему не приближался, хотя, тѣмъ не менѣе, я бы все-таки пошла за него замужъ, потому что я его безмѣрно жалѣла. Но Богъ рѣшилъ иначе. Онъ судилъ мнѣ другую долю и въ ней шныя испытанія.

«Вращаясь въ кружкѣ тревожныхъ и безпристальныхъ людей, Висленевъ попалъ въ исторію, которую тогда называли политической, хотя я убѣждена, что ее не слѣдовало такъ называть, потому что это была не болѣе какъ ребяческая глупость и по замыслу; и по способамъ осуществленія; но, къ сожалѣнію, къ этому относились съ серьезностью, для которой безъ всякаго труда можно бы указать очень много гораздо лучшихъ и достойнѣйшихъ назначеній. Иосафъ Висленевъ былъ взятъ, и въ бумагахъ его былъ отысканъ дерзостнѣйшій планъ, за который автора, по справедливости, можно было бы посадить, если не въ сумасшедшій, то въ смиренительный домъ; но, что всего хуже, при этомъ планѣ былъ длинный списокъ лицъ, имѣвшихъ неосторожность довѣряться моему легкомысленному женху. Мой отецъ былъ возмущенъ этимъ до глубины души, и въ то время, какъ Иосафъ Висленевъ, въ качествѣ политическаго арестанта, пользовался въ городѣ почти общимъ сочувствіемъ, у насъ въ домѣ его строго осуждали, и я признавала эти осужденія правильными.

«Легкомысленность, составляющая недостатокъ человѣка,

пока онъ вредить ею только самому себѣ, становится тяжкимъ преступленіемъ, когда за нее страдаютъ другіе. Таково было мнѣніе моего умнаго и честнаго отца, таковы же были и мои убѣжденія, и потому мы къ этому отнеслись иначе, чѣмъ многіе.

«Дѣло Висленева было въ нашихъ глазахъ ничтожно по его несбыточности; но онъ, конечно, долженъ былъ знать, что его будутъ судить не по несбыточности, а по достоинству его намѣреній, и, несмотря на то, онъ игралъ не только репутаціей, но даже судьбой лицъ, имѣвшихъ необдуманность раздѣлять его вѣтренные планы и неосторожность вѣрить ему свои имена. Онъ погибалъ не одинъ, но предавалъ съ собою другихъ такихъ же, какъ онъ, молодыхъ людей, въ которыхъ гибли лучшія надежды несчастныхъ отцовъ, матерей, сестеръ и мнѣ подобныхъ невѣсть. Отецъ мой пользовался нѣкоторымъ довѣріемъ и расположеніемъ генерала Синтянина, который жилъ съ нами на одномъ дворѣ и сватался однажды ко мнѣ во время видимато охлажденія ко мнѣ Висленева, но получилъ отказъ. Дѣло во многомъ отъ него зависѣло. Я это знала и... мнѣ вдругъ пришла мысль... но, впрочемъ, буду рассказывать по порядку.

«Былъ страшный, вѣчно живой и незабвенный для меня вечеръ, когда мы, вскорѣ послѣ ареста Висленева, говорили съ моимъ отцомъ объ этомъ дѣлѣ. Солидный и честный отецъ мой былъ очень взволнованъ, онъ не запрещалъ мнѣ и теперь выйти за Висленева, но онъ не скрывалъ, что не хотѣлъ бы этого. Онъ говорилъ, что это человѣкъ съ преступнымъ, ничего не щадящимъ легкомысліемъ, и я въ глубинѣ души съ нимъ согласилась, что женщиноу нечего дѣлать съ такимъ человѣкомъ. Можетъ-быть, это было нѣсколько преувеличено, но вѣчная безнатурность Висленева, сквозь которую, какъ копье сквозь тѣнь, проникали всѣ просьбы, убѣжденія и уроки прошлаго, внушала мнѣ чувство-страшной безнадежности. Если бъ онъ былъ подверженъ самымъ грубымъ страстямъ и порокамъ, я бы ихъ такъ не страшилась; если бъ онъ былъ жестокъ, я бы надѣялась смягчить его; если бъ онъ былъ корыстолюбивъ, я бы уповала подавить въ немъ эту страсть; если бъ онъ имѣлъ позорныя пристрастія къ вину или къ картамъ, я бы старалась заставить его ихъ возненавидѣть; если бъ онъ былъ развратецъ, я бы надѣялась устыдить его; но у него не было брошено

якоря ни во что; олъ тянулся за вѣяніями, его сфера была разладъ, его натура была безнатурность, его характеръ былъ безхарактерность. Его могло пересоздать одно: большое горе, способное вдругъ поднять со дна его души давно недѣйствующія силы. Вся жизнь моя явилась предо мной какъ бы въ одной чашѣ, которую я должна была или бережно донести и выпить на положенномъ мѣстѣ, или расплескать по сорному пути. Я вдругъ перестала быть дѣвушкой, жившею въ своихъ мечтахъ и думахъ, и почувствовала себя женщиной, которой нѣчто дано и съ которой, по вѣрѣ моей, нѣчто спросится за гробомъ. (Я всегда вѣрила и вѣрую въ Бога просто, какъ велитъ церковь, и благословляю Провидѣніе за эту вѣру). Внутренній голосъ отвѣчалъ за меня отцу моему, что мнѣ нельзя быть женой Висленева. Внутренній же голосъ (я не могу думать иначе), изъ устъ моего отца, сказалъ мнѣ путь, которымъ я должна была идти, чтобы чѣмъ-нибудь облегчить судьбу того, котораго я все-таки жалѣла.

«Отецъ благословилъ меня на страданія ради избавленія несчастныхъ, выданныхъ мной женихомъ. Это было такъ. Онъ сказалъ: «Не я научу тебя покинуть человѣка въ несчастіи, ты можешь идти за Висленевымъ, но этимъ ты не спасешь его совѣсти и людей, которые ради его гибнутъ. Если ты жалѣешь его — пожалѣй ихъ; если ты женщина и христіанка, поди спаси ихъ, и я... не стану тебя удерживать: я самъ, моими старыми руками, благословляю тебя, и скрой это, и Богъ тебя тогда благословитъ».

«Отецъ не зналъ, въ какія роковыя минуты нравственной борьбы онъ говорилъ мнѣ эти слова, или онъ зналъ болѣе, чѣмъ дано знать нашему чувственному вѣдѣнію. Онъ рисовалъ мнѣ картину бѣдствій и отчаянія семействъ тѣхъ, кого губилъ Висленевъ, и эта картина во всемъ ея ужасѣ огненными чертами напечатлѣлась въ душѣ моей; сердце мое преисполнилось сжимающей жалостью, какой я никогда ни къ кому не ощущала до этой минуты, — жалостью, предъ которою я сама и собственная жизнь моя не стоили въ моихъ глазахъ никакого вниманія, и жажда дѣла, жажда спасенія этихъ людей заклокотала въ душѣ моей съ такою силой, что я цѣлыя сутки не могла имѣть никакихъ другихъ думъ, кромѣ одной: спасти людей ради ихъ самихъ,

ради тѣхъ, кому они дороги, и ради его, совѣсть котораго когда-нибудь будетъ пробуждена къ тяжелому отвѣту. Въ душѣ моей я чувствовала Бога: я никогда не была такъ счастлива, какъ въ эти вѣчно памятные мнѣ минуты, и уже не могла позволить совершиться грезившему несчастью, не употребивъ всѣхъ силъ отвратить его. Тогда я впервые почувствовала, что на мой счетъ заблуждались всѣ, считая меня спокойною и самообладающею; тутъ я увидала, что въ глубинѣ моей души есть лава, которой мнѣ не сдержать, если она вскипитъ и расколется. Я должна была идти спасать ихъ, чужихъ мнѣ по убѣжденіямъ и вовсе мнѣ незнакомыхъ людей: въ этомъ мнѣ показалось мое призваніе. Онъ самъ въ своихъ разговорахъ не разъ указывалъ мнѣ путь къ такому служенію, онъ говорилъ о женщинахъ, которыя готовы были отдавать себя самихъ за избранное ими дѣло, а теперь средства къ такому служенію были въ моихъ рукахъ. Я уже сказала, что генераль Синтянинъ, нынѣшній мужъ мой, отъ котораго зависѣло все или, по крайней мѣрѣ, очень многое для этихъ несчастныхъ, искалъ руки моей, и послѣ моего отказа въ ней мстилъ отцу моему. Я была очень недурна собою: мою голову срисовывали художники для своихъ картинъ; извѣстный скульпторъ, проѣздомъ чрезъ нашъ городъ, упрямилъ моего отца дозволить ему слѣпить мою руку. Я была очень стройна, свѣжа, имѣла превосходный цвѣтъ лица, веселые большіе голубые глаза и свѣтло-золотистые волосы, доходившіе до моихъ коленъ. Души моей генераль не зналъ, и я понимала, что я противъ воли моей внушала ему только одну страсть. Это было ужасно, но я рѣшила воспользоваться этимъ, чтобы совершить мой подвигъ. (Я называю его подвигомъ потому, что генераль Синтянинъ внушалъ мнѣ не только отвращеніе, которое, можетъ-быть, понятно лишь жещинѣ, но онъ возбуждалъ во мнѣ ужасъ, раздѣлявшійся въ то время всѣми знавшими этого человѣка. Онъ былъ вдовъ, и смерть жены его, по общей молвѣ, лежала на его совѣсти). Молодая душа моя возмущалась при одной мысли соединить жизнь мою съ жизнью этого человѣка, но я на это рѣшилась... Предо мной стоялъ Христосъ съ Его великой жертвой, и смятенія мои улегались. Я много молилась о дарованіи мнѣ силы, и она была мнѣ ниспослана.

«Утромъ одного дня, отстоявъ раннюю обѣдню въ одинокомъ храмѣ, я вошла въ домъ генерала, и тутъ со мною случилось даже нѣчто чудесное. Чуть я отворила дверь, вся моя робость и всё сомнѣнія мои исчезли; въ груди моей забилось сто сердець; я чувствовала, какъ множество незримыхъ рукъ подхватили меня и несли, какъ бы пригибая и сглаживая подъ ногами моими ступени лестницы, которою я выходила. Экзальтація моя достигала высочайшей степени: я дѣйствительно ощущала, что меня поддерживаютъ и мною руководятъ извиѣ какія-то невидимыя силы. Ни моя молодость и неопытность, ни прямота моей натуры и большое мое довѣріе къ людямъ, ничто не позволяло мнѣ разсчитывать, что я поведу дѣло такъ ловко, какъ я повела его. Когда я перечитываю библейскую повѣсть о подвигѣ жены изъ Витулін, мнѣ, конечно, странно ставить себя, тогдашнюю маленькую дѣвочку, возлѣ этой библейской красавицы въ парчѣ и виссонѣ; но я, какъ и она, не забыла даже одѣться къ лицу. Не забываю никакихъ мелочей изъ моихъ экзальтацій этого дня: мнѣ всегда зло все черное, и я приняла это въ расчетъ: я была въ черномъ мериносовомъ платьѣ и черной шляпкѣ, которая отгѣняла мои свѣтлорусые волосы и давала мнѣ видъ очень красиваго ребенка, но ребенка настоичиваго, своенравнаго и твердаго, не съ дѣтскою силой.

«Я приступила къ дѣлу прямо. Оставшись наединѣ съ Синтянинымъ, я предложила ему купить мое согласіе на бракъ съ нимъ добрымъ дѣломъ, которое заключалось въ облегченіи судьбы Висленева и его участниковъ. Я отдавала все, что было у меня, всю жизнь мою, съ обѣтомъ не нарушить слова и вѣрною дойти до гроба; но я требовала многого, и я теперь еще не знаю, почему я безъ всякихъ опытныхъ совѣтовъ требовала тогда именно того самаго, что было нужно. Я повторяю, что тамъ была не я: въ моей груди кипѣла сотня жизней и билось сто сердець, вокругъ меня кишѣлъ какой-то рой чего-то страннаго, меня учили говорить, меня сажали, поднимали, шептали въ уши мнѣ какія-то слова, и въ этомъ чудномъ хаосѣ была, однако, стройность, благодаря которой я все уладила. Остановить дѣло было невозможно, это уже было не во власти Синтянина, но я хотѣла, чтобы поступки и

характеръ Висленева получили свое настоящее опредѣленіе, чтобы источникомъ его безразсудныхъ дѣлъ было признано его легкомысліе, а не злонамѣренность, и чтобы мнѣ были вручены и при мнѣ уничтожены важнѣйшія изъ компрометировавшихъ его писемъ, а главное, списки лицъ, писанные его рукой. Я не уступала изъ этого ничего; я вела торгъ съ тактомъ, который не перестаетъ изумлять меня и нынѣ. Я была тверда, осторожна и неуступчива, и я выторговала все. Мнѣ помогали моя тогдашняя милость и свѣжесть и оригинальность моего положенія, сдѣлавшая на Сичтянина очень сильное впечатлѣніе. Ему именно хотѣлось купить себѣ жену, и онъ купилъ у меня мою руку тою цѣной, какой я хотѣла: любуясь мною, онъ далъ мнѣ самой выбрать изъ груды взятыхъ у Висленева бумагъ все, что я признавала наиболѣе компрометирующимъ его и другихъ, и я въ этомъ случаѣ снова обнаружила опытность и осторожность, которую не знаю чему приписать. Все это было сожжено... но сожжено вмѣстѣ съ моею свободой и счастьемъ, которыя я спалила на этомъ огнѣ.

«Я дала слово Сичтянину выйти за него замужъ, и сдержала это слово: въ тотъ день, когда было получено свѣдѣніе объ облегченіи участи Висленева, я была обвинена съ генераломъ, при всеобщемъ удивленіи города и даже самыхъ моихъ добрыхъ родителей. Это былъ мой первый опытъ скрыть отъ всѣхъ настоящую причину того, что я сдѣлала по побужденіямъ, можетъ-быть, слишкомъ восторженнымъ и, пожалуй, для кого-нибудь и смѣшнымъ, но, надѣюсь, во всякомъ случаѣ не предосудительнымъ и чистымъ. Принесла ли я этимъ пользу и поступила ли осмотрительно и честно, пусть объ этомъ судить Богъ и тѣ люди, которымъ жизнь моя будетъ извѣстна во всей ея истинѣ, какъ я ее нынче исповѣдую, помышляя день смертный и день страшнаго суда, на которомъ обнажатся всѣ совѣсти и обнаружатся всѣ помышленія. Я поступала по разумнѣю моему и неотразимому влеченію тѣхъ чувствъ, которымъ я повиновалась. Долго размышлять мнѣ было некогда, а совѣтоваться не съ кѣмъ, и я спасла какъ умѣла и какъ могла людей, мнѣ чуждыхъ. Болѣе я не скажу ничего въ мое оправданіе, и пусть Всеблагой Богъ да проститъ всѣмъ злословящимъ меня людямъ ихъ кле-

веты, которыми они осыпали меня, изъясняя поступокъ мой побужденіями суетности и корыстолюбія.

«Случай, устроившій странную судьбу мою, быть-можетъ, совершенно исключительный, но полоса смятеній на Руси еще далеко не прошла: она, можетъ-быть, только едва въ началѣ, и къ тому времени, когда эти строки могутъ попасть въ руки молодой русской дѣвушки, готовящейся быть подругой и матерью, для нея могутъ потребоваться иные жертвы, болѣе серьезныя и тягостныя, чѣмъ моя скромная и безвѣстная жертва: такой дѣвушкѣ я хотѣла бы сказать два слова, ободряющія и укрѣпляющія силой моего примѣра. Я хочу сказать, что страшныхъ и непереносимыхъ жертвъ нѣтъ, когда несешь ихъ съ сознаниемъ исполненнаго долга. Несмотря на тяжелый во многихъ отношеніяхъ путь, на который я ступила, я никогда не чувствовала себя на немъ несчастною свыше моихъ силъ. Въ пожертвованіи себя благу другихъ есть такое неописанное счастье, которое даритъ спокойствіе среди всѣхъ нравственныхъ пытокъ и мученій. А каждое усиліе надъ собою даетъ душѣ новыя силы, которымъ наконецъ самъ удивляешься. Пусть мнѣ въ этомъ повѣрятъ. Я опытомъ убѣждена и свидѣтельствую, что человекъ, разъ твердо и непреклонно рѣшившійся восторжествовать надъ своею землею природою и ея слабостями, получаетъ неожиданную помощь оттуда, откуда онъ ждалъ ея, и помощь эта бываетъ велика и могуча, и при ней душа крѣпнетъ и закаляется до того, что ей уже нѣтъ страховъ и смятеній. Жизнь моя прошла не безъ тревогъ. Я отдала мужу моему все, что могла отдать, кромѣ того, чего у меня для него не было: я всегда была вѣрна ему, всегда заботилась о домѣ, о его дочеряхъ и его собственномъ покоѣ, но я никогда не любила его и, къ сожалѣнію, я не всегда могла скрыть это. Настолько душа и воля всегда оказывались безвластными надъ моею натурою. Въ первые годы моего замужества это было поводомъ къ большимъ неприятностямъ и сценамъ, изъ которыхъ одна угрожала трагической развязкой. Мужъ, приписывая мою къ нему холодность другому чувству, угрожалъ застрѣлить меня. Это было зимой, вечеромъ; мы были одни при запертыхъ окнахъ и дверяхъ,—спастись мнѣ было невозможно, да я, впрочемъ, и сама не захотѣла спастись. Жизнь никогда не казалась мнѣ особенно дорогою и милою,

а тогда она потеряла для меня всякую цѣну, и я встрѣтила бы смерть, какъ высочайшее благо. Желаніе окончить съ моимъ существованіемъ минутами было во мнѣ такъ сильно, что я даже рада была бы смерти, и потому, когда мужъ хотѣлъ убить меня, я, не укрощая его бѣшенства, скрестила на груди руки и стала предъ пистолетомъ, который онъ взялъ въ своемъ азартѣ. Но въ это мгновеніе изъ двери вырвалась моя глухонѣмая падчерица Вѣра и, залопивъ грудь мою своею головою, издала столь страшный и неслыханный звукъ, что отецъ ея выронилъ изъ рукъ пистолетъ и, упавъ предо мною на колѣни, началъ просить меня о прощеніи. Съ тѣхъ поръ я свободна отъ всякихъ упрековъ и не встрѣчала ничего, за что могла бы жаловаться на судьбу мою. Я любима людьми, которыхъ люблю сама; я пользуюсь не только полнымъ довѣріемъ, но и полнымъ уваженіемъ моего мужа и, несмотря на клеветы насчетъ причинъ моего выхода за Сиптянина, теперь я почти счастлива... Я была бы почти счастлива, совершая долгъ свой, если бы... я могла *уважать* моего мужа. Людскія укоризны меня порой тяготятъ, но не надолго. Поэтъ говоритъ: «кто все перевѣдалъ, тотъ все людямъ простилъ». Живя на свѣтѣ, я убѣдилась, что я была не права, считая безнатурнымъ одного Висленева; предо мною вскрылись съ этой же стороны очень много людей, за которыхъ мнѣ приходилось краснѣть. Все надо простить, все надо простить, иначе нельзя найти мира со своей совѣстью. Тайны моей не знаетъ никто, кромѣ моего мужа, но къ разгадкѣ ея нѣсколько приближались мать Висленева и другъ мой Катерина Форова: онѣ рѣшили, что я вышла замужъ за Сиптянина изъ-за того, чтобы спасти Висленева!.. Бѣдные друзья мои! Онѣ считаютъ это возможнымъ и онѣ думаютъ, что я могла бы это сдѣлать! Онѣ полагаютъ, что я не поняла бы, что такую жертвой нельзя спасти человѣка, если онъ дѣйствительно любить и любилъ, а напротивъ, можно только погубить его и уронить себя! Нѣтъ, если бы дѣло шло о немъ одномъ, я скорѣе бы понесла за нимъ его арестантскую суму, но не разбила бы его сердца! Какая Сибирь и какая каторга можетъ сравниться съ горемъ измѣны? Какія муки тяжелѣе и ужаснѣе нестерпимыхъ мученій ревности? Я знаю эту змѣю... Нѣтъ! Я отдала себя за людей, которыхъ я никогда не знала и которые никогда

не узнають о моемъ существованіи. Висленеву не принадлежитъ болѣе ни одной капли моей любви: я полна къ нему только одного сожалѣнія, какъ къ падшему человѣку. Онъ не любилъ меня, онъ уступалъ меня свободѣ, и я потеряла любовь къ нему за это оскорбленіе! Эта уступка меня моей свободѣ вычеркнула его изъ моего сердца разъ и навсегда и безъ возврата. Скажу болѣе: ревность мужа я вспоминаю гораздо спокойнѣе, чѣмъ эту постыдную любовь. Я чувствую и знаю, что могла снести всѣ оскорбленія лично мнѣ, но не могла стерпѣть оскорбленій моего чувства. Это дѣло выше моихъ силъ. Затѣмъ обязательства вѣрности моему мужу я несусь и, конечно, донесу до гроба ненарушимыми, хотя судьбѣ было угодно и здѣсь послать мнѣ тяжкое испытаніе: я встрѣтила человѣка, достойнаго самой нѣжной привязанности, и... противъ всѣхъ моихъ усилій, я давно люблю его. Это случилось, повторяю, противъ моей воли, моихъ желаній и усилій не питать къ нему ничего исключительнаго, но... Богъ милосердъ: онъ любитъ другую, годы мои уже уходятъ, и я усерднѣе всѣхъ помогаю любви его къ другой женщинѣ. Все нарушеніе обѣта, даннаго мною моему мужу, заключается въ одномъ, и я этого не скрою: во мнѣ... съ той роковой поры, какъ я люблю... живетъ неодолимое унованіе, что этотъ человѣкъ будетъ мой, а я его... Я гоню отъ себя эту мысль, но она, какъ тѣнь моя, со мной неразлучна, но я дѣлаю все, чтобъ ей не было возлѣ меня мѣста. О томъ, что я люблю его, онъ не знаетъ ничего и никогда ничего не узнаетъ».

Въ эту минуту Вѣра во слѣ размѣялась и за стѣнной какъ бы слова послышался шорохъ.

Александра Ивановна вздрогнула, но тотчасъ же оправилась, подписала свое писанье, запечатала его въ большой конвертъ и надшлала:

«Духовный отецъ мой, священникъ Евангелъ Мипервицъ, возьметъ этотъ конвертъ къ себѣ и вскроетъ его при друзьяхъ моихъ послѣ моей смерти и послѣ смерти моего мужа».

Окончивъ эту надпись, Спитяшина заперла конвертъ въ ящикъ и, облокотясь на комодъ, стала у него и задумалась.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ.

Ходить сонъ и дрема говорить.

Луна уже блекла и синѣла, наступала предразсвѣтная пора, былъ второй часъ за полночь. Лампа на столѣ выгорѣла и стухла. Синтянина все стояла на одномъ и томъ же мѣстѣ.

«Все это кончится,—думала она:—онъ женится на Ларѣ, и тогда...» — Она задрожала и, хрустнувъ хладѣющими руками, прошептала: «О, Боже, Боже! И еще я же сама должна этому помогать... но вѣдь я тоже человѣкъ, въ моей душѣ тоже есть ревность, есть эти страшные порывы къ жизни. Неужто мало я страдала? Неужто... О, нѣтъ! Избавь, избавь меня отъ этого, Создатель! Пускай, когда я сплю, мнѣ и во снѣ снится счастье. Все кончено! Зачѣмъ эти тревоги? Я жизнь свою сожгла и лучше мнѣ забыть о всемъ, что думалось прошедшею порой. Чего мнѣ ждать? Кто мнѣ не можетъ прилетѣть ужъ вѣстникъ радости, или онъ будетъ.. вѣстникъ смерти... Его я жду и встрѣчу и уйду за нимъ... Туда, гдѣ ангелы, гдѣ мученица Флора».

И въ умѣ Александры Ивановны потянулась долгая, тупая пауза, онъ словно уснулъ, свободный отъ всѣхъ тресолненій; память, уставъ работать, легла какъ занавѣсъ, сокрывшій отъ зрителя опустѣлую сцену, и возобладавшій духъ ея унесся и виталъ въ безмятежныхъ сферахъ. Это прекрасное, легкое состояніе, ниспосылаемое какъ бы въ ослабу душѣ, длилось долго: свѣжій вѣтеръ предосенняго утра плылъ ровнымъ потокомъ въ окно и ласково шевелилъ распущенной косою Синтяниной, цѣловалъ ея чистыя щеки и убаюкивалъ ее тихимъ свистомъ, проходя сквозь щазы растворенной рамы. Природа дышала. И вотъ вздохъ одинъ глубже другого: рама встряхнулась на петляхъ, задрожало стекло, словно кому-то тѣсно, словно кто-то спѣшитъ на свиданье, вотъ даже кто-то ворвался, вотъ сзади Синтяниной послышался электрическій трескъ и за спиной у нея что-то блеснуло и все освѣтилось свѣтло-голубымъ пламенемъ.

Александра Ивановна обернулась и увидала, что на полу, возлѣ илейфа ея платья, горѣла спичка.

Генеральша сообразила, что она, вѣрно, зажгла спичку, наступивъ на нее, и быстро отбросила ее отъ себя дальше ногой; но чуть лишь блеснулъ на полетѣ этотъ слабый

огонь, она съ ужасомъ ясно увидѣла очень странную вещь: скрытый портретъ Флоры, съ выколотыми глазами, тихо спускался изъ-подъ кутавшей его занавѣсы и, качаясь съ угла на уголь, шель къ ней...

— Нѣтъ, Флора, не надо, не надо, уйди! — вскрикнула Синятинна, быстро кинувшись въ псугѣ въ противопо-ложный уголь, и тотчасъ же сама устыдилась своего страха и крика.

«Можетъ-быть, ничего этого и не было и мнѣ только по-казалось, а я, между тѣмъ, подняла такой шумъ?» — подумала она, оправляясь.

Но между тѣмъ, должно-быть, что-то было, потому что въ спальнѣ снова послышалось чорканье спички, и два удара косточкой тонкаго пальчика по столу возвѣстили, что Вѣра не спитъ.

Александра Ивановна оборотилась и увидѣла трепещу-щій свѣтъ; Вѣра сидѣла въ постели и зажгала спичкой свѣчу.

— Не она ли и минутоу тому назадъ зажгла и бросила спичку? Я, забывшись, могла и не слышать этого, но... Го-споди! портретъ, дѣйствительно, стоитъ предъ столомъ! Онъ дѣйствительно сошелъ со стѣны и... *онъ шель*, но онъ оста-вился!

Синятинна остоленѣла и не трогалась.

Вѣра взяла въ руки портретъ и позвала мачиху.

— Зачѣмъ ты ее такъ оскорбила? — спросила она своимъ знаками генеральшу. — Это не хорошо, смотри, она тобой те-перь огорчена.

Александра Ивановна вздрогнула, сдѣлала два шага къ Вѣрѣ и, торопливо озираясь, сказала рукой:

— Куда ты заставляешь меня смотрѣть?

— Назадъ.

— Чего?.. Кто тамъ? скажи мнѣ: я робѣю...

— Гляди!.. Она оскорблена... Зачѣмъ ее бояться?

— Не пугай меня, Вѣра! Я сегодня больна! Я никого не оскорбила.

Но дѣвочка все острѣй и острѣй глядѣла въ одну точку и не обращала вниманія на послѣднія мачихины слова.

— Гляди, гляди! — показывала она, ведя пальцемъ руки по воздуху.

— Ахъ, отстанъ, Вѣра!.. Не пугай!

— Я не пугаю!.. Я не пугаю... Она здѣсь.. ты тихо, тихо стой!.. вотъ, вотъ... не трогайся!.. не шевелись!.. она идетъ къ тебѣ!.. она возлѣ тебя!..

— Оставь, прошу тебя, оставь, — шептала генеральша, растерявшись, стыня отъ впезанно охватившаго ее холоднаго тока.

— Какая добрая!—продолжала сообщать Вѣра, и вдругъ, задыхаясь, схватила мачиху за руку и сказала:

— Бери, бери скорѣй!.. она тебѣ даетъ!.. Ахъ, ты, не-ловкая!.. теперь упало!

И въ это же мгновеніе по полу дѣйствительно что-то стукнуло и покатилося.

Александра Ивановна оглянулась вокругъ и не видѣла ничего, что бы могло причинить этотъ стукъ, но Вѣра скользнула подъ столъ, и Снѣтянина ощутила на пальцѣ своей опущенной руки холодное кольцо.

Она подняла руку: да; ей это не казалось, — это было дѣйствительно настоящее кольцо, ровное, простое золотое кольцо.

Изумленію ея не было мѣры. Она торопливо взяла это кольцо и посмотрѣла внутрь: видно было, что здѣсь когда-то была вырѣзана надпись, но потомъ сдарапана ножомъ и тщательно затерта.

— Откуда же оно взялось?

Вѣра тихо указала ей пальцемъ на уголь протертаго полотна въ портретѣ: тутъ теперь была прорѣха и съ испода значокъ отъ долго здѣсь лежавшаго кольца.

Снѣтянина пожала плечами и, глядя на Вѣру, которая вѣшала на мѣсто портретъ, безотчетно опять надѣла себѣ на палець кольцо.

— Второй разъ поздравляю тебя!—сказала, прыгнувъ ей на шею, Вѣра и поцѣловала мачиху въ лобъ.

Александра Ивановна замахала руками и хотѣла сбросить кольцо; но Вѣра ее остановила за руку и погрозила пальцемъ.

— Это нельзя!—сказала она: —этого никакъ нельзя! никакъ нельзя!

И съ этимъ дѣвочка погасила свѣчу, чему Снѣтянина была, впрочемъ, несказанно рада, потому что щеки ея алѣли предательскимъ, яркимъ румянцемъ, и она была такъ сконфужена и взволнована, что не въ силахъ была сдѣлать ни-

чего много, какъ добрести до кровати и, упавъ головой на подушки, заплакала слезами безпричинными, безотчетными, въ которыхъ и радость, и горе были смѣшаны вмѣстѣ и вмѣстѣ лились на свободу.

«Нѣтъ; тутъ вокругъ насъ гнѣздятся какія-то чары,— думала она, засыпая.— Въ мою жизнь... мѣшается кто-то такой, про кого не снилось земнымъ мудрецамъ... или я мѣшаюсь въ умъ! О, ангель мой! О, страдальца Флора! молись за меня! Зачѣмъ еще мнѣ жить... жить хочется!»

— И надо.

Молодая женщина вздрогнула и накрыла голову подушкой, чтобы ничего не слышать.

А сонъ все ходитъ вокругъ и дрема все ползетъ подъ подушку и шепчетъ: «жить надо! непременно надо!»

Коварный сонъ, ехидная дрема!

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ.

Черный день.

Утро освѣтило Александру Ивановну во снѣ, продлившемся гораздо долѣе обыкновеннаго. Она спала сладко, дышала полно, уста ея улыбались и щеки горѣли яркимъ румянцемъ. Въ такомъ положеніи застала ее Вѣра, вставшая, по обыкновенію своему, очень рано и къ этой порѣ уже возвратившаяся съ своей далекой утренней прогулки. Она подошла къ матицѣ, посмотрѣла на нее и, поставивъ у изголовья генеральши стаканъ молока, провела по ея горячей щекѣ свѣжею озерною лиліей. Холодный, густой и клейкій сокъ выбѣжалъ изъ чашки цвѣтка и крупными, тяжелыми, какъ ртуть, каплями скатился по гладкой кожѣ.

Спящая открыла глаза и, увидавъ улыбающееся лицо падчерицы, сама отвѣчала ей ласковою улыбкой.

— Ты хорошо спала,—сказала ей своєю рукою азбукой дѣвушка.—Вставай, пора; довольно спать, пора проснуться.

Спящая оперлась на локоть и, заглянувъ чрезъ дверь на залитую солнцемъ залу, вдругъ безпричинно встревожилась.

Она еще разъ посмотрѣла на Вѣру, еще разъ взглянула на солнечный свѣтъ, и они оба показались ей странными: въ косыхъ лучахъ солнца было что-то зловѣщее, въ нихъ какъ-будто что-то мѣло и тряслось.

Бываетъ такой страннѣй свѣтъ: онъ гонитъ прочь покой первозныхъ душъ и наполняетъ тяжкими предчувствіями душу.

Спокойное и даже пріятное расположеніе духа, которымъ Александра Ивановна наслаждалась во снѣ, мгновенно ее оставило и замѣнилось тревожною тоской.

Она умылась, убрала наскоро голову и сѣла къ поданному ей стакану молока; но только - что поднесла его ко рту, какъ глаза ея остановились на кольцѣ, и сердце вдругъ упало и замерло.

Необыкновеннаго ничего не было: она только вспомнила про кольцо, которое ей такъ странно досталось, да въ эту же секунду калитка стукнула немножко громче обыкновеннаго. Болѣе ничего не было, но Александра Ивановна встревожилась, толкнула отъ себя стаканъ и бросилась бѣгомъ къ окну.

По двору шла Форова; но какъ она шла и въ какомъ представилась она видѣ? Измятая шляпка ея была на боку, платье на груди застегнуто наперекось, въ одной рукѣ длинная, сухая, вѣтвистая хворостина, другою локтемъ она прижимала къ себѣ худой коленкоровый зонтикъ и тащила за собою, рукавами внизъ, свое рыжее драповое пальто.

Она шла скоро, какъ летѣла, и вела по окнамъ острыми глазами.

— О, Боже мой! — воскликнула при этомъ видѣ Снятинина и, растворивъ съ размаху окно, закричала:—Что сдѣлалось... несчастіе?

— Гибель, а не простое несчастіе!—проговорила на бѣгу дрожащими губами Форова.

— О, говори скорѣй и сразу!—крикнула, рванувшись пастрѣчу къ ней, Снятинина.—Скорѣй и сразу!

— Подозеровъ убить! — отвѣчала Катерина Астафьевна, бросая въ сторону свою хворостину, зонтикъ и пальто и сама падая въ кресло.

Генеральша взвизгнула, взялась за сердце и, отыскавъ дрожащею рукой спинку стула, тихо на него сѣла. Она была блѣдна какъ платъ и смотрѣла въ глаза Форовой. Катерина Астафьевна, тяжело дыша, сидѣла предъ нею съ лицомъ, покрытымъ пылью и полузавѣшеннымъ прядями сѣдыхъ волосъ.

— Что-жъ дальше? Говори: я знаю, за что это, и я все снесу!—шептала генеральша.

— Дай мнѣ скорѣй воды, я умираю жаждой.

Синтянина ей подала воды и приняла назадъ изъ рукъ ея пустой стаканъ.

— Твой мужъ...

— Ну да, ну что-жъ мой мужъ?.. Скорѣй, скорѣй!

— Ударь, и пуля въ старой ранѣ опустилась книзу.

Стаканъ упалъ изъ рукъ Синтяниной и покатился по полу.

— Оба! — проговорила она и, обхвативъ голову руками, заплакала.

— Какъ былъ убитъ Подозеровъ и... что это такое,—заговорила, крихтя и съ остановками, Форова:—я этого не знаю... Ни отъ кого нельзя... добиться толку.

— Дуэль! Я такъ и думала,—прошептала генеральша:—я это чувствовала, но... меня обманули.

— Нѣтъ... Форовъ... говорить убійство... Весь городъ... мечется... бѣжить туда... А твой Иванъ Демьянычъ... всталъ нынче утромъ... былъ здоровъ и... вдругъ пакетъ изъ Петербурга... ему совѣтуютъ подать въ отставку!

— Ну, ну же, Бога ради!

— За несмотрѣніе... за слабость... за моего Форова съ отцомъ Евангеломъ... будто они гордановскихъ мужиковъ мучили. Иванъ Демьянычъ какъ прочиталъ... такъ и покатился безъ языка.

— Скорѣй же ѣдемъ!—и Александра Ивановна, накинувъ на себя сѣрый суконовый платокъ, схватила за руку Вѣру и бросилась къ двери.

Форова едва плелась и не поспѣвала за нею.

— Ты на чемъ пріѣхала сюда?—оборотилась къ ней Синтянина.

— Все на твоей же лошади и... въ твоей же карафашкѣ.

— Такъ ѣдемъ.

И Александра Ивановна, выбѣжавъ за ворота, вспрыгнула въ телѣжку, втянула за собой Форову и Вѣру, и, повернувъ лошадь, погнала вскачь къ городу.

Дорогой никто изъ нихъ не говорилъ другъ съ другомъ ни о чемъ, но, переѣхавъ бродъ, Катерина Астафьевна вдругъ вскрикнула благимъ матомъ и потянулась въ бокъ съ телѣжки.

Синтянина едва удержала ее за руку, и тутъ увидала,

что въ нѣсколькихъ шагахъ предъ ними, на тряскихъ извозчицкихъ дрожкахъ ѣхалъ майоръ Форовъ въ сопровожденіи обнимавшаго его квартальнаго.

— Мой Форовъ! Форовъ!—неистово закричала Катерина Астафьевна, между тѣмъ какъ Синтянина опять пустила лошадь вскачь, а Филетеръ Ивановичъ вырвалъ у своего извозчика вожжи и осадилъ коня, задравъ ему голову до самой дуги.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ.

Форовъ дѣлается Макаромъ, на котораго сыплются шишки.

Коренастый майоръ не только по виду былъ совершенно спокоенъ, но его и въ самомъ дѣлѣ ничто не беспокоило; онъ былъ въ томъ же своемъ партикулярномъ сюртукѣ безъ одной пуговицы; въ той же черной шелковой, доверху застегнутой жилеткѣ; въ военной фуражкѣ съ кокардой, и съ толстою крученою папирской.

— Торочка моя! Тора! Чего ты, глупая баба, плачешь?—заговорилъ онъ самымъ задушевнымъ голосомъ, оборотясь на дрожкахъ къ женѣ.

— Куда?.. Куда тебя везутъ?

— Куда? А чертъ ихъ знаетъ, по началству,—пошутить онъ, по обыкновению, выпуская букву ъ въ словѣ «начальство».

— Поди сюда скорѣй ко мнѣ? Поди, мой Форовъ!

— Сейчасъ, — отвѣтилъ майоръ, и съ этимъ повернулся по-медвѣжьи на дрожкахъ.

Полицейскій его остановилъ и сказалъ, что этого нельзя.

— Чего нельзя? — огрызнулся майоръ. — Вы еще не знаете, что я хочу дѣлать, а ужъ говорите нельзя. Учтите прежде разуму, а послѣ говорите!

И съ этимъ онъ прыгнулъ съ извозчика и подбѣжалъ къ женѣ.

— Чего ты, моя дуручка, перепугалась? Пустое дѣло: спрось и больше ничего... Я скоро ворочусь... и башмаки тебѣ принесу.

Катерина Астафьевна ничего не могла проговорить и только манила его къ себѣ ближе и ближе, и когда майоръ придвинулся къ ней и сталъ на колесо телѣжки ногой, она обняла лѣвою рукой его голову, а правую схватила его

руку, прижала ее къ своимъ занекшимся губамъ и вдругъ погнулась и упала совсѣмъ на его сторону.

— Вотъ еще горе! Ей сдѣлалось дурно! Фу, какая гадость!—сказалъ майоръ Снитяниной и, оборотясь къ квартальному, проговорилъ гораздо громче:— Прошу васъ дать воды моей женѣ, ей дурно!

— Я не обязанъ.

— Что?—крикнулъ азартно Форовъ:—вы врете! Вы обязаны дать больному помощь!—и тотчасъ же, оборотясь къ двумъ проходящимъ солдатамъ, сказалъ:

— Ребята, скачите въ первый дворъ и вынесите скорѣй стаканъ воды: съ майоршей обморокъ!

Солдатики оба бросились бѣгомъ и скоро возвратились съ ковшомъ воды.

Снитянина стала мочить Катеринѣ Астафьевнѣ голову и прыскать ей лицо, а майоръ снова обратился къ квартальному, который въ это время сошелъ съ дрожекъ и стоялъ у него за спиной.

— Васъ бы надо по старому поучить вашимъ обязанностямъ.

— Я васъ прошу садиться и ѣхать со мной,—настаивалъ квартальный.

— А я не поѣду, пока не провожу жену и не увижу ее дома, мой домъ отсюда въ двухъ шагахъ.

Занятая Форовой, Снитянина не замѣчала, что предъ нею разгоралась опасная сцена, способная приумножить вины майора. Она обратила на это вниманіе уже тогда, когда увидала Филетера Ивановича впереди своей лошади, которую майоръ тянулъ подъ-узды къ воротамъ своего дома, между тѣмъ какъ квартальный заступалъ ему дорогу.

Вокругъ уже была толпа зрителей всякаго сорта.

— Прочь!—кричалъ Форовъ. — Не выводите меня изъ терпѣнія. Законъ больныхъ падить, и государственными преступникамъ теперь разрѣшаютъ быть при больной женѣ.

— Васъ вице-губернаторъ ждетъ,—напиралъ на него квартальный, начиная касаться его руки.

— Пусть чортъ бы ждалъ меня, не только вашъ вице-губернаторъ. Я не оставлю среди улицы мою жену, когда она больна.

— А я вамъ не позволю,—и квартальный, ободряемый массою свидѣтелей, взялъ Форова за руку.

Майоръ побѣлѣлъ и гаркнулъ: прочь! такимъ яростнымъ голосомъ, что народъ отступилъ.

— Отойдите прочь!.. Не троньте меня!

Квартальный держалъ за руку Форова и озирался, но въ это мгновеніе черной рукавъ майорскаго скюртука неожиданно описалъ полукругъ, и квартальный пошатнулся и отлетѣлъ на пять шаговъ отъ нанесеннаго ему удара.

Квартальный крикнулъ и кинулся въ толпу, которая, въ свою очередь, шарахнулась отъ него и захохотала.

Уличная сцена окрашивалась въ свои вѣковѣчныя грязныя краски, но, къ счастью генеральши, занятая безчувственною Форовой, она не все здѣсь видѣла и еще того менѣе понимала.

Освободясь отъ полицейскаго, майоръ сдѣлалъ знакъ Александрѣ Ивановнѣ, чтобъ она крѣпче держала его большую жену, а самъ тихо и осторожно подвелъ лошадь къ воротамъ своего дома, который дѣйствительно былъ всего въ двадцати шагахъ отъ мѣста свалки.

Ворота Форовскаго дома не отворялись: они были забиты наглухо и во дворъ было невозможно въѣхать. Катерину Астафьевну приходилось снести на рукахъ, и Форовъ исполнилъ это вмѣстѣ съ тѣми же двумя солдатами, которые прислужились ему водой.

Тихо, осторожно и ловко, съ опытностію людей, переносившихъ раненныхъ, они внесли педышающую Катерину Астафьевну въ ея спальню и положили на кровать.

Синтянина была въ большемъ затрудненіи, и затрудненіе ея съ каждою минутою все возрастало, потому что съ каждою минутою опасность увеличивалась разомъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ, гдѣ она хотѣла бы быть и куда влекъ ее ея прямой долгъ, но Форова была бездыханна, и при ея кипучей душѣ и незнающихъ удержку нервахъ, ей грозила большая опасность.

Генеральша, скрѣпя сердце, ринулась къ больной, разстегнула ей платье и стала тереть ей укусомъ лобъ, виски, грудь, а въ это же время скороговоркой спрашивала Форова о происшедшемъ.

— За что они дрались?

— Ну, это все послѣ, послѣ,—отвѣчалъ майоръ.

— Но во всякомъ случаѣ это была дуэль?

— Нѣтъ; не дуэль—убійство!

— Прошу васъ говорить яснѣй.

— Это было убійство... самое подлое, самое предательское убійство.

— Но кто же убилъ?

— Мерзавцы! Развѣ вы не видите, кто на все способенъ? Вѣдь за все, бездѣльники, берутся, даже ужъ въ спириты лѣзутъ: ни отъ чего отказа, и изъ всего выходятъ цѣлы.

— Подозеровъ наповаль убить?

— Пулей въ грудь, подъ пятое ребро, навывлетъ въ спину, но полчаса тому назадъ, когда я отъ него вышелъ, онъ еще дышалъ.

Спнтянина благодарно перекрестилась.

— Но все равно, —махнуль рукой майоръ:—рана мертвая.

— И онъ теперь одинъ?

— Нѣтъ, тамъ осталась Лариса.

— Лариса тамъ? Что же съ нею, бѣдной?

Форовъ процѣдилъ сквозь зубы:

— Что съ ней? Рветъ волосы, реветъ и, стоя на колѣняхъ въ ногахъ его постели, мѣшаетъ фельдшеру.

— А Гордановъ?

— Раненъ въ пятку.

— Да время-ль теперь для шутокъ, Филетеръ Ивановичъ?

— Я не шучу-съ. Гордановъ раненъ въ пятку.

— Значить, Подозеровъ стрѣлялъ?

— Нимало.

Майоръ оглянулся и, увидавъ у двери снова появившагося квартальнаго, прощенталъ на ухо генеральшѣ:

— Эту пулю ему, подлецу, я засадилъ.

— Господи! что-жъ это такое у васъ было?

— Ну, что это было? Ничего не было. Послѣ узнаете: видите вонъ птаха-квартиха торчитъ и слушаетъ, а вотъ и, слава Богу, Торочка оживаетъ!—молвилъ онъ, замѣтивъ дрожаніе вѣкъ у жены.

— Это была бойня! — простонала, едва открывая свои глаза, Форова.

— Ну, Торочка, я и въ походъ...—заторопился майоръ и поцѣловалъ женину руку.

Катерина Астафьевна смотрѣла на него безъ всякаго выраженія.

— И я, и я тебя оставлю, Катя, рванулась Спнтянина.

— Иди... но... попроси... ты за него... Ты генеральша... тебя всё примутъ...

— Ничего не надо,—отказался Форовъ.

И они съ Синтявиной вышли.

— Меня арестуютъ,—заговорилъ онъ, идучи по двору:— дуэль, плевать, три пятницы молока не ѣсть: а вы...знайте-сь, что полкъ Евангель уже арестованъ, и мы смутьяны... въ бунтѣ виноваты!.. Такъ вы, когда будетъ можно... позаботьтесь о ней... о Торочкѣ.

— Ахъ, Боже! разомъ столько требующихъ заботъ, что не знаешь куда обернуться! Но не падайте же и вы духомъ, Филетеръ Иванычъ!

— Изъ-за чего же? вѣдь два раза не повѣсятъ.

— Все Богъ устроитъ; а теперь молитесь Ему о крѣпости душевной.

— Да зачѣмъ Его и беспокоить такую малостью? Я исполнилъ свой долгъ, сдѣлалъ, что мнѣ слѣдовало сдѣлать, и буду крѣпокъ...—А вонъ, глядите-ка!—воскликнулъ онъ въ калиткѣ, увидя нѣсколькихъ полицейскихъ, несшихся взадъ и впередъ на извозчикахъ.—Все курьеры, сорокъ пять тысячъ курьеровъ; а когда, подлецы, втихомолку мутятъ да каверзятъ, тогда ни одного протоканальи нигдѣ не видать... Садись! — заключилъ онъ, грубо крикнувъ на квартального.

Но квартальный оборотился къ Синтявиной съ просьбой быть свидѣтельницей, что Форовъ его ударилъ.

— Ахъ, идите вы себѣ, пожалуйста! Какое мнѣ до васъ дѣло,—отвѣчала, вспрыгнувъ въ телѣжку, Синтявина и, горя нетерпѣніемъ, шибко поѣхала къ своему дому.

— А ты, любезный, значить не знаешь китайскаго правила: «чинь чина почитай»? Ты смѣешь просить генеральшу? Такъ вотъ же тебѣ за это наука!

И съ этимъ Форовъ сѣлъ самъ на дрожки, а квартального поставилъ въ ноги между собой и извозчикомъ и повезъ его, утѣшая, что онъ такъ всѣмъ гораздо виднѣе и пригляднѣе.

Обгоняя Синтявину, Форовъ кивнулъ ей весело фуражкой.

— Ахъ, твори Богъ Свою волю!—прошептала генеральша, глядя вслѣдъ удалявшемуся Форову и еще нетерпѣливѣе погоняя лошадь къ дому.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

Нѣсколько строкъ для объясненія дѣла.

Положеніе дѣлъ нашей исторіи, дозволяющее заключить эту часть романа разсказанными событіями, можетъ возбудить въ комъ-нибудь изъ нашихъ читателей желаніе немедленно знать нѣсколько болѣе, чѣмъ сколько подневольное положеніе майора Форова дозволило ему открыть генеральшѣ Синтявиной.

Какъ изъ дуэли вышла совсѣмъ не дуэль, а убійство, и почему Форовъ стрѣлялъ Горданову, какъ онъ выразился, въ пятку?

Мы имѣемъ возможность удовлетворить этому желанію, не рискуя такимъ образомъ предупредить событія въ предстоящемъ имъ развитіи, и спѣшимъ служить этою возможностью лицамъ, заинтересованнымъ судьбой нашихъ героевъ.

Послѣ того какъ Филетеръ Ивановичъ Форовъ разставилъ дуэлистовъ на мѣстѣ и, педантически исполняя всѣ обычаи поединка, еще разъ предложилъ имъ примириться, ни Гордановъ, ни Подозеровъ не отвѣтили ему ни слова.

— За что я долженъ принять ваше молчаніе? — освѣдомился Форовъ.

— Пусть онъ проситъ прощенія, — отвѣчала Гордановъ хладнокровно, цѣля въ одинокую бѣлую березку.

— Я васъ прошу, распорядитесь скорѣй стрѣлять! — проговорилъ едва слышно Подозеровъ.

Форовъ ничего иного и не ожидалъ.

— Извольте же готовиться! — сказалъ онъ громко и, сдѣлавъ шагъ къ Подозерову, шепнулъ: куражъ, куражъ! и стойте больше правымъ бокомъ... Глядите, онъ, каналья, какъ стоитъ. Ну, защити Богъ праваго!

Подозеровъ молча кивалъ въ знакъ согласія головой, но онъ ничего не слыхалъ. Онъ думалъ совсѣмъ о другомъ. Онъ припоминалъ *ее*, какою *она* вчера была въ осинникѣ и... покраснѣлъ отъ мысли, что она его любитъ.

— Неужто это такъ?.. но кажется... да.

Умирать съ *такою* увѣренностью въ любви *такой* женщины, какъ генеральша, и умирать въ высочайшую минуту, когда это счастье только-что сознано и ничѣмъ не омрачено — это казалось Подозерову благодатью, незаслуженно заключающей всю его жизнь прекрасной страницей.

Онъ послалъ благословеніе ей за эту смерть; вспомнилъ о Богѣ, но не послалъ Ему ни просьбъ, ни воздыханія, и началъ обѣими руками поднимать пистолеть, наводя его на Горданова какъ пушку.

Такой приѣмъ съ оружіемъ не обѣщаль ничего добраго дуэлисту, и Форовъ это понималъ, но дѣлать было уже нечего, останавливаться было не время, да и Андрей Иванычъ, очевидно, не могъ быть инымъ, какимъ онъ былъ теперь.

— Извольте же!—возгласилъ еще разъ Форовъ и, оглянувшись на высматривавшаго изъ-за куста Висленева, сталъ немного въ сторонѣ. на половинѣ разстоянія между поединщиками.—Я буду говорить теперь вамъ: разъ, и два, и три, и вы по слову «три» каждый спустите курокъ.

— Ладно, — отвѣчалъ, нагнувъ на лобъ козырекъ фуражки, Гордановъ.

Подозеровъ молчалъ и держалъ свою пушку предъ противникомъ, повидимому, не желая глядѣть ему въ лицо.

— Теперь я начинаю,—молвилъ майоръ, и точно фотографъ, снимающій шапочку съ камерной трубы, далъ шагъ назадъ и, выдвинувъ впередъ руку съ синимъ бумажнымъ платкомъ, громко и протяжно скомандовалъ: р-а-зъ, д-в-а и... Выстрѣлъ грянулъ.

Пистолеть Горданова дымился, а Подозеровъ лежалъ навзничъ и трепеталъ, какъ крылами трепещетъ подстрѣленная птица.

— Подлецъ!—заревѣлъ ошеломленный майоръ: — я говорю, что тебѣ быть отъ меня битымъ!—и онъ, однимъ прыжкомъ достигнувъ Горданова, ударилъ его по щекѣ, такъ что тотъ зашатался.—Секундантъ трусь! Ставьте на мѣсто убійцу, выстрѣлъ убитаго теперь мой.

И съ этимъ майоръ подбѣжалъ къ лежащему на землѣ Подозерову и схватилъ его пистолеть, но Горданова уже не было на мѣстѣ: онъ и Висленевъ бѣжали рядомъ по полянѣ.

— А! такъ вотъ вы какъ! презрѣнная мразь!—воскликнулъ майоръ и выстрѣлилъ.

Бѣглецы оба упали: Гордановъ отъ раны въ пятку, а Висленевъ за компанію отъ страха. Черезъ минуту они, впрочемъ, также оба вмѣстѣ встали, и Висленевъ, подставивъ свое плечо подъ мышку Горданова, обнялъ его и потащилъ къ оставленному подъ горой извозчику.

Форовъ остался одинъ надъ Подозеровымъ, который слабо хрипѣлъ и у котораго при каждомъ незамѣтномъ вздохѣ выступало на жилетѣ все болѣе и болѣе крови.

Майоръ разстегнулъ жилетъ Андрея Ивановича, нащупалъ кое-какъ раву и, воткнувъ въ нее комъ грубой корини, припасенной имъ про всякій случай въ карманѣ, бросился самъ на дорогу.

Невдалекѣ онъ заарестовалъ бабу, ѣхавшую въ городъ съ возомъ молодой капусты, и, давъ этой, ничего не понимавшей и ушправившейся бабѣ нѣсколько толчковъ, насильно привелъ ея лошадь къ тому мѣсту, гдѣ лежалъ безчувственный Подозеровъ. Здѣсь майоръ, не обращая вниманія на кулаки и вопли женщины, сбросилъ половину кочней на землю, а изъ остальныхъ устроилъ нѣчто въ родѣ постели и, поднявъ тяжело раненаго или убитаго на свои руки, уложилъ его на возъ, далъ бабѣ рубль, и Подозерова повезли.

Майоръ во все время пути стоялъ на возу на колѣняхъ и держалъ голову Подозерова, помертвѣлое лицо котораго начинало отливать синевой, несмотря на ярко освѣщавшее его солнце.

Этотъ восьмиверстный переѣздъ на возу, который чуть волокла управляемая бабой крестьянская кляча, показался Форову за большой путь. Съ сѣдой головы майора обильно катились на его загорѣлое лицо капли пота и, смѣшиваясь съ пылью, ползли по его щекамъ грязными потоками. Толстое, коренастое тѣло Форова давило на его согнутыя колѣна, и ноги его ныли, руки отекали, а поясицу ломило и гнуло. Но всего труднѣе было переносить пожилому майору то, что совершалось въ его головѣ.

«Какая мерзость! Нѣтъ-съ; какая неслыханная мерзость!— думалъ онъ.—Какая каторжная, наглая смѣлость и какой расчетъ! Онъ шель убить человѣка при двухъ свидѣтеляхъ и не боялся, да и нечего ему было бояться. Чѣмъ я докажу, что онъ убилъ его какъ злодѣй, а не по правдамъ дуэли? Да первый же Висленевъ скажетъ, что я вру! А къ этому же всему еще эта чортова ложь, будто я съ Евангеломъ возмущалъ его крестьянъ. Какой я свидѣтель? Мнѣ никто не повѣритъ!»

При этомъ майоръ началъ дѣлать непривычныя и всегда противныя ему юридическія соображенія, которыя не слагались и путались въ его головѣ.

«Поведенія я неодобрительнаго,—высчитывалъ майоръ:— пзвѣстно всѣмъ, что я принимаю на нутро, ненавижу приказныхъ, часто грублю разному начальству, стремлюсь, по общему выраженію, къ осуществленію несбыточныхъ мечтаній и въ Бога не вѣрую... То-есть чортъ меня знаетъ, чтѣ я такое! Что тутъ возьмешь съ такою аттестаціей? Всякій судъ меня засудитъ!.. И надѣяться не на что. Развѣ на Бога, какъ надѣется моя жена. Да; вѣдь истинно болѣе не на кого! Свидѣтели!—да кто же, какой чортъ велитъ подлецу, задумавши гадость, непремѣнно сдѣлать ее при свидѣтеляхъ? Нѣтъ; это даже страшно, во что нынче обернулись эти господа: предусмотрительны, расчетливы, холодны... Неуязвимы ничѣмъ! Въ спириты идуть; въ попы пойдуть... въ монахи пойдуть. Отчего же не пойдуть? пойдуть. Это ужъ начинается іезуитство. Въ шпіоны пойдуть... Въ шпіоны!.. Да кто же взаправду Гордановъ? О, о-о! Нѣтъ, видно правъ попъ Евангель, если Богъ Саваоѣ за насъ сверху не вступится, такъ мы міръ удивимъ своею подлостію!»

И съ этими-то мыслями майоръ вѣхалъ на возу въ городъ; достигъ, окруженный толпой любопытныхъ, до квартиры Подозерова; снесъ и уложилъ его въ постель, и послалъ за женой, которая, какъ мы помнимъ, осталась въ эту ночь у Ларпсы. Затѣмъ Форовъ хотѣлъ сходить домой, чтобы смѣнить причинившее ему зудъ пропыленное бѣлье, но былъ взятъ.

Гордановъ былъ гораздо счастливѣе. Онъ былъ увѣренъ, что убилъ Подозерова, и исходъ дѣла предвидѣлъ тотъ же, какой мерещился и Форову, но съ тою разницею, что для Горданова этотъ исходъ былъ не позоромъ, а торжествомъ.

Павель Николаевичъ лежалъ на мягкомъ матрацѣ, въ блестящемъ серебристомъ бѣльѣ; перевязка его позорной раны въ ногу не причинила ему ни малѣйшей боли и расстройства, и онъ, обрызганный тонкими духами, глядѣлъ себѣ на розовые ногти и видѣлъ ясно вблизи желанный край своихъ стремленій.

Подъ подушкой у него было письмо княгини Казимиръ, которая звала его въ Петербургъ, чтобы «сдѣлать большое дѣло!»

Бодростникъ былъ поставленъ своими друзьями какъ

шапка на конь, да притомъ и вмѣстѣ съ самою Бодростиной: княгиня Казимиръ вносила совсѣмъ новый элементъ въ жизнь.

— Гм! гм! однако, у меня теперь ужъ слишкомъ большой выборъ!—утѣшался Гордановъ и разстилалъ передъ собою большой замыселъ, которому все доселѣ бывшее должно служить не болѣе, какъ прелюдіей.

Начавъ ползкомъ, какъ котъ, подкрадываться къ цѣли, Гордановъ чувствовалъ ужъ теперь въ своихъ когтяхъ хвосты тѣхъ птицъ, въ которыхъ хотѣлъ впитаться. Теперь болѣе чѣмъ когда-либо окрѣпло въ немъ убѣжденіе, что въ нашемъ обществѣ все прощено и все дозволено безстыдной наглости и лицемѣріемъ прикрытому пороку.

Ошибался или не ошибался въ этомъ Гордановъ — читатели увидятъ изъ слѣдующей части нашего романа.

Часть четвертая.

МЕРТВЫЙ УЗЕЛЬ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Тикъ и такъ.

Рана, нанесенная Подозеру предательскимъ выстрѣломъ Горданова, была изъ ранъ тяжкихъ и опасныхъ, но не безусловно смертельныхъ, и Подозеровъ не умеръ. Излѣченіе такихъ сквозныхъ ранъ навывлетъ въ грудь подь пятое ребро слѣва относятъ къ разряду чудесныхъ; на самомъ же дѣлѣ здѣсь гораздо менѣе принадлежитъ чуду врачества, чѣмъ случаю. Все зависитъ отъ момента пролета пули по области, занимаемой сердцемъ. Отправленія сердца, какъ извѣстно, производятся постояннымъ его сокращеніемъ и расширеніемъ; эти попеременно одинъ за другимъ слѣдующіе моменты, называемые въ медицинѣ *systole* и *diastole*, даютъ два звука: *тикъ* и *такъ*.

Въ первомъ изъ нихъ органъ сокращается въ продольномъ своемъ діаметрѣ и оставляетъ около себя мѣсто, по которому стороннее тѣло можетъ пройти насквозь черезъ грудь человѣка, не коснувшись сердца и не повредивъ его. Назадъ тому очень немного лѣтъ, въ Москвѣ одинъ извѣстный злодѣй, въ минуту большой опасности быть пойманнымъ, выстрѣлилъ себѣ въ сердце и остался живъ, потому что сердце его въ моментъ прохожденія пули было въ состояніи сокращенія: сердце Подозерова тоже сказало «тикъ»

въ то время, когда Гордановъ рѣшалъ «такъ». Подозеровъ остался жить, но тѣмъ не менѣе онъ остановился на самомъ краю гроба: легкія его были поранены, и за этимъ послѣдовали и кровоизліяніе въ полость груди, и удушающая легочная опухоль, и травматическая лихорадка. Прошло около мѣсяца послѣ бойни, устроенной Гордановымъ, а Подозеровъ все еще былъ ближе къ смерти, чѣмъ къ выздоровленію. Опасная лихорадка не уступала самому внимательному и искусному лѣченію.

На дворѣ въ это время стояли челоѡконенавистные дни октября: ночью мокрая вьюга и изморось, днемъ ливень, и въ промежуткахъ тяжелая сѣрая мгла; грязь и моцныхъ, и немощныхъ улць растворилась и топила и пѣшаго, и коннаго. Мокрые заборы, мокрыя крыши и запотѣлыя окна словно плакали, а осклизнія деревья садовъ, доставлявшихъ лѣтомъ столько пріятной тѣни своею зеленью, теперь безпокойно качались и, скрипя на корняхъ, хлестали черными вѣтвями по стекламъ не закрытыхъ ставнями оконъ и наводили уныніе.

Спальня Подозерова, гдѣ онъ лежалъ, была комната средней величины; она выходила въ садъ двумя окнами, въ которыхъ такимъ образомъ жутко стучали голыя вѣтви. Во все это время Андрей Ивановичъ не возвращался къ сознательной жизни челоѡка: онъ былъ чуждъ всякихъ заботъ и желаній и жилъ лишь спеціальною жизнью больного. Онъ постоянно или находился въ полузабытѣ, или, приходя въ себя, сознавалъ лишь только то, на что обрацали его вниманіе; отвѣчалъ на то, о чемъ его спрашивали; думалъ о томъ, что было предполагаемо ему для отвѣта, и никакъ не далѣе. Собственной инициативы у него не было ни въ чемъ. Все прошедшее для него не существовало; никакое будущее ему не мерещилось; все настоящее сосредоточивалось въ данной краткой терціи, потребной для сознанія предложеннаго вопроса. Онъ называлъ по именамъ Катерину Астафьевну Форову, генеральшу и Ларису, которыхъ во все это время постоянно видѣлъ предъ собою; но онъ ни разу не остановился на томъ, почему здѣсь, возлѣ него, находятся именно эти, а не какія-нибудь другія лица; онъ ни разу не спросилъ ни одну изъ нихъ, отчего всѣ онъ такъ измѣнились; отчего Катерина Астафьевна осунулась, и всѣ ея волосы сплошь побѣлѣли; отчего также похудѣла

и пожелтѣла генеральша Александра Ивановна и нѣтъ въ ней того спокойствія и самообладанія, которыя однихъ такъ успокоивали, а другимъ давали столько матеріала для разсужденій о ея безчувственности. Ею не интересовало, отчего онъ, открывая глаза, такъ часто видитъ ее въ какомъ-то окаменѣломъ состояніи, со взглядомъ, неподвижно впереннымъ въ пустой уголъ полутемной комнаты; отчего бѣлые пальцы ея упертой въ високъ руки нетерпѣливо движутся и хрустятъ въ своихъ суставахъ. Ему было все равно. Лара, пожалуй, еще больше могла остановить на себѣ его вниманіе, но онъ не замѣчалъ и того, что случилось съ нею. Лариса не похудѣла, но ея лицо... погрубѣло. Она подурнѣла. На ней лежалъ слѣдъ страданія тяжелаго и долгаго, но страданія не очищающаго и возвышающаго душу, а гнетущаго страхомъ и досадою. Подозеровъ ничего этого не наблюдалъ и ни надъ чѣмъ не останавливался. Объ отсутствующихъ же нечего было и говорить: онъ во всю свою болѣзнь ни разу не вспомнилъ ни про Горданова, ни про Висленева, не спросилъ про Филетера Ивановича и не любопытствовалъ, почему онъ не видалъ возлѣ себя коренастаго майора, а между тѣмъ въ положеніи всѣхъ этихъ лицъ произошли значительныя перемѣны съ тѣхъ поръ, какъ мы разстались съ ними въ концѣ третьей части нашего романа.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Гдѣ обрѣтается Форовъ.

Вспомнутый нами майоръ Форовъ еще до сего времени не возвращался домой съ тѣхъ поръ, какъ мы видѣли его ѣдущимъ на дрожкахъ съ избитымъ имъ квартальнымъ надзирателемъ. На майора Форова обрушились всѣ напасти: его воинственнымъ поступкомъ было какъ бы затушовано на время преступленіе Горданова. Уличная сцена майора, составлявшая относительно нѣсколько позднѣйшую новость дня, была возведена въ степень важнаго событія, за которымъ дуэль Подозерова сходилла на степень событія гораздо низшаго. Тотъ самый вице-губернаторъ, котораго такъ безцеремонно и пагло осмѣивалъ Гордановъ, увидѣлъ въ поступкѣ Форова вѣрное средство подслужиться общественному мнѣнію, заинтересованному бравурствами Павла Николаевича, и ринулся со всею страстію и суровостью на

беспомощнаго майора. Молодые, прилизанные и зашитые въ виць-мундиры канцелярскіе шавки, изъ породы еще не сознающихъ себя гордановцевъ, держали ту же ноту. Въ кабинетѣ начальника было изречено слово о немедленномъ же и строжайшемъ арестѣ майора Форова, оказавшаго примѣръ такого явнаго буйства и оскорбленія должностнаго лица; въ канцеляріяхъ слово это облеклось плотію; тамъ строчились бумаги, открывавшія Филетеру Ивановичу тяжелыя двери тюрьмы, и этими дверями честный майоръ былъ отдѣленъ отъ міра, въ которомъ онъ оказался вреднымъ и опаснымъ членомъ. О другихъ герояхъ этого дѣянія пока было словно позабыто; нѣкоторымъ занимавшимся ихъ судьбой мнилось, что Горданова и Подозерова ждетъ тягчайшая участь впереди; но справедливость требуетъ сказать, что двумя этими субъектами занимались лишь очень немногіе изъ губернскаго бомонда; наибольшее же вниманіе массъ принадлежало майору. По исконному обычаю массъ радоваться всякимъ напастямъ полиціи, у майора вдругъ нашлось въ городѣ очень много друзей, которые одобряли его постунокъ и передавали его изъ устъ въ уста съ самыми невѣроятными преувеличеніями, доходившими до того, что майоръ вдругъ сталъ чѣмъ-то въ родѣ сказочнаго богатыря, одареннаго такою силой, что возьметъ онъ за руку—летитъ рука прочь, схватитъ за ногу—нога прочь. Говорили, будто бы Филетеръ Ивановичъ совсѣмъ убилъ квартальнаго, и утверждали, что онъ даже хотѣлъ перебить все начальство во всемъ его составѣ, и непременно исполнилъ бы это, но не выполнилъ такой программы лишь только по неполученію своевременно надлежащаго подкрѣпленія со стороны общества, и былъ заключенъ въ тюрьму съ помощію цѣлаго батальона солдатъ. Въ городѣ оказалось очень много людей, которые искренно сожалѣли, что майору не была оказана надлежащая помощь; въ тюрьму, куда посадили Филетера Ивановича, начали притекать обильныя приношенія бутылками, пирогами съ горохомъ и вареною рыбой, а одна купчиха-вдова, ведшая тридцатилѣтнюю войну съ полиціей, даже послала Форову красный мѣдный чайникъ, фунтъ чаю, пуховикъ, двѣ подушки въ темныхъ ситцевыхъ наволочкахъ, частый роговой гребень, банку персидскаго порошку, соломенныя бирюльки и пучокъ сухой травы. Майоръ принималъ все, не исключая травы и бирюлекъ, которыя онъ

выровнять и устроить изъ этого приношенія очень удобныя стельки въ свои протекшіе сапоги. Затѣмъ онъ преспокойно усѣлся жить въ острогѣ, согрѣвая себя кунчихинымъ чаемъ изъ ея же мѣднаго чайника.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Какое поживаютъ другіе.

Что касается до Горданова, Подозерова и Висленева, то о нихъ вспомнили только на другой день и, въ виду болѣзненнаго состоянія Горданова и Подозерова, подчинили ихъ домашнему аресту въ ихъ собственныхъ квартирахъ; когда же пришли къ Висленеву съ тѣмъ, чтобы пригласить его переѣхать на гаунтвахту, то нашли въ его комнатѣ только обрывки газетныхъ листовъ, которыми Иосафъ Платоновичъ обертывалъ вещи; самъ же онъ еще вчера вечеромъ уѣхалъ Богъ вѣсть куда. Спрошенная о его исчезновеніи, сестра его Лариса не могла дать никакого опредѣлительнаго отвѣта, и это вовсе не было съ ея стороны лукавствомъ: она въ самомъ дѣлѣ не знала, куда скрылся Иосафъ. Она разсталась съ братомъ еще утромъ, когда онъ, возвратясь съ поединка, сразилъ ее вѣстью о смерти Подозерова. Не отходя съ той поры отъ постели умирающаго, Лариса ничего не знала о своемъ братѣ, людямъ же было извѣстно лишь только то, что Иосафъ Платоновичъ вышелъ куда-то вскорѣ за бросившеюся изъ дому барышней и не возвращался домой до вечера, а потомъ пришелъ, уложилъ самъ свои саквояжи, и какъ уѣхалъ, такъ уже и не возвращался. Къ розысканію его велѣно было принять самыя тщательныя мѣры, заключающіяся у насъ, какъ извѣстно, въ перепискѣ изъ части въ часть, изъ квартала въ кварталъ,—мѣры, приносящія какую-нибудь пользу тогда лишь, когда тотъ, о комъ идетъ дѣло, самъ желаетъ быть пойманнымъ.

Прошелъ мѣсяць, а о Висленевѣ не было ни слуху, ни духу. Исчезновеніе его было загадкой и для сестры его, и для тетки, которая писала ему въ Петербургъ на имя его жены, но письма ихъ оставались безъ отвѣта, — на что, впрочемъ, и Катерина Астафьевна, и Лариса, занятыя положеніемъ ближайшихъ къ нимъ лицъ, не слишкомъ и сѣтовали. Но наконецъ пришелъ отвѣтъ изъ Петербурга путемъ

официальнымъ. Мѣстная предержажая власть сносилась съ подлежащею властью столицы о разысканіи Висленева и получила извѣстіе, что Иосафъ Платоновичъ въ Питерѣ не появлялся. Да и зачѣмъ ему было туда ѣхать? Чтобы попасть въ лапы своей жены, отъ которой онъ во время своей кочевки уже немножко эмансипировался? Онъ даже льстилъ себя надеждой вовсе отъ нея освободиться и начать свое «независимое существованіе», на что приближающееся его сорокалѣтіе давало ему въ собственныхъ глазахъ нѣкоторое право. Но куда онъ исчезъ и пропалъ? Это оставалось тайной для всѣхъ... для всѣхъ, кромѣ одного Горданова, который недѣли чрезъ двѣ послѣ исчезновенія Висленева получилъ изъ-за границы письмо, писанное рукой Иосафа Платоновича, но за подписью Espérance. Въ этомъ письмѣ злополучная Espérance, въ которой Гордановъ отгадалъ брата Ларисы, жаловалась безжалостному Павлу Николаевичу на преслѣдующую ее роковую судьбу и просила его «во имя ихъ прежнихъ отношеній» прислать ей денегъ на имя общаго ихъ знакомаго Joseph W. Гордановъ прочелъ это письмо и бросилъ его безъ всякаго вниманія. Онъ, во-первыхъ, не видѣлъ въ эту минуту никакой надобности дѣлаться чѣмъ бы то ни было съ Висленевымъ, а во-вторыхъ, ему было и недосужно. Павелъ Николаевичъ самъ собирался въ путь и преодолювалъ затрудненія, возникавшія предъ нимъ по случаю собственной его подсудимости. Препятствія эти казались неодолимыми, но Гордановъ поборолъ ихъ и, съ помощію ходатайствовавшаго за него передъ властями Бодростина, уѣхалъ въ Петербургъ къ Михаилу Андреевичу, оставивъ по себѣ поручительство, что онъ явится къ слѣдствію, когда возвращеніе къ Подозерову сознанія и силъ сдѣлаетъ возможнымъ нужныя съ его стороны показанія. Гордановъ представилъ цѣлый рядъ убѣдительноѣйшихъ доказательствъ, что весьма важныя предпріятія потерпятъ и разрушатся отъ стѣсненія его свободы, и стѣсненіе это было расширено. Въ нашъ вѣкъ предпріятій нельзя отказывать въ такихъ мелочахъ крупному предпринимателю, какимъ несомнѣнно представлялся Гордановъ всѣмъ или почти всѣмъ, кромѣ развѣ Подозерова, Форова, Катерины Астафьевны и генеральши, которые считали его не болѣе какъ большимъ мошенникомъ. Но имъ было теперь не до него; одинъ изъ этихъ людей лежалъ на краю гроба, другой философство

валь въ острогѣ, а женщины переходили отъ одного страдальца къ другому и не останавливались на томъ, что дѣлается съ негодаями.

Было и еще одно лицо, которое и эту оцѣнку для Горданова признавало слишкомъ преувеличенною: это лицо, находившее, что для Павла Николаевича слишкомъ много, чтобъ его признавали «большимъ мошенникомъ», была Глафира Васильевна Бодростина, непостижимо тихо и ловко спрятавшаяся отъ молвы и очей во время всей послѣдней передраги по поводу поединка. Она уѣхала въ деревню и во все это время, употребляя ея же французскую фразеологию, она была *sous le banc*. При всемъ провинциальномъ досужествѣ, про нее никто не вспомнилъ ни при одной смѣтѣ. Но она не забыла своихъ слугъ и друзей. Ея ловкая напрактикованная горничная пріѣзжала въ городъ и была два раза у Горданова. Глафира Васильевна, очевидно, была сильно заинтересована тѣмъ, чтобъ Павелъ Николаевичъ получилъ возможность выѣхать въ Петербургъ, но во всѣхъ хлопотахъ объ этомъ она не приняла ни малѣйшаго, по крайней мѣрѣ видимаго, участія. Ея словно не было въ живыхъ и о ней только невзначай вспомнили два или три человѣка, которые, возвращаясь однажды ночью изъ клуба, неожиданно увидѣли слабый свѣтъ въ окнахъ ея комнаты; но и тутъ, по всѣмъ наведеннымъ на другой день справкамъ, оказалось, что Глафира Васильевна пріѣзжала въ городъ на короткое время и затѣмъ выѣхала. Куда? Объ этомъ узнали не скоро. Она уѣхала не назадъ въ свою деревню, а куда-то далеко: одни предполагали, что она отправилась въ Петербургъ, чтобы, пользуясь болѣзнию Горданова, отговорить мужа отъ рискованнаго предпріятія устроить фабрику мясныхъ консервовъ, въ которое вовлекъ его этотъ Гордановъ, давній врагъ Глафиры, котораго она ненавидѣла; другіе же думали, что она, разсорясь съ мужемъ, поѣхала кутнуть за границу. Сколько-нибудь достовѣрныя свѣдѣнія о направленіи, принятомъ Глафирой, имѣлъ одинъ лишь торопливо отъѣзжавшій изъ города Павелъ Николаевичъ Гордановъ, но онъ, разумѣется, никому объ этомъ ничего не говорилъ. Откровенность въ этомъ случаѣ не была въ его планахъ, да ему было некогда: онъ самъ только-что получилъ разрѣшеніе съѣздить подъ поручительствомъ въ Петербургъ и торопился несказанно. Эта торопливость его

въ значительной мѣрѣ поддерживала то мнѣніе, что Бодростина поѣхала къ мужу разрушать пагубное вліяніе на него Горданова, и что сей послѣдній гонится за нею, открывая такимъ образомъ игру въ кошку и мышку.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Кошка и мышка.

Въ догадкѣ этой было нѣчто намекающее на что-то существовавшее на самомъ дѣлѣ. Гордановъ и Глафира должны были встрѣтиться, но какъ и гдѣ?.. На это у нихъ было распisanіе.

Подѣзжая къ московскому дебаркадеру желѣзной дороги, по которой Гордановъ утекалъ изъ провинціи, онъ тревожно смотрѣлъ изъ окна своего вагона и вдругъ покраснѣлъ, увидѣвъ прохаживающуюся по террасѣ высокую даму въ длинной бархатной тальмѣ и такой же круглой шляпѣ, съ густымъ вуалемъ. Дама тоже замѣтила его въ окнѣ, и они оба кивнули другъ другу и встрѣтились на платформѣ безъ удивленія неожиданности, какъ встрѣчаются два агента одного и того же дѣла, съѣхавшіеся по своимъ обязанностямъ. Дама эта была Глафира Васильевна Бодростина.

— Vous êtes bien aimable, — сказала ей Гордановъ, сходя и протягивая ей свою руку. — Я никакъ не ожидалъ, чтобы вы меня даже встрѣтили.

Бодростина вмѣсто отвѣта спокойно подала ему свою правую руку, а лѣвою откинула вуаль. Она тоже нѣсколько перемѣнилась съ тѣхъ поръ, какъ мы ее видѣли отѣзжавшею изъ хуторка генеральши съ потерѣвшимъ тогда неожиданное пораженіе Гордановымъ. Глафира Васильевна немного поблѣднѣла, и прекрасные говорящіе глаза ея утратили свою безпокойную тревожность: они теперь смотрѣли сосредоточеннѣе и спокойнѣе, и на всемъ лицѣ ея выразилась сознательная рѣшимость.

— Я васъ ждала съ нетерпѣніемъ, — сказала она Горданову, сходя съ нимъ подъ руку съ крыльца дебаркадера вслѣдъ за носильщиками, укладывавшими на козлы наемной кареты щегольскіе чемоданы Павла Николаевича. — Мы должны видѣться здѣсь въ Москвѣ самое короткое время и потомъ разстаться, и, можетъ-быть очень надолго.

— Ты развѣ не ѣдешь въ Петербургъ?

— Я въ Петербургъ не ѣду; вы поѣдете туда одни и непременно завтра же; я тоже уѣду завтра, но намъ не одна дорога.

— Ты куда?

— Я ѣду за границу, ну садись, пожалуйста, въ карету; теперь мы еще ѣдемъ вмѣстѣ.

— Я не рѣшилъ, гдѣ мнѣ остановиться,—проговорилъ Гордановъ, усаживаясь въ экипажъ.— Ты гдѣ стоишь? Я могу пристать гдѣ-нибудь поближе или возьму номеръ въ той же гостиницѣ.

— Вы остановитесь у меня, — отвѣтила ему скороговоркой Бодростина и, высунувшись изъ окна экипажа, велѣла кучеру ѣхать въ одну изъ извѣстнѣйшихъ московскихъ гостиницъ.

— Я тамъ живу уже недѣлю въ ожиданіи моего мужа,— добавила она, обращаясь къ Горданову.— У меня большой семейный номеръ, и вамъ вовсе нѣтъ нужды искать для себя другого помѣщенія и понапрасну прописываться въ Москвѣ.

— Ты, значить, дѣлаешь меня на это время своимъ мужемъ? Это очень обязательно съ твоей стороны.

Бодростина равнодушно посмотрѣла на него.

— Что ты на меня глядишь такимъ уничтожающимъ взглядомъ?

— Ничего, я такъ только немножко вамъ удивляюсь.

— Чему и въ чемъ?

— Намъ не къ лицу эти лица. Я везу васъ къ себѣ просто для того, чтобы вы не прописывали въ Москвѣ своего имени, потому что вамъ его, можетъ-быть, не совѣмъ удобно выставлять на коридорной дощечкѣ, мимо которой ходятъ и читаютъ всѣ и каждый.

— Да, понимаю, понимаю. Довольно.

— Кажется, понятно.

И затѣмъ Глафира Васильевна, не касаясь никакихъ воспоминаній о томъ, что было въ покинутомъ захолустѣ, не особенно сухимъ, но серьезнымъ и дѣловымъ тономъ заговорила съ Гордановымъ о томъ, что онъ долженъ совершить въ Петербургѣ въ качествѣ ея агента при ея мужѣ. Все это заключалось въ нѣсколькихъ словахъ, что Павелъ Николаевичъ долженъ способствовать старческимъ слабо-

стямъ Михаила Андреевича Бодростина къ графинѣ Казимирѣ и спутать его съ нею какъ можно скандальнѣе и крѣпче. Гордановъ все это слушалъ и наконецъ возразилъ, что онъ только не понимаетъ, зачѣмъ это нужно, но не получилъ никакого отвѣта, потому что экипажъ въ это время остановился у подъѣзда гостиницы.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Nota bene на всякій случай.

Номеръ, который занимала Бодростина, состоялъ изъ четырехъ комнатъ, хорошо меблированныхъ и устланныхъ сплошь пушистыми, нѣкогда весьма дорогими коврами. Комнаты отдѣлялись одна отъ другой массивными перегородками изъ орѣхового дерева, съ тяжелою рѣзбой и точеными украшеніями въ полуготическомъ, полурусскомъ стилѣ. Длинная комната направо изъ передней была занята подъ спальню и дорожный будуаръ Глафиры, а квадратная комнатка безъ окна, влѣво изъ передней, вмѣщала въ себѣ застланную свѣжимъ бѣльемъ кровать, комодъ и нѣсколько стульевъ.

Эту комнату Глафира Васильевна и отвела Горданову и велѣла въ ней положить прибывшіе съ нимъ пожитки.

— Гдѣ же ваша собственная прислуга?—полюбопытствовалъ Гордановъ, позиря и оправляясь предъ зеркаломъ въ ожиданіи умыванья.

— Со мною нѣтъ здѣсь собственной прислуги,—отвѣчала Бодростина.

— Такъ вы путешествуете однѣ?

Глафира Васильевна слегка прижала нижнюю губу и склонила голову, что Гордановъ могъ принять и за утвердительный отвѣтъ на его предположеніе, но что точно такъ же удобно можно было отнести и просто къ усиліямъ, съ которыми Бодростина въ это время открывала свой дорожный письменный бюваръ.

Пока Павелъ Николаевичъ умывался и прихорашивался, Бодростина писала, и когда Гордановъ взошелъ къ ней съ сигарой въ зубахъ, одѣтый въ тепленькую плюшевую курточку цвѣта шерсти молодого бобра, Глафира подняла на него глаза и, улыбнувшись, спросила:

— Что это за костюмъ?

— А что такое? — отвѣчалъ, оглядываясь, Гордановъ. — Что за вопросъ? а? что тебѣ кажется въ моемъ платьѣ?

— Ничего... платье очень хорошее и удобное, чтобъ отъ долговъ бѣгать. Но какъ вы стали тревожны!

— Чему же вы это приписываете?

Бодростина пожала съ чуть замѣтною улыбкой плечами и отвѣчала:

— Вѣроятно, продолжительному сношенію съ глупыми людьми: это злитъ и портитъ характеръ.

— Да; вы правы—это портитъ характеръ.

— Особенно у тѣхъ, у кого онъ и безъ того былъ всегда гадокъ.

Гордановъ хотѣлъ отшутиться, но, взглянувъ на Бодростину и видя ее снова всю погруженною въ писаніе, походилъ, посвисталъ и скрылся назадъ въ свою комнату. Тутъ онъ пошуршалъ въ своихъ саквояжахъ и, появясь черезъ нѣсколько минутъ въ пальто и въ шляпѣ, сказалъ:

— Я пойду пройдуся.

— Да; это прекрасно,—отвѣчала Бодростина:—только закутывайся хорошенько повыше кашне и надвигай пониже шляпу.

Гордановъ слегка покраснѣлъ и процѣдилъ сквозь зубы:

— Ну, ужъ это даже не совсѣмъ и остроумно.

— Я вовсе и не хочу быть съ вами остроумною, а говорю просто. Вы въ самомъ дѣлѣ подите походите, а я здѣсь кончу нужныя письма, и въ пять часовъ мы будемъ обѣдать. Здѣсь прекрасный поваръ. А кстати, можете вы мнѣ оказать услугу?

— Сдѣлайте одолженіе, приказывайте,—отвѣчалъ сухо Гордановъ, подиравая рукой загибъ своего мѣхового воротника.

— J'ai bon appétit aujourd'hui. Скажите, пожалуйста, чтобы для меня, между прочимъ, велѣли приготовить fricandeau sauce piquante. C'est délicieux, et j'espère que vous le trouverez à votre goût.

— Извольте,—отвѣчалъ Павелъ Николаевичъ и, повернувшись, вышелъ въ коридоръ.

Это его обидѣло.

Онъ позвалъ слугу тотчасъ, какъ только переступилъ порогъ двери, и передалъ ему приказаніе Бодростиной. Онъ исполнилъ все это громко, нарочно съ тѣмъ, чтобы Гла-

фира слышала, какъ онъ обошелся съ ея порученіемъ, въ которомъ Павелъ Николаевичъ видѣлъ явную цѣль его унизить.

Гордановъ былъ жестоко золъ на себя и, быстро шагая по косымъ тротуарамъ Москвы, проводилъ самыя нелестныя для себя параллели между самимъ собою и своимъ *bête noire*, Иосафомъ Висленевымъ.

— Недалеко, недалеко я отбѣжалъ отъ моего бѣднаго пріятеля,—говорилъ онъ, вспоминая свои собственныя продѣлки съ главнымъ Жозефомъ и приводя въ сопоставленіе съ ними то, что можетъ дѣлать съ нимъ Бодростина. Онъ все болѣе и болѣе убѣждался, что и его положеніе въ сущности немного прочнѣе положенія Висленева.

— Не все ли равно,—разсуждалъ онъ: — я верховодилъ этимъ глупымъ Ясафкой по поводу сотни рублей; мною точно такъ же верховодятъ за нѣсколько большія суммы. Мы оба одного разбора, только разныхъ сортовъ, оба лѣнтыя, оба хотѣли подняться на фу-фу, и одна намъ и честь.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Итогъ для новой смѣты.

Гордановъ припомнилъ, какія онъ роли отыгрывалъ въ провинціи и какой страхъ нагонялъ онъ тамъ на добрыхъ людей, и ему даже стало страшно.

— Что,—соображалъ онъ:—если бъ изъ нихъ кто-нибудь зналъ, на какомъ тонкомъ-претонкомъ волоскѣ я мотаюсь? Если бы только кто-нибудь изъ нихъ пронюхалъ, что у меня подъ ногами нѣтъ никакой почвы, что я зависимѣе каждаго изъ нихъ, и что пропустить меня и сквозь сито, и сквозь рѣшето зависитъ вполне отъ одного каприза этой женщины?.. Какъ бы презиралъ меня самый презрѣнный изъ нихъ! И онъ былъ бы правъ и тысячу разъ правъ.

— Но полно, такъ ли? Отъ каприза ли ея я, однако, завишу?—разсуждалъ онъ далѣе, приподымая слегка голову.— Нѣтъ; я ей нуженъ: я ея сообщникъ, я ся bravo, ея наемный убійца; она не можетъ безъ меня обойтись... Не можетъ?.. А почему не можетъ?.. Во мнѣ есть рѣшительность, есть воля, есть характеръ,—однимъ словомъ, во мнѣ есть свойства, на которыя она разсчитываетъ и которыхъ нѣтъ у каждаго встрѣчнаго-поперечнаго... Но развѣ только одинъ

путь, одно средство, которымъ она можетъ... развѣнчаться... избавиться отъ своего супруга... сбыть его и извести. И наконецъ, что у нея за думы, что у нея за запутанные планы? Просто не разберешь подчасъ, дѣлаетъ она что или не дѣлаетъ? Одно только мое большое и основательное знаніе этой женщины ручается мнѣ, что она что-то заводитъ, — заводитъ далекое, прочное; что она облагаетъ насъ цѣлымъ лагеремъ и именно *насъ*, т. е. всѣхъ насъ, — не одного Михаила Андреевича, а всѣхъ какъ есть, и меня въ томъ числѣ, и даже меня, можетъ-быть, перваго. Какой демонъ, какая страшная женщина! Я ничего не видалъ, я не успѣлъ опомниться, какъ она опутала! Страшно представить себѣ, какая глубокая и въ то же время какая скверная для меня разница между тѣмъ положеніемъ, въ какомъ я видѣлся съ нею тамъ, въ губернской гостиницѣ, въ первую ночь моего приѣзда, и теперь... когда она сама меня встрѣчаетъ, сама меня снаряжаетъ наемнымъ Мефистофелемъ къ своему мужу, и между тѣмъ обращается со мною какъ со школьникомъ, какъ съ влюбленнымъ гимназистомъ! Это чортъ знаетъ что такое! Она не удостоиваетъ отвѣта моихъ попытокъ узнать, что такое все мы выплясываемъ по ея дудкѣ! И... посылаетъ меня заказывать фрикандо къ обѣду. Ея нынѣшнее обращеніе съ мною ничѣмъ не цвѣтище нѣкогда столь смѣшной для меня встрѣчи Висленева съ его генеральшей, а между тѣмъ Висленевъ отпѣтый, патентованный гороховый шутъ и притча во языцѣхъ, а я... во всякомъ случаѣ человекъ, надъ которымъ никто никогда не смѣялся...

Гордановъ, все краснѣвшій по мѣрѣ развитія этихъ думъ, вдругъ остановился, усмѣхнулся и плюнулъ. Вокругъ него трещали экипажи, сновали пѣшеходы, въ воздухѣ летали хлопья мягкаго снѣгу, а на мокрыхъ ступеняхъ Шверской часовни стояли черныя, перемокшія монахини и кланялся народъ.

— Какъ никто? Какъ никто не смѣялся?—мысленно вопрошалъ себя Гордановъ и отвѣчалъ съ ироніей: — А Клишенскій, а Алинка? развѣ не по ихъ милости я разорень и отброшенъ чортъ знаетъ на какое разстояніе отъ исполненія моего вѣрнѣйшаго и блестящаго плана? Нѣтъ; я только честнымъ людямъ умѣю не позволять наступать себѣ на ногу... я молодецъ на овецъ, а на молодца я самъ овца...

Да, да; меня спутало и погубило это якшанье со всею этой принципиною сволочью, которая обворовала меня кругомъ... Но ничего, друзья, ничего. Палача, прежде чѣмъ сдѣлать палачомъ, тоже пороли, — выпороли и вы меня, и еще до сихъ поръ все порете; но уже зато какъ я оттерплюсь, да васъ вздую, такъ вамъ небо покажется съ баранью овчинку!

Павель Николаевичъ крикнулъ, повернувшись спиной къ Иверской часовнѣ, и, перейдя площадь, зашелъ въ Гуринскій трактиръ, усѣлся къ столику и спросилъ себѣ чаю.

«Да; къ чорту это все! — думалъ онъ: — нечего себя обольщать, но нечего и робѣть. Глафира, чортъ ее знаетъ, — она, кажется, несомнѣнно умнѣ меня, да и потомъ у нея въ рукахъ вся сила. Я уже сдѣлалъ промахъ, страшный промахъ, когда я по одному ея слову рѣшился рвать всѣмъ носы въ этомъ пошломъ городишкѣ! Глупецъ, я взялся за роль страшнаго и непобѣдимаго силача съ пустыми пятью-шестью тысячами рублей, которыя она мнѣ сунула, какъ будто я не могъ и не долженъ былъ предвидѣть, что этимъ широкимъ разгономъ моей бравурной репутаціи на малыя средства она беретъ меня въ свои лапы; что, издержавъ эти деньги, — какъ это и случилось теперь, — я долженъ шлепнуться со всей высоты моего аршиннаго величія? А вотъ же я этого не видѣлъ; вотъ же я... я... умникъ Гордановъ, этого не предусмотрѣлъ! Правду говорятъ: кто получаетъ женщину, тотъ готовитъ на себя палку... И еще я имѣлъ глупость часъ тому назадъ лютовать! И еще я готовъ былъ изыскивать средство дать ей отпоръ... возмутиться... Противъ кого? Противъ нея, противъ единственнаго лица, держась за которое я долженъ выплыть на берегъ! И изъ-за чего я хотѣлъ возмутиться? Изъ-за самолюбія, оскорбленій котораго никто не видитъ, между тѣмъ какъ я могу быть вынужденъ переносить не такія оскорбленія на виду у цѣлаго свѣта? Развѣ же не чистѣйшая это гиль теперь, мое достоинство? А ну его къ дьяволу! Смирюсь, смирю себя предъ нею до чего она хочетъ; снесу отъ нея все! Пусть это будетъ мой самый трудный экзаменъ въ борьбѣ за существованіе, и я долженъ его выдержать, если не хочу погибнуть, — и я не погибну. Она увидитъ, велика ли была ея проникаемость, когда она располагала на мою «каторжную честность». Нѣтъ, дружокъ: à la guerre comme à

la guerge. Хитра ты, да вѣдь и я не промахъ: любуйся же теперь моею несмѣлостію и смиреніемъ: богатство и власть надъ Ларисой стѣять того, чтобы мнѣ еще потерпѣть горя; но разъ, что кончимъ мы съ Бодростинымъ и ты будешь моя жена, а Лариса будетъ моя невольница... моя рыдающая Агарь... а я тебя... въ бараній рогъ согну!»

И съ этимъ Гордановъ опять всталъ, бросилъ на столъ деньги за чай и ушелъ.

«Вотъ только одно бы мнѣ еще узнать,—думалъ онъ, вѣдучи на извозчикѣ: —любитъ она меня хоть капельку, или не любитъ? Ну, да и прекрасно; нынче мы съ нею все время будемъ одни... Не все же она будетъ тонировать да писать, авось и иное что будетъ?.. Да что же вправду, вѣдь женщина же она и человѣкъ!.. Вѣдь я же знаю, что кровь, а не вода течетъ въ ней... Ну, ну, постой-ка, что ты заговоришь предъ нашимъ смиренствомъ... Эхъ, гдѣ ты мать черная немочь съ лихорадушкой?»

ГЛАВА СЕДЬМА

Черная немочь.

На дворѣ уже по-осеннему стемнѣло и былъ часъ обѣда, къ которому Глафира Васильевна ждала Горданова, полулежа съ книгой на небольшомъ диванчикѣ предъ сервированнымъ и освѣщеннымъ двумя жирандолями столомъ.

Гордановъ вошелъ и тихо снялъ свое верхнее платье. Глафира взглянула на его прояснившееся лицо и въ ту же минуту поняла, что Павелъ Николаевичъ обдумалъ свое положеніе, взвѣсилъ всѣ про и contra и рѣшился не замѣчать ея первенства и господства, и она его за это похвалила.

«Умный человѣкъ!—мелькнуло въ ея головѣ. —Что хотите, а съ такимъ человѣкомъ все легче дѣлается, чѣмъ съ межеумкомъ», и она ласково позвала Горданова къ столу, усердно его угощала и даже обмолвилась съ нимъ на «ты».

— Кушай хорошенько,—сказала она:—на хлѣбъ, на соль умные люди не дуются. Знаешь пословицу: губа толще, брюхо тоньше,—а ты и такъ не жиренъ. Ышь вотъ эту штучку,—угощала она, подвигая Горданову фрикасе изъ маленькихъ пичужекъ:—я это нарочно для тебя заказала, зная, что это твое любимое.

Гордановъ тоже уразумѣлъ, что Глафира поняла его и одобрила, и ласкается, какъ покорившагося ребенка. Онъ уразумѣлъ и то, что этой покорностью онъ еще разъ капитулировалъ, но онъ уже рѣшился довернуться въ смиреніи свою «борьбу за существованіе» и не стоять ни за что.

— Вотъ видишь ли, Павелъ, какъ только ты вырвался отъ дураковъ и побылъ часъ одинъ самъ съ собою, у тебя даже видъ сдѣлался умнѣй,—заговорила Бодростина, оставшись одна съ Гордановымъ за десертомъ.—Теперь я опять на тебя надѣюсь и полагаюсь.

— А то ты уже было перестала и надѣяться?

— Я даже отчаялась.

— Я не понималъ твоихъ требованій и только, но я буду радъ, если ты мнѣ теперь расскажешь, чѣмъ ты мною недовольна? Вѣдь ты мною недовольна?

— Да.

— За что?

— Спроси свою совѣсть?—отвѣчала, глядя на носокъ своей туфли. Глафира.

Гордановъ просіялъ; онъ услышалъ въ этихъ словахъ укориэну ревности и, тихо вставъ съ своего мѣста, подошелъ къ Глафирѣ и, наклонясь, поцѣловалъ ея лежавшую на колѣняхъ руку.

Она этому не мѣшала.

— Глафира!—позвалъ Гордановъ.

Отвѣта не было.

— Глафира! Радость моя! Мое счастье, откликнись же!.. дай мнѣ услышать твое слово!

— Радость твоя не Глафира.

— Нѣтъ? Что ты сказала? Развѣ не ты моя радость?

— Нѣтъ.

— Нѣтъ? Такъ скажи же мнѣ прямо, Глафира; ты можешь что-нибудь сказать *прямо*?

— Что за вопросъ! Разумѣется, я вамъ могу и смѣю все говорить *прямо*.

— Безъ шутокъ?

— Спрашивай и увидишь.

— Ты хочешь быть моею женой?

— Н... н... ну, а какъ тебѣ это кажется?

— Мнѣ кажется, что нѣтъ. Что ты на это скажешь?

— Ничего.

— Это развѣ отвѣтъ?

— Разумѣется, и самый искренній... Я не знаю, что ты для меня сдѣлаешь.

Гордановъ сѣлъ у ея ногъ и, взявъ въ свои руки руку Глафиры, прошепталъ, глядя ей въ глаза:

— А если я сдѣлаю *все*... тогда?

— Тогда? Я тоже сдѣлаю *все*.

— То-есть, что же именно ты сдѣлаешь?

— Все, что будетъ въ моихъ силахъ.

— Ты будешь тогда моею женой?

Глафира наклонила молча голову.

— Что же это значитъ: да или нѣтъ?

— Да, и это можетъ случиться, — уронила она, улыбаясь.

— Можетъ случиться!.. Здѣсь случай не долженъ имѣть мѣста!

— Онъ имѣетъ мѣсто повсюду.

— Гдѣ нѣтъ воли.

— И гдѣ она есть.

— Это вздоръ.

— Это высшая правда.

— Высшая?.. Въ какомъ это смыслѣ: въ чрезвычайномъ, можетъ-быть, въ сверхъестественномъ?

— Можетъ-быть.

— Скажи, пожалуйста, яснѣй? Мы не ребята, чтобы сверхъестественностями заниматься. Кто можетъ тебѣ помѣшать быть моею женой, когда мы покончимъ съ Бодростинымъ?

— Тсъ!.. Тише!

— Ничего: мы здѣсь одни. Ну, говори: кто, кто?

— Почему я знаю, что и кто? Да и къ чему ты хочешь словъ?

Она положила ему на лобъ свою руку и, поправляя пальцемъ набѣжавшій впередъ локонъ волосъ, прошептала:

— Да... вотъ мы и одни... «какое счастье: ночь и мы одни». Чьи это стихи?

— Фета: но не въ этомъ дѣло, а говори мнѣ прямо, кто и что можетъ мѣшать тебѣ выйти за меня замужъ, когда не будетъ твоего мужа?

— Тсъ!

Глафира быстро откинулась назадъ къ спинкѣ дивана и сказала:

— Ты глупъ, если позволяешь себѣ такъ часто повторять это слово.

— Но мы одни.

— Одни!.. Во снѣ не бредь о томъ, чѣмъ занять,—кикимора услышнть.

— Я не боюсь кикиморы; я не суевѣръ.

— Ну, такъ я суевѣрка и прошу не говорить со мной иначе, какъ съ суевѣркой.

— Ага, ты меня отводишь отъ прямого отвѣта; но это тебѣ не удастся.

— Отчего же?—И Глафира тихо улыбнулась.

— Оттого, что я не такой вздорный человекъ, чтобы меня можно было втравить въ споръ о вѣрѣ или безвѣрїи, о Богѣ или о демонѣ: вѣрь или не вѣрь въ нихъ,—мнѣ это все равно, но отвѣчай мнѣ ясно и положительно: кто и что тебѣ можетъ помѣшать быть моею женой, когда... когда Бодростиша не будетъ въ живыхъ.

— Совѣсть: я никогда не захочу разстраивать чужого счастья.

— Чьего счастья? Что за вздоръ.

— Счастья бѣдной Лары.

— Ты лжешь; ты знаешь, что я не думаю на ней жениться и не женюсь.

— А, жаль, она глупа и будетъ скверною женой.

— Мнѣ это все равно, ты не заговоришь меня ни Ларой и ничѣмъ на свѣтѣ; дай мнѣ отвѣтъ, что можетъ помѣшать тебѣ быть моею женой, и тогда я отстану!.. А, а! ты молчишь, ты не знаешь, куда еще увильнуть! Такъ знай же, что я знаю, кто и что тебѣ можетъ помѣшать! Ты любишь! Ты поймана! Ты любишь не меня, а Подозе...

Но Глафира быстрымъ движеніемъ руки захватила ему ротъ и воскликнула:

— Вы забываетесь, Горданов!

— Да, да, ты можешь дѣлать все, что тебѣ угодно, но это тебѣ не поможетъ; я далъ себѣ слово добиться отвѣта, кто и что можетъ тебѣ помѣшать быть моею женой, и я этого добьюсь. Болѣе: я это проникъ и почти уже всего добился; твое смущеніе мнѣ сказало, кто...

— Кто?.. Кто?.. Кто?..—перебила его рѣчь, проникшаяся вдругъ внезапнымъ безпокойствомъ, Глафира.—Ты проникъ... ты добился...

И съ этими словами, она вдругъ сдѣлала порывистое движеніе впередъ и, стукнувъ три раза кряду похолодѣвшими бѣлыми пальцами въ жаркій лобъ Горданова, прошептала:

— А кто помѣшалъ тебѣ убить того, кого ты сейчасъ называлъ?

Гордановъ молчалъ.

— Что же ты молчишь?

— Что же говорить? Его спасъ «тикъ и такъ»; это рѣдкостнѣйшій случай.

— Рѣдкостный случай? Случай!.. Случай сталъ между твоею рукой и его беззащитною грудью?..

— Да, «тикъ и такъ».

— Да, «тикъ и такъ»; это случай? — шептала Бодростина.— Много вы знаете съ своимъ «тикъ и такъ».

— А что же по-твоему его спасло?

— Я это знаю.

— Такъ скажи.

— Изволь: уйди-ка вонъ туда, за ту перегородку, и посмотри въ уголь.

— Что же я тамъ увижу?

— Не знаю; посмотри, что-нибудь увидишь.

Гордановъ всталъ и, заглянувъ за дверь въ полутемную комнату, въ которую слабый свѣтъ чуть падалъ черезъ рѣзную кайму орѣховой перегородки, сказалъ:

— Что же тамъ смотрѣть? платье, да тѣнь.

— Что такое: какъ платье, да тѣнь?

— Тамъ платье.

— Какое платье? Тамъ вовсе нѣтъ никакого платья. Тамъ образъ, и я хотѣла указать на образъ.

— А я тамъ вижу платье, зеленое женское платье.

Бодростина поблѣднѣла.

— Ты его видишь и теперь?—спросила она падающимъ и прерывающимся голосомъ.

Гордановъ опять посмотрѣлъ и, отвѣтивъ наскоро: «нѣтъ, теперь не вижу», схватилъ одну жирандоль и вышелъ съ нею въ темную комнату.

Уголь былъ пустъ, и сверху его на Горданова глядѣлъ благой, успокаивающій ликъ Спасителя. Гордановъ постоялъ и затѣмъ, возвратясь, сказалъ, что дѣйствительно уголь пустъ и платья никакого нѣтъ.

— Я знаю, знаю, знаю,—прошептала въ отвѣтъ ему Бодростина, которая сидѣла, снова прислонясь къ спинкѣ дивана и, глядя вдаль прищуренными глазами, тихо обирала вѣтку винограда.

Но вдругъ, сорвавъ устами послѣднюю ягоду съ виноградной кисти, она сверкнула на Павла Николаевича гнѣвнымъ взглядомъ и, замѣтивъ его покушеніе о чемъ-то ее спросить, простонала:

— Молчи, пожалуйста, молчи!—И съ этимъ нервно кинула ему въ лицо оборванную кисть и, ушавъ лицомъ и грудью на подушку дивана, тихо, но неудержимо зарыдала.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Нѣмая исповѣдь.

Гордановъ стоялъ надъ плачущей Глафирой и, кусая слегка губу, думалъ: «Ого-го! Куда это, однако, зашло. И корчить, и ломаетъ. О, лукавая! Я дощупался до твоего злого лиха. Но дѣло, однако, зашло слишкомъ далеко, она его любить не только со всею страстью, къ которой она способна, но и со всею сентиментальностью, безъ которой не обходится любовь подобныхъ ей погулявшихъ барынь. Это надо покончить!» И съ этимъ онъ сдѣлалъ шагъ къ Глафирѣ и коснулся слегка ея локтя, но тотчасъ же отскочилъ, потому что Глафира рванулась какъ раненая львица, и съ судорожно подергивающимися щеками, вперивъ острые, блуждающіе глаза въ Горданова, заговорила:

— Да, да, да, есть... есть... его нѣтъ, но онъ есть, есть оно...

— О чемъ ты говоришь?

Глафира не обращала на него вниманія и продолжала какъ бы сама съ собой.

— Нѣтъ, это нестерпимо! Это несносно!—восклицала она слове отъ слова все громче и болѣзненнѣе, и при этомъ то ломала свои руки, то, хрустя ими, ударяла себя въ грудь, и вдругъ, какъ бы окаменѣвъ, заговорила быстрымъ истерическимъ шопотомъ: —Это зеленое платье... ты видѣлъ его, и я его видѣла... Его нѣтъ и оно есть... Это она... я ее знаю и ты, ты тоже узнаешь, и...

— Кто же это?

— Совѣсть.

— Успокойся, что съ тобою сдѣлалось! Какъ ты ужасно взволнована!

— Нѣтъ, я ничего...

И Бодростина тихо подала Горданову обѣ свои руки и задумалась и поникла головой, словно забылась. Павелъ Николаевичъ подаль ей стаканъ воды, она его спокойно выпила.

— Лучше тебѣ теперь?—спросилъ онъ.

— Да, мнѣ лучше.

Она возвратила Горданову стаканъ, который тотъ принялъ изъ ея рукъ, и, поставивъ его на столъ, проговорилъ:

— Ну; и прекрасно, что лучше; но этого, однако, нельзя такъ оставить; ты больна.—И съ этимъ онъ направился къ двери, чтобы позвонить *служу* и послать за докторомъ, но Глафира, замѣтивъ его намѣреніе, остановила его.

— Павелъ! Павелъ!—позвала она.—Что это? Ты хочешь посылать за докторомъ? Какъ это можно! Нѣтъ, это все пройдетъ само собой... Это со мной бываетъ... Я стала очень нервна и только... Я не знаю, что со мной дѣлается.

— Да, вотъ и не знаешь, что это дѣлается! Вотъ вы и всѣ такъ, подобныя барыни: жизни въ васъ въ каждой въ одной за десятерыхъ, жизнь борется, бьется, а вы ее въ тискахъ жмете...—заговорилъ было Гордановъ, желая прервать потокъ болѣзненныхъ мечтаній Бодростиной, но она его сама перебила.

— Тссъ! Перестань... Какая жизнь и куда ей рваться?.. Глушость. Совсѣмъ не то!

И она опять хрустнула сложенными въ воздухѣ руками, потомъ ударила ими себя въ грудь и снова, задыхаясь, прошептала:

— Дай мнѣ воды... скорѣй, скорѣй воды!—И жадно глотая глотокъ за глоткомъ, она продолжала шопотомъ:—Бога ради не бойся меня и ничего не пугайся... Не зови никого... не надо чужихъ... Это пройдетъ... Мнѣ хуже, если меня бояться... Зачѣмъ чужихъ? Когда мы двое... мы... При этихъ словахъ она сдѣлала усиліе улыбнуться и пошутила:—«Какое счастье: ночь и мы одни!» Но ее сейчасъ же снова передернуло, и она зашипѣла:—Не мѣшай мнѣ: я въ памяти... я стараюсь... я помню... Ты сказалъ... это стихотвореніе Фета... «Ночь и мы одни!» Я помню, тамъ на хуторѣ у Синтяниной... есть портретъ... его замученной

жены... Портретъ безъ глазъ... Покойница въ такомъ зеленомъ платьѣ... какое ты видѣлъ... Молчи! молчи! не спорь... покойной мученицы Флоры... Это такъ нужно... Природа возмущается тѣмъ, что я дѣлаю... Гораціо! Гораціо!.. есть вещи... тѣ, которыхъ нѣтъ... Ему, ему онъ хотѣлъ сѣдовать — Гораціо! Гораціо!—И повторяя это имя по поводу извѣстнаго намъ письма Подозерова, Глафира вдругъ покрылась вся пламенемъ, и холодныя руки ея, тихо лежавшія до сихъ поръ въ рукахъ Горданова, задрожали, закорчились и, выскользнувъ на волю, стиснули его руки и быстро побѣжали вверхъ какъ пальцы артиста, играющаго на флейтѣ.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Безъ покаянія.

Въ комнатѣ парилъ нѣмой ужасъ. Руки больной Глафиры дрожа скользили отъ кистей рукъ Горданова къ его плечамъ, и то щипля, то скручивая рукава гордановскаго бархатнаго пиджака, взбѣжали вверхъ до его шеи, а оттуда обѣ разомъ упали внизъ на лацканы, схватились за нихъ и за петли, а на шипящихъ и ничего не выговаривающихъ устахъ Глафиры появилась тонкая свинцовая полоска мутной пѣны. Прогивный и ужасный видъ этотъ невольно отбросилъ Горданова въ сторону. Онъ отступилъ шагъ назадъ, но наткнулся сзади на табуретъ и еще ближе столкнулся лицомъ съ искаженнымъ лицомъ Глафиры, въ рукахъ которой трепали и отрывались все крѣпче и крѣпче забираемые ею лацканы его платья. Бодростина вся мѣнялась въ лицѣ и, дѣлая неимоверныя усилія возобладать надъ собою, напрасно старалась промолвить какое-то слово. Отъ этихъ усилій глаза ея, подъ вліяніемъ ужаса поразившей ее нѣмоты, и вертѣлись, и словно оборачивались внутрь. Гордановъ каждое мгновеніе ждалъ, что она упадетъ; но она одолѣла себя и, сдѣлавъ надъ собою послѣднее отчаянное усиліе, однимъ прыжкомъ перелетѣла на средину комнаты, но здѣсь упала на полъ съ замершими въ ея рукахъ лацканами его щегольской бобровой курточки. Свинецъ съ устъ ея исчезъ, и она лежала теперь съ закрытыми глазами, стиснувъ зубы, и тяжело дышала всею грудью.

Гордановъ бросился въ свою комнату, смѣнилъ пиджакъ и позвалъ дѣвушку и лакея.

Глафиру Васильевну подняли и положили на диванъ, расшнуровали и прохладили ей голову компрессомъ. Черезъ нѣсколько минутъ она пришла въ себя и, поводя вокругъ глазами, остановила ихъ на Гордановѣ.

Дѣвушка въ это мгновеніе тихо вытянула изъ ослабѣвшихъ рукъ больной лацканы гордановской куртки и осторожно бросила ихъ подъ стулъ, откуда лакей также осторожно убралъ ихъ далѣе.

— Воздуху! — прошептала Глафира, остановивъ на Гордановѣ глаза, наполненные страха и страданія.

Тотъ понялъ и сейчасъ же распорядился, чтобы была подана коляска. Глафиру Васильевну вывели, усадили среди подушекъ, укутали ей ноги пледомъ и повезли, куда попало, по освѣщенной луной Москвѣ. Рядомъ съ нею сидѣла горничная изъ гостиницы, а на передней лавочкѣ—Гордановъ. Они ѣздили долго, пока больная почувствовала усталость и позывъ ко сну; тогда они вернулись, и Глафира тотчасъ же легла въ постель. Дѣвушка легла у нея въ ногахъ на диванчикѣ.

Гордановъ спалъ мертвымъ сномъ и очень удивился, когда, проснувшись, услышалъ спокойный и веселый голосъ Глафиры, занимавшейся съ дѣвушкой своимъ туалетомъ.

«Неужто же,—подумалъ онъ:—все это вчера было притворство? Одно изъ двухъ: или она топерешнимъ весельемъ маскируетъ обнаружившуюся вчера свою ужасную болѣзнь, или она мастерски сыграла со мною новую плутовскую комедію, чтобы заставить меня оттолкнуть Ларису. Самъ дьяволъ ее не разгадаетъ. Она хочетъ, чтобы я бросилъ Ларису; будь по ея, я брошу мою Ларку, но брошу для того, чтобы крѣпче ее взять. Глафира не знаетъ, что мнѣ самому все это какъ нельзя болѣе на руку».

Съ этимъ онъ одѣлся, вышелъ въ залъ и, написавъ нѣть строкъ къ Ларѣ, положилъ въ незапечатанномъ конвертѣ въ карманъ и ждалъ Глафиры.

Предстоящія минуты очень интересовали его: онъ ждалъ отъ Глафиры «презрѣннаго металла» и... удостовѣренія, въ какой мѣрѣ сердце ея занято привязанностью къ другому человѣку: до того ли это дошло, что онъ, Гордановъ, ей

уже совсѣмъ противенъ до судорогъ, или... она его еще можетъ переносить, и онъ можетъ надѣяться быть ея мужемъ и обладателемъ какъ бодростинскаго состоянія, такъ и красоты Ларисы.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Съ толку сбила.

Вчерашней сцены не осталось и слѣда. Глафира была весела и простосердечна, что чрезвычайно шло ко всему ея живому существу. Когда она хотѣла быть ласковой, это ей до того удавалось, что обаянію ея подчинялись люди самые къ ней нерасположенные, и она это, разумѣется, знала. Гордановъ, расхаживая по залѣ, слушалъ, какъ она разспрашивала дѣвушку о ея семьѣ, о томъ, гдѣ она училась и пр., и пр. Эти разспросы предлагались такимъ участливымъ тономъ и въ такой мастерской послѣдовательности, что изъ нихъ составлялась самая нѣжнѣйшая музыка, постепенно все сильнѣе и сильнѣе захватывавшая сердце слушательницы. Съ каждою шпилькой, которую дѣвушка, убирая голову Бодростиной, затыкала въ ея непокорные волнистые волосы, Глафира пускала ей самый тонкій и болѣзненно-острый уколъ въ сердце, и, слушавшій всю эту игру, Гордановъ не успѣлъ и услѣдить, какъ дѣло дошло до того, что голосъ дѣвушки началъ дрожать на низкихъ нотахъ: она рассказывала, какъ она любила и что изъ той любви вышло... Какъ *онъ*, — этотъ вѣковѣчный *онъ* всѣхъ милыхъ дѣвъ, — бросилъ ее; какъ *она* по немъ плакала и убивалась, и какъ потомъ явилось *оно* — также вѣковѣчное и неизбежное третье, возникшее отъ любви двухъ существъ; какъ это *оно* было завернуто въ пеленку и одѣяльце... все чистенькое-пречистенькое... и отнесено въ Воспитательный домъ съ ноготочками, намѣченными яписомъ, и какъ этотъ яписъ былъ съѣденъ свѣтомъ, и какъ потомъ и само *оно* тоже будетъ съѣдено свѣтомъ и пр., и пр. Однимъ словомъ, старая пѣсня, которая, однако, вѣчно нова и не теряетъ интереса для своего пѣвца.

Глафира Васильевна очаровывала дѣвушку вниманіемъ къ этому разсказу и имъ же не допускала ее ни до какихъ рѣчей о своемъ вчерашнемъ припадкѣ.

Съ Гордановымъ она держалась той же тактики. Выйдя

къ нему въ залъ, она его встрѣтила во всеоружіи своей сверкающей красоты: подала ему руку и освѣдомилась, хорошо ли онъ спалъ? Онъ похвалился спокойнымъ и хорошимъ сномъ, а она пожаловалась:

— Je n'ai pas fermé l'oeil toute la nuit, — сказала она, наливая чай.

— Будто! Это досадно, а мы, кажется, вчера предъ сномъ вѣдь сдѣлали хорошую прогулку.

Бодростина пожала съ недоумѣніемъ плечами и, улыбаясь, отвѣчала:

— Ну, вотъ подите же: не спала да и только! Вѣрно оттого, что вы были моимъ такимъ близкимъ сосѣдомъ.

— Не вѣрю!

Глафира сдѣлала кокетливую гримасу.

— Очень жалко, — отвѣчала она: — всѣмъ дастся по вѣрѣ ихъ.

— Но я невѣрующій.

— Да я не знаю, чему вы тутъ не вѣрите? что вблизи васъ не спится? Вы борецъ за существованіе.

— А, вотъ ты куда мѣтишь?

— Да; но вы, впрочемъ, правы. Не вѣрьте этому больше, чѣмъ всему остальному, а то вы въ самомъ дѣлѣ возмечтаете, что вы очень большой хищный звѣрь, тогда какъ вы даже не мышь. Я спала крѣпко и пресладко и видѣла во снѣ прекраснаго человѣка, который совсѣмъ не походилъ на васъ.

— Не оттого ли вы такъ добры и прекрасны?

— Вѣроятно.

Гордановъ, похлебывая чай, шутя подивился только: что за сравненіе къ нему примѣнено, что онъ не звѣрь и даже не мышь!

— А конечно, — отвѣчала, зажигая пахитоску, Бодростина: — вы ни сѣтей не рвете и даже не умѣете проникнуть по-мышинному въ щелочку, и только бредомъ о своей Ларисѣ мѣшаете сиящей въ двухъ шагахъ отъ васъ женщинаѣ забыть о своемъ сосѣдствѣ.

— Вотъ вамъ письмо къ этой Ларисѣ, — отвѣтилъ ей на это Гордановъ и подаль конвертъ.

— На что же мнѣ оно?

— Прочтите.

— Я не желаю быть повѣренной чужого чувства.

— Итъ, ты прочти, и ты тогда увидишь, что здѣсь и слова нѣтъ о чувствахъ. Да; я прошу тебя, пожалуйста, прочти.

И онъ почти насильно всунулъ ей въ руку развернутый листокъ, на который Глафира бросила нехотя взглядъ и прочитала:

«Прошу васъ, Лариса Платоновна, не думать, что я бѣжалъ изъ вашихъ палестинъ оскорбленный вашимъ обращеніемъ къ Подозерову. Спѣшу успокоить васъ, что я васъ никогда не любилъ, и послѣ того, что было, вы уже ни на что болѣе мнѣ не нужны и не интересны для моей любознательности.»

Гордановъ зорко слѣдилъ во все это время и за глазами Глафиры, и за всѣмъ ея существомъ, и не проморгнулъ движенія ея бровей и блага мизинца ея руки, который, по мѣрѣ чтенія, все разгибался и, наконецъ выпрямясь, сталъ въ уровень съ устами Павла Николаевича. Гордановъ схватилъ этотъ шаловливый пальчикъ и, цѣлуя его, спросилъ:

— Довольна ли ты мною теперь, Глафира?

— Я немножко нездорова, чтобы быть чѣмъ-нибудь очень довольною,—отвѣчала она спокойно, возвращая ему листокъ, и при этомъ какъ бы вдругъ вспомнила:—Нѣтъ ли у васъ большой фотографіи или карточки, снятой съ васъ вдвоемъ съ женщиной?

— На что бы это вамъ?

— Мнѣ нужно.

— Не могу этимъ служить.

— Такъ послужите. Возьмите Ципри-Кипри... Впрочемъ, эти одѣваться не умѣютъ.

— Да ну ихъ къ чорту, развѣ безъ нихъ мало!

— Именно; возьмите хорошую, но благопристойную...

— Даму изъ Амстердама,—подсказалъ Гордановъ.

Бодростина кинула ему въ отвѣтъ утвердительный взглядъ и въ то же время, вынувъ изъ бумажника карточку Александры Пвановны Сиятяниной, проговорила:

— Во вкусъ можете не стѣсняться—*blonde* или *brune*—это все равно; *оттуда* поза и фигура, а головка *отсюда*.

Гордановъ принялъ карточку и вздохнулъ.

— Конечно, нужно, чтобы станъ какъ можно болѣе отвѣчалъ тѣлу, которое носить эту голову.

— Ужь разумѣтся.

— И поза скромная, а не какая-нибудь, à la чортъ меня поберп.

— Перестань, пожалуйста, меня учить.

— И платье черное, самое простое черное шелковое платье, какое есть непременно у каждой женщины.

— Да знаю же, все это знаю.

— Лишній разъ повторить не мѣшаетъ. И потомъ, когда дойдетъ дѣло до того, чтобы приставить эту головку къ корпусу дамы, которая будетъ въ вашихъ объятіяхъ, надо...

Гордановъ перебилъ ее и скороговоркой прочелъ:

— Надо поручить это дѣло какому-нибудь темному фотографщику... Найду такого изъ полячковъ или жидковъ.

— И чтобы на оборотѣ карточки не было никакого адреса.

— Ахъ, какая ты безпокойная, ужъ объ этомъ они сами побезпокоятся.

— Да, я безпокойна, но это и не мудрено; все это ужъ слишкомъ долго тянется,—проговорила она съ нетерпѣливою гримасой.

— Вѣдь за тобою же дѣло. Скажи, и давно бы все прикончили,—отвѣтилъ Гордановъ.

— Нѣтъ; дѣло не за мной, а за обстоятельствами. Я иду такъ, какъ мнѣ слѣдуетъ идти. Посиѣшить въ этомъ случаѣ, значитъ людей насмѣшить, а мнѣ нуженъ свѣтъ, и онъ долженъ быть на моей сторонѣ.

— Ну, чортъ ли въ немъ тебѣ, и врядъ ли это можно.

— Нѣтъ, извините, мнѣ это нужно, и это можно! Свѣтъ не караетъ преступлений, но требуетъ отъ нихъ тайны. А впрочемъ, это ужъ мое дѣло.

— Позволь, однако, и мнѣ дать тебѣ одинъ совѣтъ,—заговорилъ Гордановъ, потряхивая въ рукѣ карточкой Синяниной.—Ты, разумѣется, считаешь что-нибудь поставить на этой фотографіи, которую мнѣ заказываешь.

— Еще бы, конечно, мнѣ это нужно не для того, чтобы раздражать мою ревность.

— Да перестань играть словами. А дѣло вотъ въ чемъ: это ни къ чему не поведетъ; на этотъ хрусталь ничто не воздѣйствуетъ.

— Ты бросаешься въ игру словъ: *свѣтъ* на него не воздѣйствуетъ?

— Не повѣрятъ,—отвѣчалъ, замотавъ головой, Гордановъ.

— Кому? Солнцу не повѣрятъ. Оставь со мною споры; ты мелко плаваешь, да и намъ остается ровно столько времени, чтобы позавтракать и проститься, условясь кое-о-чемъ предъ разлукой. Итакъ, еще разъ: понимаешь ли ты, что ты долженъ дѣлать? Бодростинъ долженъ быть весь въ рукахъ Казимиры, какъ Іовъ въ рукахъ сатаны, понимаешь? Весь, совершенно весь. Я получила прекрасныя вѣсти. Казимира, какъ настоящая полька, влюбилась наконецъ въ своего санкюлота... скрипача... Она готовилась быть матерью... Этимъ безцѣннымъ слухомъ мы должны воспользоваться, и это будущее дитя должно быть поставлено на счетъ Мухамлу Андреевичу.

— Но тутъ... позволь!..—Гордановъ разсмѣялся и добавилъ:—въ этомъ твоего мужа не увѣришь.

— Почему?

— Почему? Потому что il a au moins soixante dix ans.

— Tant mieux, mon cher, tant mieux? C'est un si grand âge, что какъ не увлечься такимъ лестнымъ поклепомъ! Онъ назовется авторомъ, не бойтесь. Впрочемъ, и это тоже не ваше дѣло.

— Да ужъ... «мой дѣла», это я вижу, что-то чернорабочее: дѣлай что велятъ и не смѣй спрашивать,—сказалъ, съ худо скрываемымъ неудовольствіемъ, Гордановъ.

— Это такъ и слѣдуетъ: мужчины трутня, грубая сила. Въ ульѣ господствуютъ безполые, какъ я! Твое дѣло будетъ только уронить невзначай Казимирѣ сказанную мною мысль о ребенкѣ, а ужъ она сама ее разыграетъ, и затѣмъ ты мнѣ опять тамъ нуженъ, потому что когда яичница въ шляпѣ будетъ приготовлена, тогда вы должны извѣстить меня въ Парижъ, — и вотъ все, что отъ васъ требуется. Не велика услуга?

— Очень не велика. Но что же требуется? Чтобъ онъ взялъ къ себѣ этого ребенка, что ли?

— Нимало. Дитя непременно должно быть отдано въ Воспитательный домъ, и непременно при посредствѣ моего мужа.

— Ничего не понимаю,—проговорилъ Гордановъ.

— Право не понимаешь?

— Ровно ничего не понимаю.

— Ну, ты золотой человекъ. Лети же мой нѣмой посоль и носи мою неписанную грамоту.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Брильянтъ и янтарь.

Бодростина достала изъ портфеля пачку ассигнацій и, положивъ ихъ предъ Гордановымъ, сказала:

— Это тебѣ на первую жизнь въ Петербургѣ и на первыя уплаты по твоимъ долгамъ. Когда прилетишь мнѣ фотографію, исполненную какъ я велѣла, тогда получишь вдвое больше.

Гордановъ взялъ деньги и поцѣловалъ ея руку. Онъ былъ смятъ и даже покраснѣлъ отъ сознанія своего наемничьяго положенія на мелкія дѣлшки, въ значеніи которыхъ ему даже не даютъ никакого отчета.

Онъ даже былъ жалокъ, и въ его глазахъ блеснула предательская слеза униженія. Бодростина смотрѣла на него еще минуту, пока онъ нарочно долго копался, наклоняясь надъ своимъ портфелемъ и, наконецъ, вставъ, подошла къ нему и взяла его голову. Гордановъ наклонился еще ниже. Глафира повернула къ себѣ его лицо и поцѣловала его поцѣлуемъ долгимъ и страстнымъ. Онъ ожилъ... Но Глафира быстрымъ движеніемъ отбросила отъ себя обвившія ея руки Горданова и, погрозивъ ему съ улыбкой пальцемъ, подавила пуговку электрическаго звонка и сама отошла и стала противъ зеркала.

Приказавъ вошедшему на этотъ зовъ слугѣ подать себѣ счетъ, Глафира добавила:

— Возьмите кстати у барина письмо и опустите его тотчасъ въ ящикъ.

Слуга отвѣтилъ:

— Слушаю-сь.

И, взявъ изъ рукъ Горданова письмо къ Ларѣ, безмолвно удалился.

Глафира спокойно начала укладывать собственноручно различныя мелочи своего дорожнаго багажа, посоветовавъ заняться тѣмъ же и Горданову.

Затѣмъ Бодростина посмотрѣла поданный ей счетъ, заплатила деньги и, велѣвъ выносить вещи, стала надѣвать предъ зеркаломъ черную кастановую шляпу съ длиннымъ вуалемъ.

Гордановъ снаряжился и, ставъ сзади нея, съ дорожной сумкой черезъ плечо, онъ смотрѣлъ на нее сухо и сурово.

Глафирѣ все это было видно въ зеркалѣ, и она спросила его:

— О чемъ ты задумался?

— Я думаю о томъ, гдѣ у иныхъ женщинъ та женская чувствительность, о которой болтаютъ поэты?

— А нѣкоторыя женщины ее берегутъ.

— Берегутъ? гмъ! Для кого же онѣ ее берегутъ?

— Для избранныхъ.

— Для нѣсколькихъ?

— Да, понемножку. Вѣдь ты и многіе учили женщинъ, что всякая исключительная привязанность порабощаетъ свободу, а кто же бѣльшій другъ свободы, какъ не мы, несчастныя порабощенныя вами созданія? Идемъ, однако: наши вещи уже взяты.

И съ этимъ она пошла къ двери, а Гордановъ за нею.

Сбѣжавъ на первую террасу лѣстницы, она полуоборотилась къ нему и проговорила съ улыбкой:

— Какой мѣрой человекъ мѣритъ другому, такой возмѣрится и ему!—и снова побѣжала.

— Смотрите, чтобъ это не приложилось и къ вамъ, — отвѣчалъ вдогонку ей Гордановъ.

— О-о-о! не безпокойся! Для меня пора исключительныхъ привязанностей прошла.

— Ты лжешь сама себѣ: въ тебѣ еще цѣлый вулканъ жизни.

— А, это другое дѣло; но про такія серьезныя дѣла, какъ скрытый во мнѣ «вулканъ жизни», мы можемъ договорить и въ каретѣ.

Съ этимъ она вступила въ экипажъ, а за ней и Гордановъ.

Черезъ полчаса Павелъ Николаевичъ, занявъ мѣсто въ первоклассномъ вагонѣ Петербургской желѣзной дороги, вышелъ къ периламъ, у которыхъ, въ ожиданіи отхода поѣзда, стояла по другой сторонѣ Бодростина.

Онъ опять совладалъ съ собою и смирился.

— Ну, еще разъ прощай, «вулканъ»,—сказалъ онъ, смѣясь и протягивая ей свою руку.

— Только, пожалуйста, не «вулканъ»,—отвѣтила еще шутливѣе Глафира. — Вулканъ остался тамъ, гдѣ ты посѣялъ свой умъ... Ничего: авось два вырастутъ. А ты утѣшься:

скучать не стѣдуетъ долго по Ларисѣ, да она и сама скучать не будетъ долго.

— Ты это почему знаешь?

— Да развѣ дуры могутъ долго скучать!

— Она не такъ глупа, какъ ты думаешь.

— Нѣтъ, она именно такъ глупа, какъ я думаю.

— Есть роли въ жизни, для выполненія которыхъ умъ не требуется.

— Да; только она ни къ одной изъ нихъ не годна.

— Отчего же: очень много недалекихъ женщинъ, которыя прекрасно составляютъ счастье мужей.

— Ты правъ: великодушныя дурочки. Да; это прекрасный сортъ женщинъ, но онѣ рѣдки и она не изъ нихъ.

— Ну, такъ изъ нея можетъ выйти кому-нибудь путная любовница.

— Никогда на свѣтѣ! Успѣшное исполненіе такой роли требуетъ характера.

— Ну, такъ въ дорогія камелии пригодится.

— О, всего меньше! Тамъ нуженъ... талантъ! А впрочемъ, уже недолго ждать: *le grand ressort est cassé*, какъ говорятъ французы: теперь скоро увидимъ, что она съ собою подѣлаетъ?

Раздался второй звонокъ.

Гордановъ протянулъ на прощанье руку и сказалъ:

— Ты умна, Глафира, но ты забыла еще одинъ способъ любить подобныхъ женщинъ: съ ними надо дѣйствовать по романсу: «Тебя томить, тебя терзать, твоимъ мученьемъ наслаждаться».

— А ты-таки достоялся здѣсь предо мной до того, чтобы проговориться, какъ ты думаешь съ ней обойтись? Понимаю, и пусть это послужитъ тебѣ объясненіемъ, почему я тебѣ не довѣряюсь; пусть это послужитъ тебѣ и урокомъ, какъ глупо стараться заявлять свой умъ. Но иди, тебя зовутъ.

Кондукторъ дѣйствительно стоялъ возлѣ Горданова и пригласилъ его въ вагонъ.

Павель Николаевичъ стиснулъ руку Глафиры и шепнулъ ей:

— Ты брильянтъ самыхъ совершеннѣйшихъ граней!

Бодростина, смѣясь, покачала отрицательно головой.

— Что? Развѣ не брильянтъ?

— Я-н-т-а-р-ь!—шепнула она, оглядываясь и слегка надвигая брови надъ улыбающимся лицомъ.

— Почему же не брильянтъ, почему янтарь?—шептавъ, выглядывая изъ вагона, развеселившійся Гордановъ.

— Потому что въ янтарѣ есть свое постоянное электричество, межъ тѣмъ, какъ брильянтъ, чтобы блеснуть, нуждается въ свѣтѣ... Я полагаю, что это, впрочемъ, совсѣмъ не интересно для того, кого заперли на защелку. Adieu!

Поѣздъ тронулся и поползъ.

— Sans adieu! Sans adieu! Je ne vous dis pas adieu!—крикнувъ, высовываясь назадъ, Гордановъ.

Бодростина только махнула ему, смѣясь, рукой и въ томъ же самомъ экипажѣ, въ которомъ привезла сюда изъ гостиницы Горданова, отъѣхала на дебаркадеръ другой желѣзной дороги. Не тяготясь большимъ крюкомъ, она избрала окольный путь на западъ и покатила къ небольшому пограничному городку, на станціи котораго давно уже обращать на себя всеобщее вниманіе таинственный господинъ потеряннаго вида, встрѣчавшій каждый поѣздъ, приѣзжающій изъ Россіи.

Господинъ этотъ есть не кто иной, какъ злополучный Іосафъ Платоновичъ Висленевъ, писавшій отсюда Горданову подъ псевдонимомъ покинутой Эсперансы и уготованный теперь въ жертву новымъ судьбамъ, вѣдомымъ лишь Богу на небѣ, да на землѣ грѣшной рабѣ Его Глафирѣ.

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Указъ объ отставкѣ.

Мы не погонимся за нашими путешественниками: пусть они теперь ѣдутъ каждый своимъ путемъ-дорогой, пока не достигнутъ пунктовъ, на которыхъ должны продолжать свои «предпріятія», а сами мы вернемся назадъ въ губернское захолустье, гдѣ остались слѣды соколыго перелета Горданова.

Въ то самое время, какъ Павелъ Николаевичъ катилъ на сѣверъ, соображая: насколько онъ прочитанъ Глафирой и насколько онъ самъ могъ прочитать ее; въ то время, какъ Глафира несется на западъ, лежа въ углу спокойнаго купе.—въ положеніи нашихъ провинціальныхъ друзей нарушилась тягостная неподвижность, и первые признаки этого движенія были встрѣчены и приняты Ларисой.

Тотъ короткій осенній день, когда главные наши предприниматели разъѣхались изъ Москвы въ разныя стороны, въ покинутой ими провинціи рано заключился темными ненастными сумерками. Въ пять часовъ послѣ обѣда мрачные отъ сырости дома утопали въ сѣрой проникающей мглѣ. Вѣтеръ не дулъ, не рвалъ и не свистѣлъ, а вертѣлся и дергался кое-гдѣ на одномъ мѣстѣ, будто сноваль частую основу. Поснуеть, похлопаетъ ставней словно бедромъ и перелетитъ дальше, и тамъ постучитъ, помаячитъ и опять пошелъ далѣе. Крупный мокрый снѣгъ то сыплетъ какъ изъ рукава, то вдругъ порѣдѣетъ и движется какъ скалывающаяся кисея, — точно не то летитъ сова, не то лунь плыветъ.

Въ полутемной комнатѣ, гдѣ лежалъ больной Подозеровъ, сумерки пали еще ранѣе: за густыми суконными занавѣсками, которыми были завѣшаны окна, свѣтъ померкъ еще ранѣе. Благодаря защитѣ этихъ же занавѣсъ, здѣсь не такъ была слышна и разгулявшаяся на дворѣ непогода. Напротивъ, шумъ непогоды, доходившій сюда смягченнымъ черезъ двойныя рамы и закрывающія ихъ волны сукна, навѣвалъ нѣчто успокоивающее и снотворное. Поскрипитъ, поскрипитъ тихонько за угломъ на своихъ петляхъ старая рѣшетчатая камитка, крикнетъ подъ окномъ на корнѣ старая яблоня, словно старуха, отбивающаяся отъ шаловливаго внука,—и все затихнетъ; мокрый вѣтеръ уже покинулъ яблоню и треплетъ безлиственные прутья березы. Но вотъ и эта отдѣлалась: ея мокрые голые прутья стегнули по закрытой ставнѣ окна и, опустясь, замумли; береза точно ворчитъ во снѣ, что ей мѣшаютъ спокойно погрузиться въ свою полугодовую спячку, пока затрещитъ надъ нею въ высокомъ небѣ звонкій жаворонокъ и возвѣститъ, что пора ей проснуться, обливаться молокомъ съ макушки до низу и брызгать сокомъ черезъ ароматную почку.

Стѣбитъ человѣку задремать подъ этотъ прибой и отбой стихійныхъ порывовъ, и его готовъ осѣсть цѣлый рои грезъ, уносящихъ воображеніе и память въ чудную область мечтаній.

Подозеровъ почти впервые послѣ разразившейся надъ нимъ катастрофы спалъ пріятно и крѣпко. Въ убаюканной головѣ его расчищался понемногу долго густѣвшій туманъ, и тихое вліяніе мысли выяснило знакомые облики и про-

водило ихъ въ стройномъ порядкѣ. Предъ нимъ двигалось дѣтство, переходя, какъ въ туманномъ стеклѣ панорамы, изъ картины въ картину, и вотъ она, юность, и вотъ они, болѣе зрѣлыя годы. Вотъ наконецъ и она. Въ знойномъ пространствѣ, на зыбкихъ качеляхъ колеблется Лара... Что хочеть сказать ея неразгаданный взглядъ? чѣмъ дышитъ эта чудная красота, и что въ ней не дышитъ? Призракъ чудесный! и зачѣмъ она вправду не призракъ? Зачѣмъ этотъ толчокъ и жгучая боль возлѣ больного сердца? Зачѣмъ тонкія, слегка поспившія вѣки больного зашевелились, какъ оживающая весной оса, и медленно ползутъ кверху? Ему, очевидно, больно. Пробужденные глаза его видятъ въ полумракѣ закрытой щиткомъ лампы всю укутанную сукномъ комнату... Ея здѣсь нѣтъ; нѣтъ и тревогъ, которыя родилъ этотъ призракъ. Все тихо, какъ сонъ въ царствѣ тѣней... Вѣть тихимъ, теплымъ покоемъ... Не въ этомъ ли родѣ нѣчто будетъ въ тотъ таинственный мигъ, когда разрѣшенный духъ, воспріянувъ въ смятеніи, взлетитъ надъ собственнымъ покинутымъ футляромъ, и носясь горѣ, остановится надъ тѣмъ, что занимало его на землѣ? Все это какъ будто знакомо, все это было тогда, но только не вспомнишь когда. Не вспомнишь причины, почему это такъ, а не иначе, отчего, напримѣръ, шатаясь шевелится эта стѣна, которою больному представляется сукно, закрывающее дверь. А движеніе все идетъ своимъ чередомъ. Вотъ занавѣса распахнулась, и изъ-за нея выступили двѣ тѣни. У одной изъ нихъ въ рукахъ лампада, закрытая прозрачною ладонью. Что это за видѣнье? Вотъ эти тѣни взошли, остановились, вытянули впередъ свои головы и, напрягая зрѣніе, долго и пристально посмотрѣли на него, и потомъ неслышною стопой попятнулись назадъ и скрылись. Складки сукна снова упали, и опять вокругъ густой полумракъ. Блуждающій взоръ больного теперь не различаетъ ничего въ темномъ покоѣ, хотя больной не одинъ здѣсь, а у него есть очень интересный товарищъ: въ темномъ углубленіи, въ головахъ у него, между окномъ и высокимъ массивнымъ комодомъ, дремлетъ въ мягкомъ креслѣ Лариса.

Какая чудная поза! Какъ хороши эти сочетанія Греза, въ очертаніи рисунка, и Рембрандта, въ туманномъ колоритѣ! Но больной Подозеровъ не видитъ ни черныхъ рѣс-

ницъ, павшихъ на матовыя щеки, ни этой дремлющей руки, въ которой замерло знакомое намъ письмо Горданова,—предательское письмо, писанное въ утѣху Бодростиной, а также и въ другихъ видахъ, извѣстныхъ лишь самому Горданову. Какъ могла спать Лариса, только что прочитавъ такія унизительныя для ея самолюбія строки? да и спала ли она? Нѣтъ, состояніе, въ которомъ она находилась, было не сонъ. Получивъ около часу тому назадъ это письмо, она рѣшилась вскрыть его только здѣсь, въ комнатѣ больного, который теперь казался ей геніемъ-хранителемъ. Прочитавъ присланный ей Гордановымъ короткій и наглый указъ объ отставкѣ, она уронила голову, уронила руку и потеряла сознание. Было-ль жаль его?.. Нѣтъ. Любила-ль она его?.. Богъ вѣсть. Но она была сражена тѣмъ, что она,—красавица, которая не умѣла придумать себѣ достойной цѣны,—можетъ быть пренебрежена и кнута какъ негодная и ничего не стоящая вещь! Она чувствовала въ случившемся не только обиду, но и живую несообразность, которая требуетъ разъясненія и выхода. Она ждала и жаждала ихъ, и они не замедлили.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

Собака и ея тѣнь.

За стѣной, куда скрылися тѣни, началась шопотомъ бесѣда.

— И ты съ тѣмъ это и пришла сюда, Катя?—внезапно послышалось изъ-за успокоившихся полосъ сукна.

Лариса тотчасъ же узнала голосъ генеральши Сиятинной.

— Да; я именно съ этимъ пришла, — отвѣчалъ ей немножко грубоватый, но искренній голосъ Форовой; я давно жду и не дождусь этой благословенной минутки, когда онъ придетъ въ такой разумъ, чтобъ я могла сказать ему: «прости меня, голубчикъ Андрюша, я была виновата предъ тобою, сама хотѣла, чтобы ты женился на моей племянницѣ, ну а теперь каюсъ тебѣ въ этомъ и сама тебя прошу: брось ее, потому что Лариса не стоитъ путнаго человѣка».

— Горячо сказано, Катя.

— Горячо и праведно, моя милая.

— Ну, въ такомъ случаѣ мнѣ остается только порадо-

ваться, что мы съ тобой сошлись на его крыльцѣ, что онъ спитъ и что ты не можешь исполнить своего намѣренія.

— Я его непремѣнно исполню,—отвѣчала Форова.

— Нѣтъ, не исполнишь: я увѣрена, что ты черезъ минуту согласишься, что ты не имѣешь никакого права вмѣшиваться такимъ образомъ въ ихъ дѣло.

— Ну, это старая пѣсня; я много слыхала про эти невмѣшательства и не очень ихъ почитаю. Нѣтъ, вмѣшивайся; если кому желаешь добра, такъ вмѣшивайся. А онъ мнѣ просто жалости достоинъ.

Слышно было, какъ Форова сорвала съ себя шляпу и бросила ее на столъ.

— Въ этомъ ты права,—отвѣтила ей тихо Синтянина.

— Да какъ же не права? Я тебѣ говорю, сколько я больная лежала, да разсуждала про нашу Ларису Платоновну, сколько теперь къ мужу въ тюрьму по грязи шлепаю, или когда здѣсь надъ больнымъ сижу,—все она у меня изъ головы нейдетъ: чтѣ она такое? Нѣтъ, ты расскажи мнѣ, пожалуйста, чтѣ она такое?

Синтянина промолчала.

— Молчишь,—нетерпѣливо молвила Катерина Астафьева:—это, мать моя, я и сама умѣю.

— Она... красавица,—сказала Синтянина.

— То-есть писанка, которою цапкаются, да поцапгавшись, другому отдають, какъ писанное яичко на Великъ День.

— Что же это позволяетъ тебѣ дѣлать на ея счетъ такія заключенія?

— Изъ чего я такъ заключаю?.. А вотъ изъ этого письма, которое мнѣ какой-то благодѣтель прислать изъ Москвы. Возьми-ка его, да поди къ окну, прочитай.

Синтянина встала и черезъ минуту воскликнула:

— Какая низость.

— Да; вотъ и разсуждай. Вотъ тебѣ и красавица, — Гордашка, и тотъ шлетъ отказъ какъ шесть.

— Анонимное письмо... копія... это все не стигъ никакой вѣры.

— Нѣтъ, это вѣрно, да чтѣ въ самомъ дѣлѣ намъ себѣ врать: это такъ должно быть. Я помню, что встарь говорили: красота безъ нравовъ—это приманка безъ удочки; такъ оно и есть: подплываетъ карась, повернется, да и

уйдетъ, а тамъ голецъ толкнется, пскарь губами поплепаеть, пока развѣ какой шершавый ёршъ халнетъ, да ужъ совсѣмъ слопаеть. Ларка... нѣтъ, эта Ларка роковая: твой мужъ правду говоритъ, что ее, какъ калмыцкую лошадь, одишь калмыкъ переупрямить.

Въ отвѣтъ на это замѣчаніе послышался только тихій вздохъ.

— Да, вотъ видишь ли, и вздохнула? А хочешь ли я тебѣ скажу, почему ты вздыхаешь? Потому, что ты сама согласна, что въ ней, въ нашей прекрасной Ларочкѣ, нѣтъ ничего достойнаго любви и уваженія.

Спитянина на это не отвѣтила ни слова, а голова Ларисы судорожно оторвалась отъ спинки кресла и выдвинулась впередъ съ гнѣвнымъ взоромъ и расширяющимися ноздрями.

Форова не прерывала нити занимающихъ ее мыслей и продолжала свой разговоръ.

— Нѣтъ, ты не отмалчивайся,—говорила она:—мы здѣсь одиѣ, насъ двухъ никто третій здѣсь не слышитъ, и я у тебя настоятельно спрашиваю: что же, уважаешь развѣ ты Ларису?

— Уважаю,—рѣшительно отвѣтила Спитянина.

— Лжешь! Ты честная женщина, ты никого не погубила и потому не можешь уважать такую метелицу.

— Она метелица, это правда, но это все оттого только, что она капризна,—отвѣчала генеральша.

— Да вотъ изволишь видѣть: она только капризна да пустоголова, а то всѣмъ бы взяла.

— Ну, извини: у нея есть умъ.

— Необыкновенно какъ умна! Цѣны себѣ даже не сложить, колочка не выбереть, на какой бы себя повѣсить! И то бы ей хорошо, а это еще лучше того; ступить шагъ, да оглянется, пойдетъ впередъ и опять воротится.

— Все это значить только то, что у нея безпокойное воображеніе.

— Ну, вотъ выдумай еще теперь безпокойное воображеніе! Все что-нибудь виновато, только не она сама! А я вамъ доложу-съ одно, дорогая моя Александра Ивановна, что какъ вы этого ни называйте, — капризь ли это или по новому — безпокойное воображеніе, — а съ этимъ жить нельзя!

Генеральша пожала плечами и отвѣчала:

— Однако же люди живутъ съ женщинами капризными.

— Живутъ-съ? Да, съ ними живутъ и маются и вѣкъ свой губятъ. Изъ человѣка сила-богатырь вышелъ бы, а кисейный рукавъ его на вѣтеръ пустить, и ученые люди въ родѣ васъ это оправдываютъ: «Женщина, женщина!» говорить. «Женщины несчастныя, ихъ надо во всемъ оправдывать».

— Я не оправдываю ни женщинъ, ни Ларисы, и, пожалуйста, прощу тебя, не считай меня женскимъ адвокатомъ; бывають виноватыя женщины, есть виноватыя мужчины.

— Какъ же вы не оправдываете Ларису, когда вы ее даже уважаете?—настаивала майорша.

— Я въ Ларисѣ уважаю то, что заслуживаетъ уваженія.

— Что же-съ это, что, позвольте узнать? Что же вы въ ней уважаете?

— Она строгая, честная дѣвушка.

— Что-съ?

— Она строгая къ себѣ дѣвушка; дѣвушка честная, не болтушка, не сплетница; любить домъ, любить чтеніе и бесѣду умныхъ людей. А все остальное... отъ этого ей одной худо.

— Она строгая дѣвушка? Она честная? Поздравляю!

— Развѣ ты о ней какимъ-нибудь образомъ узнала что-нибудь нехоршее?

— Нѣтъ, образомъ я ничего не узнала, а меня это какъ полѣномъ въ лобъ свистнуло... но только нечего про это, нечего... А я сказала, что не хочу, чтобъ Андрей Ивановичъ принималъ какъ святыню ее, общѣлованную мерзкими губами; я этого не хочу и не хочу, и такъ сдѣлаю.

И разгорячившаяся Форова забылась и громко хлопнула по столу ладонью.

— Да!—подтвердила она:—я такъ сдѣлаю: дрянъ ее бросила, а хорошему я не дамъ съ ней обрушиться.

— Дрянъ бросила, а хорошій подниметь, — проговорила Спятина. — Это такъ нерѣдко бываетъ, моя Катя.

— Ну бываетъ, или не бываетъ, а на этотъ разъ такъ не будетъ! Клянусь Богомъ, мужемъ моимъ, всѣмъ на свѣтѣ клянусь: этого не будетъ! Подыми только его Господь, а ужъ тогда я сама, я все ему открою, и онъ се броситъ.

— Какъ же ты можешь за это ручаться? Ну, ты ска-

жешь ему, что она капризница, но большею частью всё хорошенькiя женщины капризны.

— Нѣтъ, я и другое еще скажу.

— Ну... ты, положишь, скажешь, что она кого-то когда-то поцѣловала, что ли...—произнесла, нѣсколько затрудняясь, генеральша:—но что же изъ этого?

— Такъ это ничего! Такъ это по-твоему ничего? Ну, не ожидала, чтобы ты, ты, строгая, чистая женщина, дѣвушкамъ ночные поцѣлуи съ мерзавцами совѣтовала.

— Я и никогда этого не совѣтовала, но скажу, что это бываетъ.

— И что это *ничего*?

— Почти. Спроси, пожалуйста, по совѣсти всѣхъ дамъ, не случалось ли имъ поцѣловать мужчину до замужества, и ручаюсь, что рѣдкой этого не случалось; а между тѣмъ это не помѣшало многимъ изъ нихъ быть потомъ и очень хорошими женами и матерями.

— Ну, а я говорю, что она не будетъ ни хорошей женой, ни хорошей матерью; мнѣ это сердце мое сказало, да и я знаю, что Подозеровъ самъ не станетъ по-твоему рассуждать. Я видѣла, какъ онъ смотрѣлъ на нее, когда былъ у тебя въ послѣднiй разъ предъ дуэлью.

— Какъ онъ на нее смотрѣлъ? Я ничего особеннаго не видала.

— Именно особенно: совсѣмъ не такъ, какъ глядѣлъ на нее прежде. Бровки-то съ губками видно уже напириторѣли, а живая душа за душу потянула.

— Что это?.. другая любовь, что ли?

— Да-съ.

— Это любопытно,—уронила съ легкимъ смущенiемъ въ голосѣ генеральша.

— А ты не любопытствуй, а то я вѣдь, пожалуй, и скажу.

— Пожалуйста, пожалуйста, скажи.

— Да ты же сама эта живая душа, вотъ кто!

— Ну ты, Катерина, въ самомъ дѣлѣ съ ума сходишь.

— Пимало не схожу: ты его любишь, и онъ къ тебѣ тоже всей душой потянулся, и придетъ время дотянется.

Генеральша еще болѣе смущеннымъ голосомъ спросила:

— Что за вздоръ такой, какъ это онъ—*дотянется*?

— Да отчего жъ нѣтъ? Ты молода, ему тридцать пять

лѣтъ, а мужу твоему дважды тридцать пять, да еще не съ хвостикомъ ли? Иванъ Демьяновичъ умретъ, а ты за Андрюшу замужъ выйдешь. Вотъ и весь сказъ.— Не желаешь, чтобъ такъ было?

Послышался шорохъ, и двѣ женскія фигуры въ обѣихъ смежныхъ комнатахъ встали и двинулись: Лариса скользнула къ кровати Подозерова и положила свою трепещущую руку на изголовье больного, а Александра Ивановна сдѣлала шагъ на середину комнаты и, сжавъ на груди руки, произнесла:

— Нѣтъ, нѣтъ, ты лжешь! Видитъ Богъ мое сердце, я не желаю смерти моему мужу! Я желаю ему выздоровленія, жизни, покоя и примиренія со всѣмъ, предъ чѣмъ онъ не правъ. И это такъ и будетъ: докторъ сегодня сказалъ, что Иванъ Демьяновичъ уже положительно внѣ всякой опасности, и мы поѣдемъ въ Петербургъ; тамъ вынуть его пулю, и онъ будетъ здоровъ.

— Да, да, все это вы сдѣлаете, а все-таки будетъ такъ, какъ я сказала: старому гнить, а молодымъ жить. Ты этого не хочешь, но тебѣ это желается; оно такъ и выйдетъ.

При этихъ новыхъ словахъ Форовой фигура генеральши, обрисовавшаяся темнымъ силуэтомъ на сѣромъ фонѣ густыхъ сумерекъ, поднялась съ дивана и медленно повернулась.

— Катя! это уже наконецъ жестоко! — проговорила она и, закрывъ рукой лицо, отошла къ стѣнѣ. Она какъ бы чего оробѣла, и на вѣкахъ ея глазъ повисли слезы.

Въ это же самое мгновенье, въ другой комнатѣ, Лара, упершись одною рукой въ блѣдный лобъ Подозерова и поднимая тоненькимъ пальцемъ его зѣницы, другою крѣпко сжала его руку и, глядя перепуганнымъ взглядомъ въ расширенные зрачки больного, шептала:

— Встаньте, встаньте же, встаньте! Проснитесь... я люблю васъ!

Лариса должна была нѣсколько разъ кряду повторить свое признаніе, прежде чѣмъ обнаружилось хотя слабое дѣйствіе того волшебства, на которое она рассчитывала. Но она такъ настойчиво теребила больного, что въ его глазахъ наконецъ блеснула слабая искра сознанія, и онъ вышелъ изъ своего окаменѣлаго безчувствія.

— Слышите ли вы, слышите ли, что я говорю вам?— добивалась шопотом Лара, во всю свою силу сжимая руку больного и удерживая пальцами другой руки вѣки его глазъ.

— Слы...ш...ш...ш...у!—тихо протянуть Подозеровъ.

— Узнаете ли вы меня?

— Уз...на...ю.

— Назовите же меня, назовите: кто я?

— Вы?..

Больной вдругъ вперилъ глаза въ лицо Лары и послѣ долгаго соображенія отвѣтилъ:

— Вы не она.

Лариса выбросила изъ своихъ рукъ его руку, выпрямилась и, закусивъ нижнюю губку, мысленно послала не ему, а многимъ другимъ одно общее проклятіе, бѣлая доля котораго безъ раздѣла досталась генеральшѣ.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

Раненаго берутъ въ плѣнь.

Описанная неожиданная сцена между Ларисой и Подозеровымъ произошла очень быстро и тихо, но, тѣмъ не менѣе, нарушивъ безмолвіе, царившее во все это время въ покоѣ больного, она не могла утѣнться отъ двухъ женщинъ, присутствовавшихъ въ другой комнатѣ, если бы вниманіе ихъ въ эти минуты не было въ сильнѣйшей степени отвлечено другою неожиданностью, которая, въ свою очередь, не обратила на себя вниманія Ларисы и Подозерова только потому, что первая была слишкомъ занята своими мыслями, а второй былъ еще слишкомъ слабъ для того, чтобы соображать разомъ, что дѣлается здѣсь и тамъ въ одно и то же время.

Дѣло въ томъ, что прежде чѣмъ Лара приступила къ Подозерову съ рѣшительнымъ словомъ, на крыльцѣ деревяннаго домика, занимаемаго Андреемъ Ивановичемъ, слышались тяжелые шаги, и въ тотъ моментъ, когда взволнованная генеральша отошла къ стѣнѣ, въ темной передней показалась еще новая фигура, которой нельзя было ясно разглядѣть, но которую сердце майорши назвало ей по имени.

Катерина Астафьевна, воззрѣвъ въ темноту, вдругъ по-

забыла всякую осторожность, требуемую близостью больного, и, отчаянно взвизгнувъ, кинулась впередъ, обхватила вошедшую темную массу руками и замерла на ней.

Генеральша торопливо оправилась и зажгла спичкой свѣчу. Огонь освѣтилъ предъ нею обросшую косматую фигуру майора Филетера Форова, къ которому, въ изступленіи самыхъ смѣшанныхъ чувствъ ужаса, радости и восторга, припала полнолѣсная Катерина Астафьевна. Увидѣвъ при огнѣ лицо мужа, майорша только откинула назадъ голову и, не выпуская майора изъ рукъ, закричала: «Форъ! Форъ! ты ли это, мой Форъ!» и начала покрывать поцѣлуями его сильно посѣдѣвшую голову и мокрое отъ дождя и снѣга лицо.

— Ты это? ты? Говори же мнѣ, ты или нѣтъ? — доби- валась она, раздѣляя каждое слово поцѣлуемъ, улыбкой и слезами.

— Ну, вотъ тебѣ на! Я или нѣтъ? Разумѣется я, — отвѣ- чала майоръ.

— Господи! я глазамъ своимъ не вѣрю, что это ты!

— Ну, такъ повѣрь.

Майорша не отвѣчала: она, дѣйствительно, какъ бы не довѣряя ни зрѣнію своему, ни слуху, ни осязанію, жалась къ мужу, давила его плечи своими локтями и судорожно ерошила и сжимала въ дрожащихъ рукахъ его сѣдые волосы и обросшую въ острогѣ бороду!

— Откуда же ты? да говори же скорѣе: уѣжалъ?.. Я тебя скрою...

— Ничуть я не уѣжалъ, и нечего тебѣ меня скрывать. Здравствуйте, Александра Ивановна!

Генеральша отвѣчала пожатіемъ руки на его привѣтствіе, и съ своей стороны спросила:

— Какъ это вы, Филетеръ Ивановичъ?

— А очень просто: сначала на цѣпь посадили, а нынче спустили съ цѣпи, — только и всего. Слѣдствіе затянулось; Гордановъ съ поручительствомъ уѣжалъ, и меня, въ сравне- ніе съ сверстниками, на поруки выпустили. Спасибо госпо- дину Горданову!

— Да, спасибо ему, разбойнику, спасибо! Но что же мы стоимъ? Иди же, дружочекъ, садись, и расскажи, какъ ты пришелъ... Только тихо говори, бѣдный Андрюша чуть живъ.

— Пришелъ я очепь просто: своими ногами, а Андрей Ивановичъ гдѣ же лежитъ?

— Тутъ за стѣной. Тихе, онъ теперь спитъ, а мы съ Сашутой тутъ и сидѣли... Ея Ивану Демьянычу, знаешь, тоже легче... да; Саша повезетъ его веслою въ Петербургъ, чтобъ у него вынули пулю. Не хочешь ли чаю?

— Ничего, можно и чаю; я тамъ привыкъ эту дрянъ пить.

— Садись же, а я скажу человѣку, чтобы поставилъ самоваръ. Ты вѣдь не заходилъ домой... ты прямо?..

— Прямо, прямо изъ острога,—отвѣчалъ майоръ, усаживаясь рядомъ съ Синтяниной на диванъ и принимаясь за сооруженіе себѣ своей обычной толстой папирасы.

— Я боялся пдти домой,—заговорилъ онъ, обратясь къ генеральшѣ, когда жена его вышла.—Думалъ: войду въ сумеркахъ, застану одну Торочку: она, бѣдное творенье, перепугается, — и пошелъ къ вамъ; а у васъ говорятъ, что вы здѣсь, да вотъ какъ разъ на нее и напалъ. Хотѣлъ было ей башмаки, да лавки заперты. А что, гдѣ теперь Лариса Платоновна?

— Она вѣрно дома.

— Иѣтъ, я былъ у нея; ея дома нѣтъ. Я заходилъ къ ней, чтобы занять пять цѣлковыхъ для своего поручителя, да не нашелъ ее и отдалъ ему съ шеи золотой крестъ, который мнѣ Торочка въ острогѣ повѣсила. Вы ей не говорите, а то обидится.

— А кто же за васъ поручился? Впрочемъ, что я спрашиваю: конечно, другъ вашъ, отецъ Евангель.

— А вотъ же и не отецъ Евангель: зачѣмъ бы я Евангелю крестъ отдалъ?

— И правда: я вздоръ сказала.

— Да, кажется, что такъ. Нѣтъ, за меня не Евангель поручился, а цѣловальникъ Берко. Другъ мой, отецъ Евангель—агитаторъ и самъ подъ судомъ, а слѣдовательно довѣрія не заслуживаетъ. Другое дѣло жидъ Берко; онъ «пестный еврей». Но все дѣло не въ томъ, а что я такое вижу... тс!.. тс!.. тихе.

Синтянина взглянула по направленію, по которому глядѣлъ въ окно майоръ, и глазамъ ея представилась огненная звѣздочка. Еще мгновеніе, и эта звѣздочка вдругъ краснымъ зайцемъ перебѣжала по сосѣдской крышѣ и закурилась дымомъ.

— Пожаръ! по сосѣдству пожаръ, у сосѣдей!—задыхаясь, прошептала, вбѣгая, Форова.

Майоръ, жена его и генеральша выбѣжали на крыльцо и убѣдились, что дѣйствительно въ двухъ шагахъ начинался пожаръ и что огонь черезъ нѣсколько минутъ угрожалъ неминуемою опасностью квартирѣ Подозерова. Больного надо было спасать: надо было его взять и перенести, но куда?—вотъ вопросъ. Неужто въ гостиницу? Но въ гостиницахъ такъ безпокойно и безпріютно. Къ Форовымъ? но это далеко, и потому у нихъ тоже не Богъ вѣсть какіе помѣстительные чертоги... Къ Синтявинымъ?.. У тѣхъ, разумѣется, есть помѣщеніе, но генераль Иванъ Демьянычъ самъ очень слабъ, и хотя онъ давно привыкъ вѣрить женѣ и нечего за нее опасаться, однакоже онъ подозрителенъ, ревнивъ; старыя страсти могутъ зашевелиться. Это промелькнуло въ головѣ генеральши одновременно съ мыслью взять къ себѣ больного, и промелькнуло особенно ясно потому, что недавніе намеки насчетъ ея чувства къ Подозерову были такъ живы и, къ крайнему ея стыду, къ крайней досадѣ ея, не совсѣмъ безосновательны.

«Вотъ и казнь!—подумала она:—вотъ и начинается казнь! Падъ тѣмъ бы я прежде не остановилась ни одного мгновенія, надъ тѣмъ я теперь размышляю даже тогда, когда дѣло идетъ о спасеніи человѣка»...

Но пока генеральша предавалась этимъ размышленіямъ, на дворѣ и на улицѣ закипѣла уже пожарная суматоха и черезъ минуту она должна была неизбежно достигъ до ушей больного и перепугать, а можетъ-быть, и убить его своею внезапностью. Настояла крайняя необходимость сейчасъ же рѣшиться, что предпринять къ его спасенію, — а между тѣмъ всѣ только ахали и охали. Катерина Астафьева бросалась то на огородъ, то за ворота, крича: «Ахъ, Господи, ахъ, Николай угодникъ, что дѣлать?» Синтянина же, рѣшивъ взять, ни на что не смотря, больного къ себѣ, побѣжала въ кухню искать слугу Подозерова, а когда обѣ эти женщины снова столкнулись другъ съ другомъ, вбѣгла на крыльцо, вопросъ уже былъ рѣшенъ безъ всякаго ихъ участія. Онъ въ сѣняхъ встрѣтили Форова, который осторожно несъ на рукахъ человѣка, укутаннаго въ долгорукавую баранью шубу майора, а Лариса поддерживала ноги больного и прикрывала отъ вѣтра его истощенное тѣло. О

томъ, кто эта нома—печего было спрашивать. Катерина Астафьевна и Синтянина только воскликнули въ одинъ голосъ: «куда вы это?» на что Лара, не оборачиваясь къ нимъ, отвѣтила: «ко мнѣ»,—и эффектное перенесеніе шло далѣе, по ярко освѣщенному двору, по озареннымъ заревомъ улицамъ, мимо людей толпящихся, осуждающихъ, разсуждающихъ и не разсуждающихъ.

Синтянина и Форова послѣдовали за Ларой и майоромъ. Когда больного положили въ кабинетъ отсутствующаго Жозефа Висленева, Филетеръ Ивановичъ посиѣвшилъ опять на пожаръ и, найдя помощниковъ, энергически принялся спасать подозеровскіе пожитки, перетаскивая ихъ на Висленевскій дворъ. Къ утру все это было окончено, и хотя квартира Подозерова не сгорѣла, а только нѣсколько потерпѣла отъ пожарнаго переполоха, но возвратиться въ нее было ему неудобно, пока ее снова приведутъ въ порядокъ; а тѣмъ временемъ обнаружались и другія препятствія, состоявшія главнымъ образомъ въ томъ, что Лара не хотѣла этого возвращенія. Она дала это понять всѣмъ къ ней близкимъ въ тотъ же самый вечеръ, какъ Подозеровъ былъ положенъ въ кабинетъ ея брата.

Лара вдругъ обнаружила быстрѣйшую распорядительность: она, съ помощью двухъ слугъ и Катерины Астафьевны съ генеральшей, въ нѣсколько минутъ обратила комнату брата въ удобное помѣщеніе для больного и, позвавъ врача, пользовавшаго Подозерова, объявила Форовой и Синтяниной, что больной требуетъ покоя и долженъ остаться исключительно на однихъ ея попеченіяхъ.

Генеральша и майорша переглянулись.

— Мы, значить, теперь здѣсь лишнія?—спросила Катерина Астафьевна.

— Да, вамъ, тетя, хорошо бы посмотрѣть, что тамъ... дѣлается съ его вещами, а здѣсь я сама со всѣмъ управлюсь,—спокойно отвѣчала Лара и ушла доканчивать свои распоряженія.

Форова и Синтянина остались вдвоемъ въ пустой залѣ.

— Что же, это значитъ раненый теперь въ плѣнь взять, что ли?—молвила майорша.

Синтянина въ отвѣтъ на это только пожала плечами, и обѣ эти женщины молча пошли по домамъ, оставивъ Ларису полною госпожой ея плѣнника и владительницей его живота и смерти.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.

Роза изъ сугроба.

Больной оставался тамъ, гдѣ его положили; время шло, и Лариса дѣлала свое дѣло.

Чуть только Подозеровъ, получившій облегченіе, началъ снова ясно понимать свое положеніе, Лара, строго удалявшая отъ больного всѣхъ и особенно Синтянину, открыла ему тайну униженія, претерпѣннаго ею отъ Горданова.

Это было вечеромъ, одинъ-на-одинъ: Лариса открыла Испанскому Дворянину все предшествовавшее полученію отъ Павла Николаевича оскорбительнаго письма. При этомъ разказѣ, Ларису, конечно, нельзя было бы упрекнуть въ особенной откровенности; — нѣтъ, она многое утаивала и совсѣмъ скрыла подробности поцѣлуя, даннаго ею Павлу Николаевичу на окнѣ своей спальни; но чѣмъ неоткровеннѣе она была по отношенію къ себѣ, тѣмъ рѣзче и безповоднѣе выходила наглость Горданова, а Подозеровъ былъ склоненъ вѣрить на этотъ счетъ очень многому, и онъ, дѣйствительно, вѣрилъ всему, что ему говорила Лариса. Когда послѣдняя подала ему извѣстное намъ письмо Горданова, Подозеровъ, пробѣжавъ его, содрогнулся, откинулъ далеко отъ себя листокъ и проговорилъ:

— Я только одного не ностигаю, какъ такой поступокъ до сихъ поръ не наказанъ!

И Подозеровъ началъ тихо вытирать платкомъ свои блѣдныя руки, въ которыхъ за минуту держалъ гордановское письмо.

— Кто же можетъ его наказать? — молвила потерянню Лариса.

— Тотъ, кто имѣетъ законное право за васъ вступаться,—вашъ братъ Жозефъ. Это его обязанность... по крайней мѣрѣ до сихъ поръ у васъ нѣтъ другого защитника.

— Мой братъ... гдѣ онъ? Мы не знаемъ, гдѣ онъ, и къ тому... эта исторія съ портфелемъ...

Подозеровъ поглядѣлъ на Ларису и, поправясь на цѣловыи, отвѣтилъ:

— Такъ вотъ въ чемъ дѣло! Онъ не смѣетъ?

— Да; я совершенно безпомощна, незащитна и... у меня даже не можетъ быть другого защитника, — хотѣла доска-

затѣ Лара, но Подозеровъ понялъ ее и избавилъ отъ труда досказать это.

— Говорите, пожалуйста: чего вы еще боитесь, что еще вамъ угрожаетъ?

— Я вся кругомъ обообрапа... я нпшчая...

— Ахъ, это!.. да развѣ уже срокъ закладной дома минулъ?

— Да, и этотъ домъ уже больше не мой; онъ будетъ проданъ, а я, какъ видите, — оболгана, поругана и обезчещена.

Лариса заплакала, склопя свою фарфоровую голову на бѣлую ручку, по которой сбѣгалъ, извиваясь какъ змѣя, черный локонъ.

Подозеровъ молча глядѣлъ нѣсколько времени и наконецъ сказалъ даже:

— Что же теперь дѣлать?

— Не знаю; я все потеряла, все... все... состояніе, друзей и доброе имя.

— И отчего я здѣсь у васъ не вижу... ни Катерины Астафьевны, ни майора, ни Снитяниной?

— Тетушкѣ изъ Москвы прислали копію съ этого письма; она всему вѣритъ и презираетъ меня.

— Боже! какой страшный мерзавецъ этотъ Гордановъ! Но будто уже это письмо могло вліять на Катерину Астафьевну и на другихъ?

Лариса вмѣсто отвѣта только хрустнула руками и прошептала:

— Я пойду въ монастырь.

— Что такое?—переспросилъ ее изумленный Подозеровъ, и, получивъ отъ нея подтвержденіе, что она непременно пойдетъ въ монастырь, не возразилъ ей ни одного слова.

Настушила долгая пауза: Лариса плакала, Подозеровъ думалъ. Мысль Лары о монастырѣ подѣйствовала на него чрезвычайно странно. Предъ нимъ точно вдругъ разогнулась страница одного изъ тѣхъ старинныхъ романовъ, къ которымъ Висленевъ намѣревался обратиться за усвоеніемъ себѣ манеръ и приемовъ, сколько-нибудь пригодныхъ для житія въ обществѣ благопристойныхъ женщинъ. Въ памяти Подозерова промелькнули «Чертежъ» и «Таинственная монахиня» и «Тайны Донаретскаго аббатства», и вслѣдъ затѣмъ вечеръ на Снитянинскомъ хуторѣ, когда отецъ Евангелъ читалъ паузой на непередаваемомъ французскомъ

языкъ стихи давно забытаго французскаго поэта Климента Маро, оканчивающіеся строфой:

«Ainsi retournement humain se fait».

II Подозерову стало дико. Неужели въ самомъ дѣлѣ колесо совсѣмъ перевернулось, и начинается сначала?.. Но когда же все это случилось и какъ? Неужели это произошло во время его тяжелой борьбы между жизнью и смертію? Нѣтъ; это стряслось не вдругъ: это шло чередомъ и полой: мы сами только этого не замѣчали, и нынѣ дивимся, что общаго между прошлымъ тѣхъ героинь, которыя замыкались въ монастыри, и прошлымъ сверстницъ Лары, получившихъ болѣе или менѣе невнятные уроки въ словахъ пророковъ новизны и въ примѣрахъ, ненадолго опередившихъ ихъ мечтательницъ, кинутыхъ на распутьи жизни съ ихъ обманутыми надеждами и упованіями? Да; есть, однакоже, между ними нѣчто общее, есть даже много общаго: какъ преподаваемые встарь уроки «бабушекъ» проходили безъ проникновенія въ жизнь, такъ прошли по верхамъ и позднѣйшіе уроки новыхъ внушителей. По заслугамъ опороченное, недавнее юродство отрицательницъ было выставлено пугаломъ для начинающихъ жить юношей и юницъ послѣдняго пятилѣтія, но въ противовѣсъ ему не дано никакого живого идеала, способнаго возвысить молодую душу надъ уровнемъ вседневныхъ столкновеній, теорій и житейской практики. Какъ панацея отъ всѣхъ бѣдъ и неурядицъ ставилась «бабушкина мораль», и къ ней оборотили свои насущенные и недовольные лики юныя внучки, съ трепетомъ отречшіяся отъ ужаснувашаго ихъ движенія «безповоротныхъ» жриць недавно отошедшаго или только отходящаго культа; но этотъ поворотъ былъ не поворотъ по убѣжденію въ превосходствѣ иной морали, а робкое паченье назадъ съ протестомъ къ тому, что покинуто, и тайнымъ презрѣніемъ къ тому, куда направилось отступленіе. Изъ отреченія отъ недавнихъ, нынѣ самихъ себя отрицающихъ отрицателей, при полномъ отсутствіи всякаго иного свѣжаго и положительнаго идеала, вышло только новое, полнѣйшее отрицаніе: отрицаніе идеаловъ и отрицаніе отрицанія. Въ жизни явились люди безъ прошлаго и безъ всякихъ, хотя смутно опредѣленныхъ стремленій въ будущемъ. Мужчины изъ числа этихъ перевертней, выбравшись изъ го-

ваго хаоса, ударились по пути іезуитскаго предательства. Коварство оны возвели въ добродѣтель, которую кичились и кичатся до сего дня, не краснѣя и не совѣстясь. Религія, школа, самое чувство любви къ родинѣ,—все это вдругъ сдѣлалось предметомъ самой безсовѣстной эксплуатаціи. Женщины пошли по ихъ стопамъ и даже обогнали ихъ: вчерашнія отрицательницы брака не пренебрегали никакими средствами обезнечить себя работникомъ въ лицѣ мужа и влекли съ собою неосторожныхъ юношей къ алтарю отрицаемой ими церкви. Этому изыскивались оправданія. Браки заключались для болѣе удобнаго вступленія въ безконечные новые браки. Затѣмъ посыпались, какъ изъ рога изобилія, просьбы о разводахъ и самыя алчныя искн на мужей... Все это шло быстро, съ наглостію почти изумительною, и послѣдняя вещь становилась дѣйствительно горше первой.

Въ этой суматохѣ отъ толпы новыхъ лицемѣровъ отдѣлялся еще новѣйшій ассортиментъ, который не знаемъ какъ и назвать. Эти гнушались ренегатствомъ, признали за собою превосходство какъ предъ погибающими или уже погибшими откровенными отрицательницами, такъ и предъ коварницами новѣйшаго пошиба; но сами не могли избрать себѣ никакого неосудимаго призванія. Въ своемъ штатиніи онѣ обрѣли себя чуждыми всѣмъ и даже самимъ себѣ, и наибольшее ихъ несчастіе въ томъ, что онѣ чаще всего не сознаютъ этой отчужденности до самыхъ роковыхъ минутъ въ своей жизни. Онѣ не знаютъ, къ чему онѣ способны, куда бы хотѣли и чего бы хотѣли.

Красавица Лариса была изъ числа этихъ обреченныхъ на неспосное страданіе существъ послѣдней культуры. Выросши на глазахъ заботливой, но слабой и недалъновидной матери, Лариса выслушала отъ брата и его друзей самыя суровыя осужденія старой «бабушкиной морали», которой такъ или иначе держалось общество до проповѣданія ученій, осмѣявшихъ эту старую мораль, и она охотно осудила эту мораль, но потомъ еще охотнѣе осудила и ученія, склонившія ее къ первымъ осужденіямъ. Отбросивъ одно за другимъ и то, и другое, она осталась сама ни при чемъ, и такъ и жила, много читая, много слушая, но не симпатизируя ничему.

«У нея нѣтъ ничего, — рѣшилъ, глядя на нее, Подоз-

ровъ.—Она не обрѣжетъ волосъ, не забредитъ коммуной, не откроетъ швейной: все это для нея пустяки и утопія; но она и не склонитъ колѣна у алтаря и не помирится со скромною ролью простой, доброй семьянинки. Къ чему ей прилѣбиться и чѣмъ ей стать? Ей нечѣмъ жить, ей не къ чему стремиться, а между тѣмъ дѣвпчья пора уходитъ, и особенно теперь, послѣ огласки этой гнусной исторіи, не сладко ей, бѣдняжкѣ!»

И онъ еще посмотрѣлъ на Ларису, и она показалась ему такую бѣдною и беспомощною, что онъ протянулъ ей руку и не успѣлъ одуматься и сообразить, какъ къ рукѣ этой, обхваченной жаркими руками Лары, прильнули ея влажныя, трепещущія губы и канула горячая слеза.

Что могло привести Ларису къ такому поступку? Къ нему побудило ее страшное сознаніе круглаго одиночества, неодолимый натискъ потребности казнить себя униженіемъ и малодушная надежда, что за этимъ ударомъ ея самолюбію для нея настанетъ возможность стать подъ крыло вполне добраго человѣка, какимъ она признавала Подозерова.

Въ послѣднемъ расчетѣ было кое-что вѣрно.

Больной вскопшилъ и дернулъ свою руку изъ рукъ Ларисы, но этимъ самымъ привлекъ ее къ себѣ и почувствовалъ грудь ея у своей груди и заплаканное лицо ея у своего лица.

— О, умоляю васъ,—шептала ему Лара.—Бога ради, не киньте меня вы... Выведите меня изъ моего ужаснаго, страшнаго положенія, или иначе... я погибла!

— Чѣмъ, чѣмъ и какъ я могу помочь вамъ? Приказы-вайте! говорите!

— Какъ хотите.

— Я сдѣлаю все, что могу... но что, что я могу сдѣлать! Права заступиться за васъ... я не имѣю... Вы не хотѣли этого сами...

— Это ничего не значить,—горячо перебила его Лара.

Подозеровъ взглянулъ на нее острымъ взглядомъ и, прошепталъ: «какъ ничего не значить?»—повернулъ лицо къ стѣнѣ.

— Ничего не значить! Возьмите всѣ права надо мною: я ихъ даю вамъ.

Подозеровъ молчалъ, но сердце его сильно забилось.

Лариса стояла на прежнемъ мѣстѣ возлѣ его постели. Въ помнѣнѣ продолжалось мертвое безмолвіе.

«Чего она отъ меня хочетъ?»—думалъ больной, чувствуя, что сердце продолжаетъ учащенно биться, и что на него отъ Лары опять пышетъ тонкимъ ароматомъ, болѣзненно усиливающимъ его безпокойство.

Онъ рѣшился еще разъ просить Ларису сказать ему, приказать ему, что онъ долженъ для нея сдѣлать, и, оборотясь къ ней съ этой цѣлю, остолбенѣлъ. Лариса стояла на колѣняхъ, положивъ голову на край его кровати, и плакала.

— Зачѣмъ, зачѣмъ вы такъ страдаете?—проговорилъ онъ.

— Мнѣ тяжело... за себя... за васъ... мнѣ жаль... прошедшаго,—отвѣчала, не поднимая головы, Лариса.

У Подозерова захватило дыханіе, и сердце его упало и заныло: онъ, молча, слабою рукой коснулся волосъ на головѣ красавицы и прошептала:

— Боже! Да я вѣдь тотъ же, какъ и прежде. Научите меня только, что же нужно для того, чтобы вамъ было легче? Вы помните, я вамъ сказала: я вѣчно, вѣчно другъ вашъ!

Лариса подняла личико и, взглянувъ заплаканными глазами въ пристально на нее глядѣвшіе глаза Подозерова, молча сжала его руку.

— Говорите же, говорите, не мучьте меня: что надо дѣлать?

— Вы за меня стрѣлялись?

— Нѣтъ.

— Вы не хотите мнѣ сказать правды.

Ларисѣ стало досадно.

— Я говорю вамъ правду: я тогда былъ приведенъ къ этому многимъ,—многимъ, и вами въ томъ числѣ, и Александрой Ивановной, и моею личною обидой. Я не знаю самъ хорошо, за что я шелъ.

— За Спятянину, — прошептала, блѣднѣя и потупляя глаза, Лариса.

— Нѣтъ... не знаю... мнѣ просто... не занимательно жить.

— Почему?—прошептала Лара и, еще крѣпче сжавъ его руку, добавила:—Пусть этого впередъ не будетъ.

— Ну, хорошо; но теперь дѣло не о мнѣ, а о васъ.

Мнѣ тогда будетъ хорошо,—трепеща, продолжала Лариса:—тогда, когда...

Лариса встала на ноги; глаза ея загорѣлись, занавѣсились длинными вѣками и снова распахнулись.

Она теребила и мяла въ рукахъ руку Подозерова и наконецъ нетерпѣливо сказала, морща лобъ и брови:

— О, зачѣмъ вы не хотите понять меня?

— Нѣтъ; я не умѣю понять васъ въ эту минуту.

— Да, да! Непремѣнно въ эту минуту, или никогда! Андрей, я васъ люблю! Не отвергайте меня! Бога ради, не отвергайте!—настойчиво и твердо выговорила Лара и быстро выбѣжала изъ комнаты.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ.

На курьерскихъ.

Наступившій за снѣмъ день былъ рѣшителемъ судьбы плѣнника Ларисы. Несмотря на разницу въ нравѣ и образѣ мыслей этого человѣка съ нравомъ и образомъ мыслей Вспленева, съ Подозеровымъ случилось то же самое, что нѣкогда стряслось надъ братомъ Лары. Подозеровъ женился совсѣмъ нехотя, не думая и не гадая. Разница была только въ побужденіяхъ, ради которыхъ эти два лица нашего романа посягнули на бракъ, да въ томъ, что Лариса не искала ничьей посторонней помощи для обвинянія съ собою Подозерова, а напротивъ даже, она устраняла всякое вмѣшательство самыхъ близкихъ людей въ это дѣло.

Послѣ того случая, который рассказанъ въ концѣ предшествовавшей главы, дѣло уже не могло остановиться и не могло кончиться иначе какъ бракомъ. По крайней мѣрѣ такъ рѣшилъ послѣ безсонной ночи честный Подозеровъ; такъ же казалось и не спавшей всю эту ночь своенравной Ларисѣ.

Подозеровъ, поворачивая, съ насупленными бровями, свои подушки подъ головой, разсуждалъ: «Эта бѣдная дѣвушка, если въ нее всмотрѣться поближе... самое несчастное существо въ мірѣ. Она просто *никто*... человѣкъ безъ прошлаго! Какъ она все это мнѣ сказала? Именно какъ дитя, въ душѣ котораго рождается невѣдомо что, совсѣмъ новое и необъяснимое никакимъ прошлымъ... Съ ней нельзя обходиться какъ со взрослымъ человѣкомъ: ее нужно жалѣть и беречь...

особенно... теперь, когда этот мерзавец ее так уронил... Но кто же станет теперь жалеть и беречь? Я долженъ на ней жениться, хотя и не чувствую къ тому теперь любовнаго влеченія. Да и не все ли мнѣ равно: люблю ли я ее страстной любовью, или не люблю? Я, правда, не Печоринъ, но я равнодушенъ къ жизни. Я вишалъ въ нее, изучалъ ее и убѣдился, что вся она пустяки, вся не стоитъ хлопотъ и заботъ... Все, что я встрѣчалъ и видѣлъ, все это тлѣнь, суета и злоба; мнѣ надоѣло далѣе все это разсматривать. Я слишкомъ поздно узналъ женщину, которая не есть злоба и суета, и тлѣнь, и эта женщина взяла надо мной какое-то старшинство... и мнѣ пріятна эта власть ея надо мной; но кто сама эта женщина?—Жертва. Въ ея жертвѣ ея прелесть, ея обаяніе, и ея совершенство въ громадности любви ея... любви безъ критики, безъ анализа...»

И въ памяти Подозерова пронеслась вся его бесѣда въ хуторной рощицѣ съ Синяниной, и съ каждымъ воспоминаемымъ словомъ этой бесѣды все ближе и ближе, яснѣй и яснѣй являлась предъ нимъ генеральша, съ ея логикой простой, нехитростной любви.

«Великій Господи! Насколько вся эта христіанская простота и покорность выше, прекраснѣе и сильнѣе всего, что я видѣлъ прекраснаго и сильнаго въ наилучшихъ мужчинахъ? Какъ гадко мнѣ теперешнее мое раздумье, когда бѣдная дѣвушка, которую я любилъ, оклеветана, опозорена въ этомъ мелкомъ міркѣ, и когда я, будучи властенъ поставить ее на ноги, раздумываю: сдѣлать это, или не дѣлать? Почему же не дѣлать? Потому что она не выдерживаетъ моей критики и сравненій съ другою. А развѣ я самъ выдерживаю съ *тою* какое-нибудь сравненіе? О чемъ тутъ думать, когда бѣдная Лара уже прямо сказала, что она меня любитъ и что ей не къ кому, бѣдняжкѣ, примкнуть. Что мнѣ мѣшаетъ назвать ее своею женой? Я разубѣдился немножко въ Ларисѣ; предо мною мелькнуло невыгодное для нея сравненіе. и только... И моя любовь рухнула отъ критики, ее одолѣла критика. Что же, еслибъ *она*, эта страдалица, взглянула теперь въ мое сердце? Какъ бы она должна была презирать меня съ моею минутною любовью! Нѣтъ; это значитъ, что я не любилъ Ларису прежде, что она лишь *правилась* мнѣ, какъ могла нравиться и Горданову... что я любилъ въ ней тогда мою утѣху, мою мечту о счастьи, а

счастье... счастье въ томъ, чтобы чувствовать себя слугой чужого счастья. Это одно, *это одно* только вѣрно, и кто хочетъ дожить жизнь въ мирѣ съ самимъ собою, тотъ долженъ руководиться одною этою истиной... Все другое къ этому само приложится. Какъ?.. Но, Госноди, будто можно знать, что къ чему и какъ приложится? Надо просто дѣлать то, что можно дѣлать, что требуетъ счастье ближняго въ эту данную минуту».

Съ такими мыслями Подозеровъ слегка забылся предъ утромъ и съ нпми же, открывъ глаза, увидѣлъ предъ собою Ларису и протянулъ ей руку.

Лара опустила глаза.

— Вы не отчаивайтесь,—сказалъ ей тихо Подозеровъ.— Все поправимо.

Она пожала едва замѣтнымъ движеніемъ его руку.

— Ошибки людямъ свойственны; не вы одиѣ имѣли несчастіе полюбить недостойнаго человѣка,—продолжалъ Андрей Ивановичъ.

— Я его не любила,—прошптала въ отвѣтъ Лариса.

— Ну, увлеклись, довѣрились... Все это вздоръ! Повѣрьте, все вздоръ, кромѣ одного добра, которое человѣкъ можетъ сдѣлать другому человѣку.

— Вы ангелъ, Андрей Ивановичъ!

— О, нѣтъ! Не преувеличивайте, пожалуйте! Я человѣкъ, и очень дурной человѣкъ. Посмотрите, куда я гожусь въ сравненіи со многими другими, которые вамъ сочувствуютъ?

Лара молча вскинула на него глазами и какъ бы спрашивала этимъ взглядомъ: кого онъ разумѣетъ?

— Я говорю объ Александрѣ Ивановичѣ и о майоршѣ.

— Ахъ, онѣ!—воскликнула, спохватясь, Лариса и, насыпавъ бровки, добавила шопотомъ:—Я вамъ вѣрю больше всѣхъ.

— Зачѣмъ же больше?.. Нѣтъ, васъ любятъ нѣжно... преданно и Форовы, и генеральша...

— А вы?—спросила вдругъ съ тревогой Лара.

— И я.

— Вы меня прощаете?

— Прощаю ли я васъ?

— Да?

— Въ чемъ же прощать?

— Ахъ, къ говорите со мною такимъ образомъ!

— Но вы ни въ чемъ предо мною не виноваты.

— Пѣтъ, это не такъ, не такъ!

— Совершенно такъ: я васъ любилъ, но... но не правился вамъ... И что же тутъ такого!

— Это не такъ, не такъ!

— Не такъ?

— Да, не такъ.

Лара закрыла ладонью глаза и прошептала:

— Не мучьте же меня; я уже сказала вамъ, что я люблю васъ.

— Вы ошибаетесь, — отвѣтилъ, покачавъ головою, Подозеровъ.

— Нѣтъ, пѣтъ, пѣтъ, я не ошибаюсь: я васъ люблю.

— Нѣтъ, вы очень ошибаетесь. Въ васъ говорить теперь жалость и состраданіе ко мнѣ, но все равно. Если бъ я не надѣялся найти въ себѣ силы устранить отъ васъ всякій поводъ прійти современемъ къ сожалѣнію объ этой ошибкѣ, я бы не сказалъ вамъ того, что скажу сію секунду. Отвѣчайте мнѣ прямо: хотите ли вы быть моею женой?

— Да!

— Дайте же вашу руку.

Лариса задрожала, схватила трепещущими руками его руку и второй разъ припала къ ней горячими устами.

Подозеровъ отдернулъ руку и, покраснѣвъ, вскричалъ:

— Никогда этого не дѣлайте!

— Я такъ хочу!.. Оставьте! — простонала Лариса и, обвивъ руками шею Подозерова, робко нашла устами его уста. Подозеровъ сдѣлалъ невольное, хотя и слабое, усиліе отвернуться: онъ понималъ, что за человекъ Лариса, и въ душѣ его мелькнуло... презрѣніе къ невѣстѣ.

Боже, какая это разница въ сравненіи съ тою, другою женщиной, образъ которой нарисовался въ это мгновеніе въ его памяти! Какую противоположность представляетъ это судорожное метанье съ тѣмъ твердымъ, самообладающимъ спокойствіемъ той другой женщины!..

Лариса въ это время тоже думала о той самой женщинѣ и проговорила:

— Въ эту важную минуту я васъ прошу только объ одномъ, исполните ли вы мою просьбу?

— Конечно.

Лариса крѣпко сжала обѣ руки своего жениха и, краснѣя и потупляясь, проговорила:

— Пощадите мое чувство!

Подозеровъ посмотрѣлъ на нее молча.

Лариса выбросила его руки и, закрывъ ладонями свое пылающее лицо, прошептала:

— Не вспоминайте мнѣ...

Она опять остановилась.

— О чемъ? Ну, договаривайте смѣло, о чемъ?

— О Синтяниной.

Подозеровъ промолчалъ. Лариса становилась ему почти противна; а она, уладивъ свою судьбу съ Подозеровымъ, влила въ новую суету и вовсе не замѣчала чувства, какое внушила своему будущему мужу...

Подозеровъ обрадовался, когда Лариса тотчасъ послѣ этого разговора вышла, не дождавшись отъ него отвѣта. Онъ всталъ, заперъ за нею дверь и задумался... О чемъ? О томъ сѣдомъ кавказскомъ капитанѣ, который въ извѣстномъ разсказѣ графа Льва Толстого, готовясь къ смертному бою, ломалъ голову надъ рѣшеніемъ вопроса, возможна ли ревность безъ любви? Подозеровъ имѣлъ предъ глазами живое доказательство, что такая ревность возможна, и ревнивая выходка Лары была для него противнѣе извѣстной ему ревности ея брата въ Павловскомъ паркѣ и сто разъ недостойнѣе ревности генерала Синтянина.

«Однако, съ нею и не такъ легко, должно-быть, будетъ,— подумалъ онъ.— Да, не легко; но вѣдь только на картинахъ рисуютъ разбойниковъ въ плащахъ и съ перьями на шляпахъ, а нищету съ душистою геранью на оклѣ; на самомъ дѣлѣ все это гораздо хуже. И на словахъ тоже говорить, что можно жить не любя... да, можно, но каково это?»

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ.

Еще шибче.

Событія эти, совершившіяся въ глубокой тайнѣ, разумѣется, не были никому ни однимъ словомъ выданы ни Подозеровымъ, ни Ларисой; но тонкій и необъяснимо наблюдательный во всѣхъ подобныхъ вещахъ женскій взглядъ прорѣлъ ихъ.

Катерина Астафьевна, навѣстивъ вечеромъ того же дня племянницу, зашла прямо отъ нея къ генеральшѣ и сказала, за чашкой чаю, послѣдней:

— А наша Лариса Платоновна что-то устроила!

— Что же такое она могла устроить?—спросила генеральша.

— Не знаю; сейчасъ я была у нихъ, и они что-то оба очень вѣжливо другъ съ другомъ говорятъ и глазки потупляютъ.

— Ну, ты, Катя, кажется, опять сплетничаешь.

— Сходи, матушка, сама и посмотри; навѣсти больного послѣ того, какъ онъ поправился.

Форова подчеркнула послѣднее слово и, протягивая на прощанье руку, добавила:

— Въ самомъ дѣлѣ, онъ говорилъ, что очень желать бы тебя видѣть.

Съ этимъ майорша ушла домой; но, посѣтивъ на другой день Синтянину, тотчасъ же, какъ только усѣлась, запыталась:

— А что же, видѣла?

— Видѣла,—отвѣчала, не безъ успія улыбувшись, Александра Ивановна.

— Ну и поздравляю; а ничего бы не потеряла, если бъ и не глядя повѣрила мнѣ.

Синтянина объявила, что Лариса сказала ей, что она выходитъ замужъ за Подозерова.

— Это смѣхъ!—отвѣтила майорша.—Отъ досады замужъ идти! Или она затѣмъ выходитъ, чтобы показать, что на ней еще и послѣ амуровъ съ Гордашкой честные люди могутъ жениться! Что же, дуракамъ законъ не писанъ: пусть хватить шиломъ нашей патоки!.. Когда же будетъ эта ихъ «маленькая свадьба»?

— Онъ мнѣ сказалъ, что скоро... На этихъ дняхъ, черезъ недѣлю или черезъ двѣ.

— Пропаль, братъ, ты, бѣдный Андрей Ивановичъ!

— Полно тебѣ, Катя, пророчить.

— А не могу я не пророчить, милая, когда даръ такой имѣю.

— Даръ!—Генеральша улыбулась и спросила:—Что же ты, святая, что ли, что тебѣ данъ даръ пророчества?

— Ну, вотъ, святая! Святая ли или клятая, а проро-

чествую. Валаамова ослица тоже вѣдь не свята была, а прорекала.

Въ эту минуту въ комнату взошелъ майоръ Форовъ и рассказалъ, что онъ сейчасъ встрѣтилъ Ларису, которая неожиданно сообщила ему, что выходитъ замужъ за Подозерова и проситъ майора быть ея посаженнымъ отцомъ.

— Чудесно!—воскликнула нетерпѣливая Катерина Астафьевна:—одна я пока еще осталась въ непосвященныхъ! Что же, ты ее похвалилъ и поздравилъ?—обратилась она къ мужу.

— А разумѣется поздравилъ и похвалилъ, — отвѣчалъ майоръ.

— И даже похвалилъ?

— Да вѣдь сказано же тебѣ, что похвалилъ.

— Мнѣ кажется, что ты все это врешь.

— Нимало не вру; его бы я не похвалилъ, а ее отчего же не хвалить?

— Потому что это подлость.

— Какая подлость? Никакой я тутъ подлости не вижу. Вольно же мужчинѣ дѣлать глупость — жениться, — къ бабѣ въ батраки идти; а женщины дуры были бы, если бѣ отъ этого счастья отказывались. Въ чемъ же тутъ подлость? Это принятіе подданства, и ничего больше.

— За что же ты Юсафову свадьбу осуждалъ?

— А-а! тамъ дѣло другое: тамъ принужденіе!

— А здѣсь умаливанье, просьбы.

— Почему ты это знаешь?

— Такъ: я пророчица.

— Ну и что же такое, если и просьбы? Она, значить, умная барышня и политичная; устраивается какъ можетъ.

— Передовая!

— А конечно; впередъ всѣхъ идетъ и честно проситъ: мнѣ-де штатный дуракъ нуженъ, — не согласитесь ли вы быть моимъ штатнымъ дуракомъ? И что же, если есть такой согласный? И прекрасно! Хвалю ее, поздравляю и даже образомъ благословлю.

— Да ты еще знаешь ли, какъ благословляютъ-то образомъ?

— Нѣтъ, не знаю, но я сейчасъ прямо отсюда къ Евангелю пойду и спрошу.

— Нѣтъ, по мнѣ эта свадьба сто разъ хуже нигилисти-

ческой Ясафкиной свадьбы въ Петербургѣ, потому что эта просто чортъ знаетъ зачѣмъ идетъ замужъ!

— Имѣсть выгоды,—отвѣчалъ майоръ.

— Да; она репутацію свою поправляетъ; по его-то, его-то, шута, чтò волочить въ эту гибель?

— Его?.. А что же, это и ему хорошо: это тѣшитъ его испанское дворянство. И благо имъ обоимъ: пусть себѣ совершенствуются.

— Ну, пронадать же имъ! Въ этомъ бракѣ несчастіе и погибель.

— Отчего же погибель? — отозвался майоръ. — Мало ли людей бывають несчастливы въ бракѣ, но находятъ свое счастье за бракомъ.

— Да, вотъ это что!—вспылила Катерина Астафьевна:— такъ по-твоему, чтò такое бракъ? Вздоръ, форма, фить — и ничего болѣе.

— Бракъ?.. пlynче это для многихъ женщинъ средство перемѣнять мужей и не слыть нигилисткой.

— Вы дуракъ, господинъ майоръ!—проговорила, побагровѣвъ, майорша.

— Это какъ угодно,—я говорю, какъ понимаю.

— А ты зачѣмъ сюда пришелъ?

— Да я къ Евангелу въ гости иду и за новымъ журналомъ зашелъ, а больше ни за чѣмъ: я ругаться съ тобою не хочу.

— Ну, такъ бери книгу и отправляйся вонъ, гадостный нигилистъ. Съдыхъ волосъ-то своихъ постыдился бы!

— И ихъ и стыжусь, но не помогаешь,—все больше съдѣють.

Послѣ этихъ словъ Форовъ незлобливо простился и ушелъ, а черезъ десять дней отецъ Евангелъ, въ небольшой деревенской церкви, сочеталъ нерушимыми узами Подозерова и Ларису. Свадьба эта, которую майорша называла «маланьинной свадьбой», совершилась тихо, при однихъ свидѣтеляхъ, послѣ чего у молодыхъ былъ скромный ужинъ для близкихъ людей. Веселья не было никакого, напротивъ, все вышло, по мнѣнію Форовой, «не по-людски».

Певѣста пріѣхала въ церковь озабоченная, сердитая, уѣхала съ мужемъ надутая, встрѣтила гостей у себя дома разсѣянно и сидѣла за столомъ недовольная.

Лариса понимала, что она выходитъ замужъ какъ-то

очень не серьезно, и чувствовала, что это понимает не одна она, и вследствие того она ощущала досаду на всѣхъ, особенно на тѣхъ, кто былъ опредѣленнѣе ея, а таковы были всѣ. Особенно же ей были неприятны всякія превосходства въ сравненіяхъ: она какъ бы боялась ихъ, и въ этомъ-то родѣ опредѣлялись ея отношенія къ Синтяниной. Лара не ревновала къ ней мужа, но она боялась не совладѣть съ нею, а къ тому же послѣ вѣнчанія Лариса начала думать: не напрасно ли она поторопилась, что, можетъ-быть, лучше было бы... уѣхать куда-нибудь, вмѣсто того, чтобы выходить замужъ.

«Маланына свадьба» выходила прескучная!

Никакія попытки друзей придать оживленіе этому бѣдному торжеству не удавались, а напротивъ, какъ-будто еще болѣе портили вечеръ.

Поэтическій отецъ Евангель явился съ цѣлымъ запасомъ теплоты и свѣтлоты: поздравилъ молодыхъ, весь сіяя радостію и доброжеланіями, подаль Подозерову отъ своего усердія небольшую икону, а Ларисѣ преподнесъ большой вѣнокъ, добытый имъ къ этому случаю изъ бодростинскихъ оранжерей. Поднося цвѣты, «поэтическій поэтъ» привѣтствовалъ красавицу-невѣсту восторженными стихами, въ которыхъ величалъ женщину «жемчужной въ вѣнкѣ творений». «Ты вся любовь! Ты вся любовь!» восклицалъ онъ своимъ звонкимъ теноромъ, держа предъ Ларисой вѣнокъ:

Всѣ дни твои—кругомъ извитыя ступени
Широкой лѣстницы любви.

Онъ декламировалъ, указывая на Подозерова, что ей «дано его покоить; судьбу и жизнь его дѣлать; его всѣ радости удвоить, его печали раздвоить», и заключилъ свое поэтическое поздравленіе словами:

И я, возникшій для волненья
За жизнь собратій и мою,
Тебѣ вѣнецъ благословенья
Отъ всѣхъ рожденныхъ подаю.

И съ этимъ онъ, отмахнувъ полу своей голубой камешковой рясы на коричневомъ подбоѣ и держа въ рукахъ вѣнокъ предъ своими глазами, подаль его воспѣтой имъ невѣстѣ.

Евангелу заплодировали и Синтянина, и Форовъ, и Катерина Астафьевна, и даже его собственная попадья. Да и

невозможно было оставаться равнодушнымъ при видѣ этого до умиленія восторженнаго священника.

Поэтъ Евангелъ и въ самомъ дѣлѣ былъ столько прекрасенъ, что вызывалъ восторги и хваленія. Этому могла не поддаться только одна виновница торжества, то-есть сама Лариса. Лариса нашла эту восторженность не идущею къ дѣлу, и усилившимся недовольнымъ выраженіемъ лица дала почувствовать, что и величаніе се «жемчужиной въ вѣнкѣ твореній», и воспѣваніе любви, и указаніе обязанности «его печали раздвоить», и наконецъ самый вѣнокъ,—все это напрасно, все это ей не нужно, и она отнюдь не хочетъ вписывать себя въ пасторально-буколическую картину, начертанную Евангеломъ. Лариса постаралась выразить все это такъ внушительно, что не было никого, кто бы ея не понялъ, и майоръ Форовъ, чтобы перебить неприятную натиутность и вмѣстѣ съ тѣмъ слегка наказать свою капризную племянницу, вмѣшался съ своимъ гостомъ и сказалъ:

— А я вамъ, уважаемая Лариса Платоновна, попросту, какъ хохлы, скажу: «будь здорова якъ корова, щедровата якъ земля и плодovitа якъ свинья!» Желаю вамъ сто лѣтъ здравствовать и двадцать на четверенькахъ ползать!

При этой шуткѣ стараго циника Лариса совсѣмъ вспылала и хотя промолчала, но покраснѣла отъ досады до самыхъ ушей. Не удавалось ничто, и гости рано стали прощаться. Лариса никого не удерживала и не провожала далѣе залы. Подозеровъ одинъ благодарилъ гостей и жалъ имъ въ передней руки.

Съ Ларисой оставалась одна Снитянина, но и та ее черезъ минуту оставила.

Лара отвергнула услуги генеральши, желавшей быть при ея туалетѣ, и Александра Ивановна, принимая въ передней изъ рукъ Подозерова свою шаль, сказала ему:

— Ну, идите теперь къ вашей женѣ. Желаю вамъ съ цеою безкончнаго счастья. Любите ее и... и... больше ничего, любите ее, по англійскимъ обѣтамъ брака, здоровую и большую, счастливую и несчастную, утѣшающую васъ или... да, однимъ словомъ, *любите* ее всегда, вѣчно, при всѣхъ случайностяхъ. Въ твердой рѣшимости любить такая великая сила. Затѣмъ еще разъ: будьте счастливы и прощайте!

Она крѣпко сжала его руку и твердою поступью вышла за дверь, ключъ которой повернулся за генеральшей одио-

временно съ ключомъ, щелкнувшимъ въ замкъ спальни Ларисы, искавшей въ тишинѣ и уединеніи исхода душнвейшей ея досады на то, что она вышла замужъ, на то, что на свѣтѣ есть люди, которые поступаютъ такъ или иначе, зная, почему они такъ поступаютъ, на то, что она лишена такого вѣдѣнія и не знаетъ, гдѣ его найти, на то, наконецъ, что она не видитъ, на что бы ей разсердиться.

И благой рокъ помогъ ей въ этомъ: прекрасные глаза ея загорѣлись гнѣвомъ и ноздри расширились: она увидѣла прощаніе генеральши съ ея мужемъ и нашла въ этомъ непримиримую обиду.

Она заперлась въ спальнѣ и предоставила своему мужу полную свободу размышлять о своей выходкѣ наединѣ въ его кабинетѣ.

Что могло обѣщать такое начало и какъ его принялъ молодой мужъ красавицы Ларисы?

' ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ.

Майоръ и Катерина Астафьевна.

У Катерины Астафьевны, несмотря на ея чувствительные нервы, отъ природы было желѣзное здоровье, а жизнь еще крѣпче закалила ее. Происходя отъ бѣдныхъ родителей и никогда не бывъ красивою, хотя, впрочемъ, она была очень миловидною, Катерина Астафьевна не находила себѣ жениха между губернскими франтами и до тридцати лѣтъ жила при своей сестрѣ, Висленевой, бѣгая по хозяйству, да купая и нянчая ея дѣтей. Изъ этой роли ее вывела Крымская война, когда Катерина Астафьевна, по неодолимымъ побужденіямъ своего кипучаго сердца, поступила въ общину сестеръ милосердія и отбыла всю тяжкую оборону Севастополя, служила выздоравливавшимъ и умирающимъ его защитникамъ, великія заслуги которыхъ отечеству оцѣнены лишь нынѣ. Тамъ же, въ Крыму, Катерина Астафьевна выхолила и вынянчила привезеннаго къ ней съ перевязочнаго пункта майора Форова и, ухаживая за нимъ, полюбила его какъ прямого, отважнаго и безкорыстнѣйшаго человѣка. Полюбить извѣстныя достоинства въ человѣкѣ для Катерины Астафьевны значило полюбить самого этого человѣка; она не успѣла пережить самыхъ первыхъ восторговъ по поводу рассказовъ, которыми оживавшій Фо-

рожь очаровать ее, какъ Отелло очаровалъ свою Дездемону, — какъ уже дѣло было сдѣлано: искренняя простолюдинка, Катерина Астафьевна всѣмъ существомъ своимъ привязалась къ дружившему съ солдатами и огрызавшемуся на старшихъ Филетеру Ивановичу. Майоръ отвѣчалъ ей тѣмъ же, и хотя они другъ съ другомъ ни о чемъ не условливались и въ любви другъ другу не объяснялись, но когда майоръ сталъ, къ концу кампаніи, на поги, они съ Катериной Астафьевной очутились вмѣстѣ, сначала подъ обозною фуррой, потомъ въ татарской мазанкѣ, потомъ на постояломъ дворѣ, а тамъ уже такъ и заочевали вдвоемъ по городамъ и городишкамъ, куда гоняла майора служба, до тѣхъ поръ, пока онъ, наконецъ, вылетѣлъ изъ этой службы по поводу той же Катерины Астафьевны. Дѣло это заключалось въ томъ, что невѣрующій майоръ Филетеръ Ивановичъ, соединясь неразлучнымъ союзомъ съ глубоко вѣрующею и убѣжденною, но крайне оригинальною Катериной Астафьевной, лѣтъ восемь кряду забывалъ перевѣнчаться съ нею. Пока они кочевали съ полкомъ, имъ ничто и не напоминало объ этомъ упущеніи. Катерина Астафьевна, при ея вѣчномъ и неуклонномъ стремленіи вмѣшиваться во всякое чужое горе и помогать ему по своимъ силамъ и разумѣнію, къ своимъ собственнымъ дѣламъ обнаруживала полное равнодушіе, а майоръ еще превосходилъ ее въ этомъ. Катерина Астафьевна была любимицей всѣхъ, начиная съ полкового командира и кончая послѣднимъ фуршатагомъ. Солдаты же того баталіона, которымъ командовалъ майоръ, просто боготворили ее: всѣ они знали Катерину Астафьевну, и Катерина Астафьевна тоже всѣхъ ихъ знала по именамъ и по достоинствамъ. Она была ихъ утѣшительницей, душеньриказницей, казначеемъ, лѣкаремъ, духовною матерью: ей первой бѣжалъ солдатикъ открыть свое горе, заключавшееся въ потерѣ штыка, или въ иной подобной бѣдѣ, значенія которой не понять тому, кто не носилъ ранца за плечами, — и Катерина Астафьевна не читала никакихъ моралей и наставленій, а прямо помогала какъ находила возможнымъ. Ей мастеровой солдатъ отдавалъ на сбереженіе свой тяжкимъ трудомъ собранный грошъ; ее звали къ себѣ умирающіе и изустно завѣщали ей, какъ распорядиться бывшими у нея на сохраненіи пятью или шестью рублями, къ ней же приходили на духъ тѣ, кого «бѣсъ смущалъ» сбѣжать или сдѣлать другую гадость,

давали ей слово воздержаться и просили прочитать за нихъ «тайный акахиетъ», чему многіе смущаемые солдатки приписываютъ неодолимое значеніе. Катерина Астафьевна со всѣмъ этимъ умѣла управляться въ совершенствѣ, и такая жизнь, и такіе труды не только нимало не тяготили ее, но она даже почитала себя необыкновенно счастливою и, какъ въ пѣснѣ поется, «не думала ни о чемъ въ свѣтѣ тужить».

Враговъ или такихъ недруговъ, которымъ бы она добра не желала, у нея не было. Если она замѣчала между товарищами майора людей не совсѣмъ хорошихъ, то старалась извинять ихъ воспитаніемъ и т. п., и все-таки не выдавала ихъ и не уклонялась отъ ихъ общества. Исключеніе составляли люди надменные и хитрые: этихъ Катерина Астафьевна, по прямотѣ своей натуры, ненавидѣла; но, во-первыхъ, такихъ людей, слава Богу, было немного въ армейскомъ полку, куда Форовъ попалъ по своему капризу, несмотря на полученное имъ высшее военное образованіе; во-вторыхъ, майоръ, весьма равнодушный къ себѣ самому и, повидимому, никогда не заботившійся ни о какихъ выгодахъ и для Катерины Астафьевны, не стерпѣлъ бы ни малѣйшаго оскорбленія, ей сдѣланнаго, и наконецъ, въ-третьихъ, «майорша» и сама умѣла постоять за себя и дать сдачи заносчивому чванству. Поэтому ее никто не трогалъ, и она жила прекрасно.

Но при всемъ своемъ прямушин, незлобii и добротѣ, не находившей униженія ни въ какой услугѣ ближнему, Катерина Астафьевна была, однако, очень горда. Не любя жеманства и всякой сентиментальности, она не переносила невѣжества, пахальства, заносчивости и фанфаронства, и Боже сохрани, чтобы кто-нибудь попытался третировать ее ниже того, какъ она сама себя ставила: она *отдѣлывала* за такія вещи такъ, что человѣкъ этого потомъ во всю жизнь не позабывалъ.

Солдаты, со свойственною имъ отличною мѣткостью опредѣлений, говорили про Катерину Астафьевну, что она не живетъ по пословицѣ: «хоть горшкомъ меня зови, да не ставь только къ жару», а что она наблюдаетъ другую пословицу: «хоть полы мною мой, но не называй меня тряпкой».

Это было совершенно вѣрное и мастерское опредѣленіе характера Катерины Астафьевны, и въ силу этого-то са-

мага характера столь терпѣливая во всѣхъ нуждахъ и лишешійхъ подруга майора не стерпѣла, когда при перемѣнѣ полкового командира, вновь вступившій въ командованіе полковникъ, изъ старыхъ товарищей Форова по военной академіи, не пригласилъ ее на полковой балъ, куда были позваны жены всѣхъ семейныхъ офицеровъ.

Катерина Астафьевна горячо приняла къ сердцу эту обиду и, не укоряя Форова, поставившаго ее въ такое положеніе, велѣла денщику стащить съ чердага свой старый чемоданъ и начала укладывать свои немудрые пожитки.

Хотѣла ли она разстаться съ майоромъ и куда-нибудь уѣхать? — это осталось ей тайной; но майоръ, увидѣвъ эти сборы, тотчасъ же надѣлъ мундиръ и стиранился къ полковому командиру съ просьбой объ отставкѣ.

На вопросъ удивленнаго полковника: зачѣмъ Форовъ такъ неожиданно покидаетъ службу, Филетеръ Ивановичъ рѣзко отвѣчалъ, что онъ «съ подлоцами служить не можетъ».

— Что это значить? — громко и сердито вскрикнулъ на него полковой командиръ.

— Ничего больше какъ то, что я не хочу служить съ тѣмъ, кто способенъ обижать женщину, и прошу васъ сдѣлать распоряженіе объ увольненіи меня въ отставку. А если вамъ угодно со мною стрѣляться, такъ я готовъ съ моимъ удовольствіемъ.

Полковой командиръ не захотѣлось затѣвать «исторіи» съ Филетеромъ Ивановичемъ на первыхъ порахъ своего командирства, и майоръ Форовъ благополучно вылетѣлъ въ отставку.

Съ Катериной Астафьевной у Форова не было никакихъ объясненій: они совершенно освоились съ манерой жить, ничего другъ другу не ставя на видъ и не внишая, но въ совершенствѣ понимая одинъ другого безъ всякихъ разговоровъ.

Вскорѣ за нимъ Катерина Астафьевна сдала плачущимъ солдатамъ всѣ хранившіяся у нея на рукахъ ихъ собственные деньги, а затѣмъ майоръ распростился съ своимъ баталіономъ, сѣлъ съ своею подругой въ рогожную кибитку и поѣхалъ.

За заставой ждалъ ихъ сюрпризъ: въ темной луговинѣ, у моста, стояла куча солдатъ, которые, при приближеніи майорской кибитки, сняли шапки и зарыдали.

Майоръ, наголкнувшись на эту засаду, задергался и за-суетился.

— Чего? чего, дурачьё, высыпали? а? Пошли назадъ! Васъ вотъ палками за это взлунять!—закричалъ онъ, стараясь въ зычномъ окрикѣ скрыть дрожанье голоса, измѣнявшаго ему отъ слезъ, поднимавшихся къ горлу.

Солдаты плакали; Катерина Астафьевна тоже плакала и, развязавъ за спиной майора кошелочку съ яблоками, печеными яйцами и пирогами, заготовленными на дорогу, стала бросать эту провизию солдатамъ, которые сію же минуту обсыпали кибитку, нахлынули къ ней и начали ловить и цѣловать ея руки.

— Фу, пусто вамъ будь! — воскликнулъ майоръ: — вы, канальи, такъ просто задавите!—И онъ, выскочивъ изъ кибитки, скомандовалъ къ кабаку, купилъ ведро водки, роспилъ ее со старыми товарищами и наказалъ имъ служить вѣрой и правдой и слушаться начальства, далъ старшему изъ своего скуднаго кошелька десять рублей и сѣлъ въ повозку; но, садясь, онъ почувствовалъ въ ногахъ у себя что-то теплое и мягкое, живое и слегка визжащее.

— Стой! Чтѣ это такое тутъ возится? — запыталъ удивленный майоръ.

— Драдедамъ, ваше высокоблагородіе, — конфузливо отвѣчалъ ему шопотомъ ближе другихъ стоявшій къ нему солдатикъ.

Майоръ выразилъ изумленіе. «Драдедамъ» было не что иное, какъ превосходная легавая собака чистѣйшей, столь рѣдкой нынѣ маркловской породы. Собака эта, составлявшая предметъ всеобщей зависти, принадлежала полицеймейстеру города, изъ котораго уѣзжалъ майоръ. Эту собаку, имѣвшую кличку Трафаданъ и переименованную солдатами въ «Драдедама», полицеймейстеръ цѣнилъ и берегъ какъ зѣнницу ока. Родовитого пса этого сторожила вся полиція гораздо бдительнѣе, чѣмъ всю остальную собственность цѣлаго города, и вдругъ этотъ рѣдкій песь, этотъ Драдедамъ, со стиснутою ремнемъ мордой и завязанный въ рѣдинный мѣшокъ, является въ ногахъ, въ кибиткѣ отъѣзжающаго майора!

— Ребята! Что же вы это, съ ума, что ли, сошли, чтобы меня съ краденой собакой изъ полка выпроваживать? Кто васъ этому научилъ?—заговорилъ майоръ.

— Шикто, ваше высокоблагородіе; мы по своему усердію васъ награждаемъ.

— Чудовый кобель, ваше высокоблагородіе! — подхватывали другіе.

— Берите, берите, ваше высокоблагородіе! мы вамъ жертвуемъ Драдедашку! — вскрикивали третьи. — Пошелъ, братецъ ямщикъ, пошелъ, пошелъ!

И солдатики загагайкали на лошадей и замахали руками.

— Стойте, дураки; развѣ благородно намъ воровскую собаку увезть?

— Эхъ, ваше высокоблагородіе! Отецъ вы нашъ, командирша-матушка: да что вамъ на это глядѣть? Да развѣ вы похожи на благородныхъ? Ну, ну! Эхъ вы, голубчики! Пошелъ, ямщикъ, пошелъ, пошелъ!

И по тройкѣ со всѣхъ сторонъ захлестали сломанные съ придорожныхъ ракичь прутья; лошади рванулись и понеслись, не чуя сдерживавшихъ ихъ вожжей.

А вслѣдъ еще долго слышались подгонные крики: «Ну, ну! Валяй, валяй, ребята! Прощайте, нашъ отецъ съ матерью!.. Прощай, Драдедашка!»

Подъ эти крики едва державшіяся на облучкѣ ямщикъ и отчаявшіеся въ своемъ благополучіи майоръ и Катерина Астафьевна и визжавшій въ мѣшкѣ Драдедамъ во мгновеніе ока долетѣли на перелуганной тройкѣ до крыльца слѣдующей почтовой станціи, гдѣ привычные кони сразу стали.

Здѣсь майоръ хотѣлъ сейчасъ же высвободить изъ мѣшка и отпустить назадъ полученную имъ «въ награду» краденую полицеймейстерскую собаку, какъ ямщикъ подступилъ къ нему съ совѣтомъ этого не дѣлать.

— Все единственно это, — заговорилъ онъ: — пусть ужъ она лучше пропадетъ, ваше высокоблагородіе, а только тутъ не вытаскивайте; смотритель увидитъ, все разберетъ, и кавалерамъ за это достанется.

— И то правда! — смекнулъ майоръ и добавилъ: — а ты же, каналья, развѣ не расскажешь?

— Да мнѣ что жъ казать? У меня у самого брата въ солдатахъ есть.

— Ну, такъ что жъ, что брата твоего въ солдатахъ служатъ?

— А должны же мы хорошихъ начальниковъ почитать. Вишь, вонъ, что сказали, что вы, баять, на благороднаго-то не похожи.

Майоръ далъ ямщику полтину и покатишь далѣе съ Катериной Астафьевной и съ Драдедамомъ, котораго оба они стали съ той поры любить и холить, какъ за достоинство этой доброй и умной собаки, такъ и за то, что она была для нихъ воспоминаніемъ такого оригинальнаго и тешлаго прощанія съ простосердечными друзьями.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ.

О тѣхъ же самыхъ.

Прибывъ въ городъ, гдѣ у Катерины Астафьевны былъ извѣстный намъ маленькій домикъ съ наглухо забытыми воротами, изгнанный майоръ и его подруга водворились здѣсь вмѣстѣ съ Драдедамомъ. Прошелъ годъ, два и три, а они попрежнему жили все въ тѣхъ же неоформленныхъ отношеніяхъ, и очень возможно, что дожили бы въ нихъ и до смерти, если бы нѣкоторая невинная хитрость и нѣкоторая благоразумная глупость не поставила эту оригинальную чету въ законное соотношеніе.

Филетеръ Форовъ, выйдя въ отставку и водворяясь среди родства Катерины Астафьевны, сначала былъ предметомъ нѣкотораго недоброжелательства и косыхъ взглядовъ со стороны Ларисиной матери; да и сама Лара, подрастая, стала смущаться по поводу отношеній тетки къ Форову; но Филетеръ Ивановичъ не обращалъ на это вниманія. Майоръ Филетеръ Ивановичъ не искалъ ни друзей, ни пріятелей; онъ повторялъ на все свое любимое «наплевать», лежебочествовалъ, слегка попивалъ, читалъ съ утра до поздней ночи и порой ругалъ всѣ силы, господствія, начальства и власти.

Но Катерину Астафьевну это сокрушало, и сокрушало въ одномъ отношеніи. Она боялась за *душу* Форова и всегда дѣлѣяла завѣтную мечту «привести его къ Богу».

Эта мысль въ первый разъ сверкнула въ ея головѣ, когда принесенный въ госпиталь раненый майоръ пришелъ въ себя и, поведя глазами, остановилъ ихъ на чепцѣ Катерины Астафьевны и зашевелилъ губами.

— Что вамъ: вѣрно желаете батюшку позвать?—участливо спросила она раненаго.

— Совсѣмъ нѣтъ; а я хочу выплюнуть, — отвѣчалъ Форовъ, отдѣляя опухшимъ языкомъ отъ поднебесья сгустокъ запекшейся крови.

— Вы не вѣруете въ Бога? — грустно спросила религіозная Катерина Астафьевна.

Майоръ качнулъ утвердительно головой.

— Ахъ, это ужасное несчастіе!

И съ тѣхъ поръ она начала нѣжно за нимъ ухаживать и положила въ сердцѣ своемъ надежду «привести его къ Богу»; но это ей никогда не удавалось и не удалось до сихъ поръ.

Во все время службы майора въ полку она не безъ труда достигла только одного, чтобы майоръ не гасилъ на ночь лампы, которую она, на свои трудовыя деньги, теплила предъ образомъ, а днемъ не закуривалъ отъ этой лампы своихъ растрепанныхъ толстыхъ папирозъ; но удержать его отъ богохульныхъ выходокъ въ разговорахъ она не могла, и радовалась лишь тому, что онъ подобныхъ выходокъ не дозволялъ себѣ при солдатахъ, при которыхъ даже и крестился, и цѣловалъ крестъ. По удаленіи же въ свой городокъ, подруга майора, возобновивъ дружескія связи съ Синтяниной, открыла ей свои заботы насчетъ обращенія Форова и была несказанно рада, замѣчая, что Филетеръ Ивановичъ, что называется, полюбилъ генеральшу.

— Нравится она тебѣ, моя Сашурочка-то?—говорила Катерина Астафьевна, заглядывая въ глаза майору.

— Прекрасная женщина,—отвѣчалъ Форовъ.

— А вѣдь чтѣ ее дѣласть такую прекрасною женщиной?

— Что? Я не знаю что: такъ, хорошая зародилась.

— Нѣтъ; она христіанка.

— Ну да, рассказывай! Будто нѣтъ богомольныхъ подлецовъ, точно такъ же, какъ и подлецовъ не молящихся?

И майоръ отходилъ отъ жены съ явнымъ нежеланіемъ продолжать подобные разговоры.

Затѣмъ онъ сошелся у той же Синтяниной съ отцомъ Евангеломъ и заспорилъ-было на свои любимыя темы о несообразности вещественнаго поста, о словесной молитвѣ, о священствѣ, которое онъ называлъ «сословіемъ духовныхъ адвокатовъ»; но начитанный и либеральный Евангель шутиа оконфузилъ майора и шутиа успокоилъ его словами, что «не

идый о Господѣ не ѣсть, ибо лишаетъ себя для Бога, и идый о Господѣ ѣсть, ибо вкушая хвалить Бога».

Форовъ сказалъ:

— Если такъ, то не о чемъ спорить. Впрочемъ, я въ этомъ и не знатокъ.

— А въ чемъ же вы по этой части великій знатокъ?

— Въ чемъ? Въ томъ, что ясно разумомъ постигаю моимъ.

— Напримѣръ-съ?

— Напримѣръ, я постигаю, что никакой всемогущій оупунъ въ дѣла здѣшняго міра не мѣшается.

— Такъ-съ. Это вы разумомъ постигли?

— Да, разумѣется, потому что иначе развѣ могли бы быть такія несправедливости, видя которыя у всякаго маломальски честнаго человѣка всѣ кишки въ брюхѣ отъ негодованія вертятся.

— А мы можемъ ли постигать, что справедливо и что несправедливо?

— Вотъ тебѣ на еще! Конечно, можемъ, потому что мы фактъ видимъ.

— А фактъ-то иногда совсѣмъ не то выражаетъ, что онъ значить.

— Темно.

— А вотъ я васъ сейчасъ въ этомъ просвѣщу, если угодно.

— Сдѣлайте милость.

— Извольте-съ. Положимъ, что есть на свѣтѣ мать, добрая, предобрая женщина, которая мухи не обидитъ. Допускаете вы, что можетъ быть на свѣтѣ такая женщина?

— Ну-съ; допускаю: вотъ моя Торочка такая.

— Ну-съ, прекрасно! Теперь допустимъ, что у Катерины Астафьевны есть дитя.

— Не могу этого допустить, потому что она уже не въ такихъ лѣтахъ, чтобы дѣтей имѣть.

— Ну, все равно: допустимъ это какъ предположеніе.

— Зачѣмъ же допускать нелѣпныя предположенія.

Евангелъ улыбнулся и сказалъ:

— Вы мелочной человѣкъ: васъ занимаетъ процессъ спора, а не искомое; но все равно-съ. Извольте, ну нѣтъ у нея ребенка, такъ у нея есть вотъ собака Драдедамъ, а этотъ Драдедамъ пользуется ея вниманіемъ, котораго онъ почему-нибудь заслуживаетъ.

— Допускаю.

— Теперь-съ, если бь этотъ Драдедамь былъ боленъ и ему нужно было дать мяса, а кушить его негдѣ.

— Ну-съ?

— Вотъ Катерина Астафьевна беретъ пожиликъ и рѣжетъ голову курицѣ и варить изъ нея Драдедаму похлѣбку: справедливо это или нѣтъ?

— Справедливо, потому что Драдедамь благороднѣйшее созданіе.

— Такъ-съ; а курица, которой отрѣзали голову, непременно думала, что съ нею поступали ужасно несправедливо.

— Что же вы этимъ доказали?

— То, что фактъ жестокости тутъ есть: курица убита,—это для нея жестоко и съ ея куриной точки зрѣнія несправедливо, а между тѣмъ вы сами, существо гораздо высшее и умнѣйшее курицы, нашли все это справедливымъ.

— Гмь!

— Да такъ-съ. Есть будто фактъ жестокосердія, но и его нѣтъ.

— Ну, ужь этого совсѣмъ не понимаю и оно есть, и его нѣтъ.

— Да нѣтъ-съ ея, жестокости, нѣтъ, ибо Катерина Астафьевна остается столь же доброю послѣ накормленія курицей Драдедама, какъ была до сего случая и во время сего случая. Вотъ вамъ—есть фактъ жестокости и несправедливости, а онъ вовсе не значитъ того, чѣмъ кажется. Теперь возражайте!

— Я не хочу вамъ возражать,—отвѣчалъ, подумавъ, Форовъ.

— А почему, спрошу?

— Почему?.. потому что я въ этомъ не силенъ, а вы много надъ этимъ думали и имѣете начитанность и можете меня сбить, чего я отнюдь не желаю.

— Почему же вы не желаете придти къ какой-нибудь истицѣ и разубѣдиться въ заблужденіи?

— Такъ, не желаю, потому что не хочу забивать себя и безъ того темные намороки этою путаницей.

— Намороки не хотите забивать? Гмь! Нѣтъ-съ, это по потому.

— А почему же?

Евангелъ снова улыбнулся и, сжавъ легонько руку майора немножко пониже локтя, ласково проговорилъ:

— Вы потому не хотите объ этомъ говорить и думать какъ слѣдуетъ, что души вашей госнулось святое сомнѣніе въ справедливости рутины безвѣрія! И посмотрите зато сюда!

Съ этимъ отецъ Евангелъ, подвинувъ слегка майора къ себѣ, показалъ ему черезъ дверь другой комнаты, какъ Катериша Астафьева, слышавшая весь ихъ разговоръ, вдругъ упала на колѣни и, протянувъ руки къ освященному лампадой образнику, плакала радостными и благодарными слезами.

— Эти слезы съ неба,—шепиуль Евангелъ.

— Бабье, ото всего плачуть,—сухо отвѣчалъ, отворачиваясь, майоръ.

Но веселый Евангелъ вдругъ смутился и, взявъ майора за руку, тѣмъ же добродушнымъ тономъ проговорилъ:

— Бабье-съ? Вы сказали бабье?.. Это недостойно вашей образованности... Женщины—это прелесть! Онѣ наши муриносицы: безъ ихъ слезъ этотъ злой міръ заскорузь бы-съ!

— Вы діалектикъ.

— Да-съ: я діалектикъ; а вы баба, ибо боитесь свободомыслія и бѣжите чистаго чувства, женской слезой пробужденнаго. Что-съ? Ха-ха-ха... Да вы ничего, не робѣйте: это вѣдь проходитъ!

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ.

Еще о нихъ же.

На другой день послѣ этой бесѣды, происходившей задолго предъ тѣми событіями, съ которыхъ мы начали свое повѣствованіе, майоръ Форовъ, часу въ десятомъ утра, пришелъ пѣшкомъ къ отцу Евангелу и сказалъ, что онъ ему очень понравился.

— Неужели?—отвѣчалъ веселый священникъ. — Что жъ, это прекрасно: это значить, мы честные люди, да!.. а жены у насъ съ вами еще лучше насъ самихъ. Я вамъ вотъ сейчасъ и покажу мою жену: она гораздо лучше меня. Панька! Панька! Панька! — закричалъ отецъ Евангелъ, удерживая за руку майора и засматривая въ дверь сосѣдняго покоя.

— Чего тебѣ нужно, Панилька?—послышался оттуда звонкій, симпатическій, молодой голосъ.

— «Панилька», это она меня такъ зоветъ, — объяснилъ майору Евангель.—Мы привыкли другъ на друга все «ты панилька» да «ты панилька», да такъ ужъ свои имена совсѣмъ и позабыли... Да иди же сюда, Панилька!—возвысилъ онъ нѣсколько нетерпѣливо свой голосъ.

Въ дверяхъ показалась небольшая и довольно худенькая, нѣсколько нестройно сложенная молодая женщина, съ очень добрыми большими коричневыми глазами и тоненькими колечками темныхъ волосъ на вискахъ.

Она была одѣта въ свѣтлое ситцевое платье и держала въ одной рукѣ полоскательную фарфоровую чашку съ обвареннымъ миндалемъ, который обчищала другою, свободною рукою.

— Ну, что ты здѣсь, Панилька? Какой ты безпокойный, что отрываешь меня безъ толку?—заговорила она, ласково глядя на мужа и майора.

— Какъ безъ толку, когда гость пришелъ.

— Ну, такъ что же—гость пришелъ? Они къ намъ часто будутъ ходить.

— Превосходно сказано,—воскликнулъ Форовъ.—Буду-съ.

— Да; она у меня преумная, эта Пайка,—молвилъ, слегка обнимая жену, Евангель.

— Ну, вотъ ужъ и умная! Вы ему не вѣрьте: я въ лѣсу выросла, веревъ молилась и пню поклонялася,—такъ откуда я умная буду?

— Нѣтъ; вы ей не вѣрьте: она преумная, — увѣрялъ, смѣясь и тряся майора за руку, Евангель. — Она вдругъ иногда, знаете, такое скажетъ, что только ротъ разинешь. А они, Панилька, въ Бога изволятъ не вѣровать,—обратился онъ, указывая женѣ на майора.

— Ну, такъ что же такое: они послѣ повѣрятъ.

— Видите, какъ разсуждаетъ!

— Да что-жъ ты надо мной смѣнешся? Разумѣется, что не всѣмъ въ одно время вѣрить. Вѣдь они добрые?

— Ну, такъ что же что добрый? А какъ онъ въ царствѣ небесномъ будетъ? Его не пустятъ.

— Нѣтъ, пустятъ.

— Извольте вы съ ней спорить!—разсмѣялся Евангель.—

Я тебѣ, Пайка, говорю: его къ вѣрующимъ не пустять; тебѣ, попадѣ, нельзя этого не знать.

— Ну, его къ невѣрующимъ пустять.

— Видите, видите, какая бѣдовая моя Пайка! У-у-у-хъ, съ ядовитостью женщина! — продолжалъ онъ, тихонько съ нѣжностью и восторгомъ трогая жену за ея свѣжій раздвоившійся подбородокъ, и въ то же время, оборотясь къ майору, добавилъ: — Ужасно хитрая-съ! Ужасно! Одинъ я ее только постигаю, а вы о ней если сдѣлаете заключеніе по этому первому свиданію, такъ непременно ошибетесь.

— Да я ихъ совсѣмъ и не въ первый разъ вижу, — перебила его попадья, перемывая въ той же полоскательной чашкѣ свой миндадь. — Я ихъ уже видѣла на Висленевскомъ дворѣ, и мы кланялись.

— Не помню-съ, — отвѣчалъ майоръ, съ любовію артиста разглядывая это прекрасное твореніе, какъ разъ подходящее, по его мнѣнію, къ типу наиблагороднѣйшихъ женщинъ на свѣтѣ.

— Какъ же не помните, — толковала попадья: — вы еще шли съ супругой... или кто она вамъ доводится, Катеринате Астафьевна?.. Да! вы шли по двору, а мы съ генеральшей Александрой Ивановной сидѣли подѣ окномъ, вишни чистили и вамъ кланялись.

— Не помню-съ.

— Какъ же-съ, а я помню: бы вотъ теперъ въ штанахъ, а тогда были въ подштанахъ.

— Какъ въ подштанахъ-съ? — изумился майоръ.

— Такъ, въ этакихъ въ бѣлыхъ, со штрифами.

Майоръ засмѣялся, а отецъ Евангель, хохоча и ударяя себя ладонями по колѣнямъ, восклицалъ:

— Ахъ, Паниька! Паниька! проговорились вы, прелесть моя, проговорились!

Попадья слегка вспыхнула и хотѣла возражать мужу, но какъ тотъ махалъ на нее руками и кричалъ: «т-съ, т-съ, т-съ! молчи, Пайка, молчи, а то хуже скажешь», то она быстро выбѣжала вонъ и начала хлопотать о закускѣ.

— Какая чудесная женщина! — сказалъ, глядя вслѣдъ ей, майоръ.

— То-есть превосходнѣйшая-съ, а не только чудесная, — согласился съ нимъ Евангель. — Видите, всѣхъ хочеть въ

царство небесное помѣстить: мы будемъ въ своемъ царствѣ небесномъ, а вы въ своемъ.

Евангелъ расхохотался.

— Вы давно женаты?—спросилъ майоръ.

— Семь лѣтъ женатъ, да-съ, семь лѣтъ, но въ томъ числѣ она три года была въ гусара влюблена, а однако еще я всякій день въ ней открываю новыя достоинства

— Гмъ!.. а въ гусара-таки была влюблена?

— Ужасно-съ! Какихъ это ей, бѣдненькой, мукъ стоило, если бы вы знали? Я ей студентомъ нравился, а въ рясахъ разиравился, потому что онѣ очень танцы любили, да! А тутъ гусары пришли, ну, шнурочки, усики, глазки... Она, бѣднязка, однимъ и плѣнилась... Изсохла вся, до горловой чахотки чуть не дошла, и все у меня на груди плакала. «Зачѣмъ, бывало, говорить, Панька, я не могу тебя любить, какъ я его люблю?»

— Ну, а вы же что?

— Стыдно сказать, право.

— Однакоже?

— Да что-съ? сижу, бывало, глажу ее по головкѣ, да и реву вмѣстѣ съ нею. И даже, что-съ? — продолжалъ онъ, понизивъ голосъ и отводя майора къ окну: — Я уже разъ совсѣмъ норѣшилъ: уйди, говорю, коли со мной такъ жить тяжело, но она, услыхавъ отъ меня объ этомъ, разрыдалась и вдругъ улыбается: «Нѣтъ, говорить,—Панька, я никуда не хочу: я послѣ этого теперь опять тебя больше люблю». Она влюбчива, да-съ. Это одинъ, одинъ ея порокъ: восторженна и въ восторгѣ сейчасъ влюбляется.

— Однакоже, чортъ возьми, позвольте мнѣ васъ уважать!—закричалъ зычно майоръ.

— Нѣтъ-съ; это ее надо за это уважать: скудельный сосудъ, а совладала съ собою, и все для меня!.. А вѣсть и она, Панька; а что же, душка, водочки-то?—вопросилъ онъ входящую жену, увидѣвъ, что на подносѣ, который она несла, не было ни графина, ни рюмки.

— А кто же станетъ водку пить?

— А вотъ они, Филетеръ Ивановичъ.

— Вы пьете развѣ? — отнеслась попадья къ майору, и получивъ отъ него короткій, но утвердительный отвѣтъ, принесла графинъ и рюмку и, поставивъ ихъ на столъ, сказала:—Не хорошо кто пьетъ вино.

— Отчего-съ?—спросилъ, принимаясь за рюмку, майоръ.

— Такъ... мысли дурныя отъ вина приходятъ.

— Ну, мнѣ не приходятъ.

— Какъ не приходятъ; а вонъ вы почему же до сихъ поръ не женитесь?

Майоръ пересталъ закусывать и съ удивленіемъ смотрѣлъ на сидѣвшую у стола съ подпертымъ на руку подбородочкомъ попадью; но ту это нимало не смутило, и она спокойно продолжала:

— Что вы на меня такъ смотрите-то? Развѣ же это хорошо такъ женщину конфузить?

— Послушайте, моя милая!—ласково заговорилъ съ ней майоръ, но она его тотчасъ же перебила.

— Ничего, ничего, «моя милая»!—передразнила его попадья: — не знаю я, что-ль? А мнѣ вашей Катерины Астафьевны жалко,—вотъ вамъ и сказъ, и я насчетъ васъ своему Пашникѣ давно сказала, что вы недобрый и жестокий человѣкъ.

— Вотъ тебѣ и разъ! Да позвольте же-съ: я вѣдь Катерину Астафьевну все равно люблю-съ.

— Да-а! Нѣтъ, это не все равно: если вы такъ, не обвѣщавшись, прежде ея умрете, она не будетъ за васъ пенсіона получать.

Попадья говорила все это съ самымъ серьезнымъ и сосредоточеннымъ видомъ и съ глубочайшею заботливостью о Катеринѣ Астафьевнѣ. Ее не развлекалъ ни веселый смѣхъ мужа, наблюдавшаго траги-комическое положеніе Форова, ни удивленіе самого майора, который былъ пораженъ простотой и оригинальностью приведеннаго ею довода въ пользу брака, и наконецъ, обтеревъ салфеткой усы и подойдя къ попадьѣ, попросилъ у нея ручку.

— Зачѣмъ же это?—спросила она.

— Я женюсь и васъ матерью посаженою прошу.

— Непремѣнно?

— Всенепремѣнно и какъ можно скорѣе; а то, дѣйствительно, пенсіонъ можетъ пропасть.

— Ну, за это вы умникъ, и я не жалѣю, что мы познакомились,—отвѣчала ему весело попадья, съ радостью подавая свою руку.

— А я такъ буду сожалѣть объ этомъ, — отвѣчалъ, громко чмокнувъ ея ручонку, Форовъ. — Теперь мнѣ вѣ.

первый разъ завидно, что у другого человека будетъ жена лучше моей.

— О, не завидуйте, не завидуйте, ваша добрѣе.

— Почему же вы это знаете?

— Да, вѣдь, она васъ цѣлуетъ? Ужъ навѣрно цѣлуетъ?

— Случается; рѣдко, но случается.

— Ну, вотъ видите! А ужъ я бы не поцѣловала.

— Это почему?

— Потому что отъ васъ водкой пахнетъ.

— Покорно васъ благодарю-сь, — отвѣчалъ, комически поклонясь и шаркнувъ ногой, майоръ, и затѣмъ еще разъ поцѣловалъ на прощанье руку у попадѣи и откланялся.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ.

Свадьба Форовыхъ.

У калитки, до которой Евангелъ провожалъ Форова, майоръ на минутку остановился и сказалъ:

— Да какъ же-сь это... того...

— Вы насчетъ свадьбы?

— Да.

— Что-жь, приходите, я перевѣнчаю и денегъ за вѣнецъ не возьму. Приходите вечеркомъ въ воскресенье чай пить: я на сихъ дняхъ огласку сдѣлаю, а въ воскресенье и перевѣнчаемся.

— А не очень это скоро?

— Нѣтъ; чѣмъ же скоро? чѣмъ скорѣе, тѣмъ оно вѣрнѣе, а то вѣдь Палныка правду говоритъ: знаете, вдругъ кракенъ, а женщина останется ни при чемъ.

— Хорошо-сь; я приду въ воскресенье вѣнчаться. А жена у васъ, чортъ возьми, все-таки удивительная!

— Да вѣдь я и говорилъ, что вы на нее будете удивляться и не поймете ее. Я все время за вами наблюдалъ, какъ вы съ нею говорили, и думалъ: «ахъ, какъ бы этотъ ея не понялъ!» Но нѣтъ, вижу, и вы не поняли.

— Почему же вы это такъ думаете? А можетъ быть я ее и понялъ?

— Нѣтъ; гдѣ вамъ ее понять! Ее одинъ я понимаю. Ну, говорите: кто такая она по-вашему, если вы ее поняли?

— Она?.. она... положительная и самая реальная натура.

Евангелъ, что называется, закисъ со смѣху.

— Чего же вы помираете?—вопросилъ майоръ.

— А того, что она совсѣмъ не положительная и не реальная натура. А она... позвольте-ка мнѣ взять васъ за ухо.

И Евангелъ, принагнувъ къ себѣ слегка голову майора, прошепталъ ему на ухо:

— Моя жена дурочка.

— То-есть вы думаете, что она не умна?

— Она совершенная дурочка.

— А чѣмъ же она разсуждаетъ?

— А вотъ этимъ вотъ!—воскликнулъ Евангелъ, тронувъ майора за ту часть груди, гдѣ сердце.—Какъ же вы этого не замѣтили, что она, гдѣ хочетъ быть умною дамой, сейчасъ глупость скажетъ, — какъ о вашихъ бѣлыхъ панталонахъ вышло; а гдѣ по естественному своему чувству говорить, такъ что твой министръ юстиціи. Вы ея, пожалуйста, не слушайте, потому что я вамъ это по опыту говорю, что ужъ она какъ разсудить, такъ это непременно такъ надо сдѣлать.

Майоръ посмотрѣлъ на священника, и видя, что тотъ говоритъ съ нимъ совершенно серьезно, провелъ себя руками по груди и громко плюнулъ въ сторону.

— Ага! вотъ значить видите, что промахнулись! Ну, ничего, ничего: въ самомъ дѣлѣ не все сразу. Приходите-ка прежде вѣнчаться.

Майоръ еще разъ повторилъ обѣщаніе прійти, и дѣйствительно пришелъ въ назначенный вечеръ къ Евангелу вмѣстѣ съ Катериной Астафьевной, которой майоръ ничего не рассказалъ о своихъ намѣреніяхъ, и потому она была только удивлена, увидя, что невѣрующій Филетеръ Ивановичъ, при звонѣ къ вечернѣ, прошелъ вмѣстѣ съ Евангеломъ въ церковь и сталъ въ алтарѣ. Но когда окончилась вечерня и среди церкви поставили аналой, зажгли предъ нимъ свѣчи и вынесли вѣнцы, сердце бѣдной женщины сжалось отъ невѣдомаго страха, и она, оборотясь къ Евангеловой попадѣ и къ стоявшимъ съ нею Синтяиной и Ларисѣ, заленетала:

— Дружочки мои, а кто же здѣсь невѣста?

— Вѣрно ты,—отвѣчала ей Синтяица.

Катерина Астафьевна потерянно зацѣпала свою верхнюю губу, что у нея было знакомъ высшаго волненія, и страшно испугалась, когда майоръ взялъ ее молча за руку

и повелъ къ аналою, у котораго уже стоялъ облаченный въ ризу Евангель и возглашалъ:

— Благословенъ Богъ нашъ всегда, нынѣ и присно.

Во все время вѣнчальнаго обряда Катерина Астафьевна жарко молилась и плакала, обтирая слезы рукавомъ своего поношеннаго, куцаго коричневаго шерстяного платья, межъ тѣмъ какъ гривенниковая свѣча въ другой ея рукѣ выбивала дробь и поджигала скрещенную на ея груди темную шелковую косыночку.

Обрядъ былъ конченъ, и Евангель первый поздравилъ майора и Катерину Астафьевну мужемъ и женой.

Затѣмъ ихъ поздравили и остальные друзья, а потомъ все шло у Евангела чай, ходили съ нимъ на его просо и наконецъ вернулись къ скромному ужину и тутъ только хватились: гдѣ же майорша?

Исчезновеніе ея удивило всѣхъ, и всѣ бросились отыскивать ее, кто куда вздумалъ. Искали ее и на кухнѣ, и въ сѣняхъ, и въ саду, и на рубежахъ на полѣ, и даже въ темной церкви, гдѣ, думалось нѣкоторымъ, не осталась ли она незамѣтно для всѣхъ помолиться и не заперъ ли ее тамъ сторожъ? Но всѣ эти поиски были тщетны, и гости, и хозяева впали въ немалую тревогу.

А Катерина Астафьевна межъ тѣмъ сидѣла въ небольшой темной пасѣткѣ отца Евангела и, прислонясь спиной и затылкомъ къ ичелшному улью, въ которомъ изрѣдка раздавалось тихое жужжаніе пчель, глядѣла неподвижнымъ взглядомъ въ усѣянное звѣздами небо.

Въ такомъ положеніи отыскалъ ее здѣсь майоръ и, назвавъ ее по имени, укорялъ за безпокойство, которое она надѣлала всѣмъ своею отлѣчкой.

Катерина Астафьевна, не перемѣняя положенія, только перевела на мужа глаза.

— Пойдемъ ужинать!—звалъ ее майоръ.

— Форовъ! — проговорила она тихо въ отвѣтъ ему: — скажи мнѣ правду: самъ ли ты это сдѣлалъ?

— Нѣтъ, не самъ.

— Я такъ и думала.

— Да; это понадея меня принудила.

— Не самъ... понадея принудила, — повторила за нимъ съ разстановкой жена, и съ этимъ вдругъ громко всхлинула, нагнула лицо въ колѣни и заплакала.

— Что же, тебѣ это обидно, что ли? — освѣдомился майоръ.

— Конечно, обидно... очень обидно, Форовъ! — отвѣчала, качая головой, майорша. — Ты самъ въ семь лѣтъ нашей жизни никогда, никогда про меня не вспомнилъ.

— Да и никогда и не позабывалъ про тебя, Тора.

— Нѣтъ, забывалъ; всегда забывалъ. Вѣрно я скверная женщина: не умѣла я заслужить у тебя вниманія.

— Полно тебѣ, Торочка! Какого же еще больше вниманія, когда ты теперь моя жена!

— Нѣтъ, это все не то: это не ты сдѣлалъ, а Богъ такъ черезъ добрыхъ людей учинилъ, чтобы сократить число грѣховъ моихъ, а ты самъ... до сихъ поръ башмаковъ мнѣ не купилъ.

— Что за вздоръ такой? Какіе тебѣ нужны башмаки? Развѣ не у тебя всѣ мои деньги? Я вѣдь въ нихъ отчета не спрашиваю: покупай на нихъ себѣ что хочешь.

— Нѣтъ, это все не то — «покупай», а ты долженъ помнить, когда у тебя въ Крыму въ госпиталѣ на ногѣ рожа была, я тебѣ изъ моего саквояжа большіе башмаки сшила.

— Ну, помню; что жъ далѣе?

— Ты сказалъ мнѣ тогда, что первый разъ какъ выйдешь, купишь мнѣ башмаки.

— Ну?

— Ну, и я вотъ семь лѣтъ этихъ башмаковъ прождала, когда ты ихъ принесешь, и ты ихъ мнѣ не принесъ.

— Э! полно, мать моя, глупости-то такія припоминать! Вставай-ка, да пойдемъ ужинать.

И майоръ взялъ жену за руку и потянулъ ее, по она не поднималась: она продолжала сѣтовать, что ей до сихъ поръ не куплены и не принесены тѣ башмаки, обѣщаніе которыхъ напоминало пожилой Катеринѣ Астафьевнѣ тоже не совсѣмъ молодое и уже давно минувшее время, предшествовавшее безповоротному шагу въ любви ея къ майору.

Филетеръ Ивановичъ, чтобы утѣшить жену, поцѣловалъ ее въ ея полусѣдую голову и сказалъ:

— Куплю, Тора! честное слово, куплю и принесу!

— Нѣтъ, я знаю, что не принесешь; ты обо мнѣ не можешь думать, какъ другіе о женщинѣ думаютъ... Да, ты не можешь; у тебя не такая натура, и это мнѣ больно

за тебя... потому что ты объ этомъ будешь горько и горько тужить.

— Ну, такъ что жъ, развестись, что ли, хочешь, если я такой подлый?

— Какъ развестись?

— Какъ? Развѣ ты забыла, что вѣдь мы обвѣнчались?

Катерина Астафьевна въ послѣднія минуты своего меланхолическаго настроенія дѣйствительно позабыла объ этомъ, и при теперешнемъ шуточномъ напоминаніи мужа о разводѣ сердце ея внезапно вскипѣло, и она, обхвативъ обѣими руками лохматую голову Форова, воскликнула, глядя на небо:

— Боже мой! Боже мой! за что же Ты послалъ мнѣ, грѣшной, такъ много такого хорошаго счастья?

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ.

Языкъ сердца.

Майорша плакала и тужила совсѣмъ не о тѣхъ башмакахъ, о которыхъ она говорила: и башмаки, и бракъ, и все прочее было съ ея стороны только придиркой, предложомъ къ сѣтованію: душа же ея рвалась къ иному утѣшенію, о которомъ она до сегодняшняго вечера не думала и не заботилась. Зато эта беззаботность теперь показалась ей ужасною и страшною: она охватила все ея существо въ эти минуты ея уединенія и выражалась въ ней тѣми прихотливыми переходами и переливами разнообразныхъ чувствъ и ощущеній, какіе она проявляла въ своей бесѣдѣ съ мужемъ.

— Одного, — говорила она: — одного только теперь я бы желала, и радость моя была бы безмѣрна... — и на этомъ словѣ она остановилась.

— Чего же это?

— Нѣтъ, Форъ, ты этого не поймешь.

— Да попробуй, пожалуйста.

— Нѣтъ, мой Форъ, не зачѣмъ, не зачѣмъ: этого говорить нельзя, если ты самъ не чувствуешь.

— Рѣшительно не чувствую и не знаю, чтò надо чувствовать, — отвѣчалъ майоръ.

— Ну, и прекрасно: ничего не надо. Встань съ травы, росно, — и вонъ всѣ сюда идутъ.

Съ этимъ майорша приподнялась и пошла навстрѣчу шедшимъ къ ней Евангелу, его попадѣ, Синтяниной и Ларисѣ.

Въ походкѣ, которою майорша приближалась къ пришедшимъ, легко можно было замѣтить наплывъ новыхъ, овладѣвшихъ ею волненій. Она тронулась тихо и шагомъ неслышнымъ, но потомъ пошла шибче и наконецъ побѣжала и, схвативъ за руку попадью, остановилась, не зная, что дѣлать далѣе.

Попадья поняла ее своимъ сердцемъ и заговорила:

— Это не я, душка, не я!

— Ну, такъ ты!—кинула майорша къ Синтяниной.

— И не я, Катя,—отвѣчала генеральша.

— Ангелы небесные!—воскликнула майорша и, прижавъ къ своимъ губамъ руки попадьи и Синтяниной, впила въ нихъ нервнымъ, прерывистымъ и страстнымъ поцѣлуемъ, который, вѣроятно, длился бы до новаго истерического припадка, если бѣ отецъ Евангель не подсунулъ шутя своей бороды къ лицамъ этихъ трехъ скученныхъ женщинъ.

Увидавъ предъ собою эту мягкую свѣтлорусую бороду и пару знакомыхъ веселыхъ голубыхъ глазъ, Катерина Астафьевна выпустила руки обѣихъ женщинъ и, кинувшись къ Евангелу, прошептала:

— Ахъ, батюшка... мнѣ такъ досадно: я хотѣла бы предъ этимъ... исповѣдаться... но...

— Но отпущаются тебѣ всѣ грѣхи твои, чадо,—отвѣчала добродушный Евангель, кладя ей на оба плеча свои руки, которыя Катерина Астафьевна схватила такъ же внезапно, какъ за минуту предъ симъ руки дамъ, и такъ же горячо ихъ поцѣловала.

Потомъ они съ Евангеломъ поцѣловали другъ друга и при этомъ перешепнулись: Форова сказала: «Багюшка, простится ли мнѣ?» а Евангель отвѣтилъ: «И не помянется-съ».

И съ этимъ онъ перехватилъ ея руку себѣ подъ руку, а подъ другую взялъ генеральшу и, скомандовавъ: «разъ, два и три!» пустился рѣзвымъ бѣгомъ къ дому, гдѣ на чистомъ столѣ готовъ былъ скромный, даже почти бѣдный ужинъ. Но было за этимъ ужиномъ шумно и весело и раздавались еще послѣ него оживленныя рѣчи, которыя не

всѣ перговорились подъ кровлей Евангела до поздней ночи, и опять возобновились въ саду, гдѣ гости и провожавшій ихъ хозяинъ остановились на минуту полюбоваться тихимъ покоемъ деревьевъ, травъ и цвѣтовъ, облитыхъ блѣдно-желтымъ свѣтомъ луны.

Тутъ, по знаку, данному Евангеломъ, всѣ въ молчаніи стали прислушиваться къ таинственнымъ звукамъ полуночи: то что-то хрустнеть, то вздохнетъ, шепчетъ и таесть, и таесть долго и чуть слышимо уху...

— Люблю эти звуки,—тихо молвилъ Евангелъ:—и ухожу часто сюда послушать ихъ; а на поляхъ и у лѣсовъ, на опушкахъ, они еще чище. Гдѣ дальше человѣческая злоба, тамъ этотъ языкъ сейчасъ и звучнѣе.

Форову это дало случай возразить, что онъ этой сентиментальности не понимаетъ.

— А вотъ Гёте понималъ, — замѣтилъ Евангелъ: — а Іоаннъ Дамаскинъ еще больше понималъ. Припомните-ка поэму Алексѣя Толстого; Іоаннъ говоритъ: «Неодолимый ихъ призывъ меня влечетъ къ себѣ все болѣ... о, отпусти меня, калифъ, дозвожь дышать и пѣть на волѣ». Вотъ что говорятъ эти звуки: они выманиваютъ насъ на волю пѣть изъ-подъ сарая.

— Наилевать на этакую волю, чтобы пѣть да дышать только: мнѣ больше нравятся звуки Марсельезы въ рабочихъ улицахъ Парижа,—отвѣчалъ Форовъ.

— Парижъ! городъ! — воскликнулъ съ кроткимъ предостереженіемъ Евангелъ. — Нѣтъ, нѣтъ, не ими освятится вода, не они раскуютъ мечи на орала! Первый городъ на землѣ сгородилъ Каинъ; онъ первый и брата убилъ. За мѣтете, — создатель города есть и творецъ смерти: а Авель стадо пасъ, и кроткіе наслѣдятъ землю. Нѣтъ, сестры и братья, множитесь, населяйте землю и садите въ нее сѣмена, а не башенъ стройте, ибо съ башенъ смѣшенъе идетъ.

— А въ саду дьяволъ убѣдилъ человѣка не слушаться Бога,—перебилъ майоръ.

— Да; это въ Эдемскомъ саду; но зато въ Геосима-скомъ саду случилось другое: тамъ Богъ самъ себя предать страдающимъ. Впрочемъ, вы стоите на той степени развитія, на которой говорится «пѣть Богъ», и жертвы этой понять

лишены. Спросимъ лучше дамъ. Кто съ майоромъ и кто за меня?

— Всѣ съ вами, — откликнулись попадья, генеральша и майорша.

Лариса вертѣла въ рукѣ одуванчикъ и молчала.

— Ну, а вы, барышня? — отнесся къ ней Евангель.

— Не знаю, — отвѣчала она, покачавъ головой, и, обдувъ пушокъ стебелька, бросила его въ траву и сказала: — Не пора ли намъ въ городъ?

Это напоминанье было не особенно пріятно для гостей, но всѣ стали прощаться съ сожалѣніемъ, что поздно, и что надо прощаться съ поэтическимъ попомъ.

Пылкая Катерина Астафьевна даже прямо сказала, что она съ радостью просидѣла бы тутъ до утра и всю жизнь прослушала бы Евангела, но попадья отвѣтила ей:

— А я его никогда не слушаю.

— Господи, какъ всѣ пары курьезно подтасовываются! — воскликнула, смѣясь и усаживаясь въ экипажъ, генеральша.

— Превосходно подтасовываются-съ, превосходно-съ, — отвѣчала ей Евангель. — Единомысліе недаромъ не даровано, да-съ! Тогда бы *стои* вся машина; тоска, скука и сонъ согласія, и заслуги миролюбія нѣтъ. Все кончено! Нѣтъ-съ, а вы тяготы другъ друга носите, такъ и исполните законъ Христовъ.

— А какъ же «возлюбимъ другъ друга»? — замѣтилъ майоръ.

— А такъ: прежде «возлюбимъ другъ друга» и тогда «единомысліемъ исповѣмы», — отвѣчалъ ему Евангель, пожимая руку майора и подставляя ему свою русую бороду.

— Да я уже тебя и люблю, — отвѣчала, обнимая его, майоръ.

И они поцѣловались, и съ тѣхъ поръ, обмолвясь на «ты», сдѣлались тѣми неразрывнѣйшими друзьями, какими мы ихъ видѣли въ продолженіе всей нашей исторіи.

Эта дружба противомышленниковъ, соединившихся въ единомысліи любви, была величайшею радостью Катерины Астафьевны. видѣвшей въ этомъ новую прекрасную черту въ характерѣ своего мужа и залогъ того, что онъ когда-нибудь измѣнитъ свои сужденія.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ.

Горшокъ сталкивается съ горшкомъ.

Супружеская жизнь Форовыхъ могла служить явнымъ опроверженіемъ пословицы, выписанной надъ этою главой: у нихъ никогда не было разлада; они не только никогда другъ съ другомъ не ссорились, но даже не умѣли и дуться другъ на друга.

«Стѣдить ли это того, чтобы не ладить?»—говорила себѣ майорша при какихъ-нибудь несогласіяхъ съ мужемъ, и несогласія ихъ ладу не мѣшали.

«Наплевать!» думалъ себѣ майоръ, если не удавалось ему въ чемъ-нибудь убѣдить жену, и тоже не находилъ въ этомъ никакихъ поводовъ къ разладу.

Катерина Астафьевна помнила слова Евангела, что такъ даже и необходимо; да и въ самомъ дѣлѣ, не всѣ ли близкіе и милые ей люди несли тяготы другъ друга? Много начитанный, поэтический и глубоко проникавшій въ самую суть вещей, Евангель проводилъ свою жизнь съ доброю дурочкой и едѣлалъ изъ нея Папныку, отъ которой его, однако, потягивало въ поля, помечтать среди ночныхъ звуковъ; Форовъ смирился предъ лампадами Катерины Астафьевны и ѣлъ ради нея цѣлые посты огурцы и картофель, а она... она любила Форова больше всего на свѣтѣ, отнюдь не считая его лучшимъ человѣкомъ и даже скорбя объ его заблужденіяхъ и слабостяхъ. Синтянина... но эта уже несла тяготу, съ которой не могла сравниться тягота всѣхъ прочихъ; всѣ онѣ жили съ добрыми людьми, которыхъ, вдобавокъ къ тому, любили, а та отдала себя человѣку, который былъ мстителемъ, коваренъ, холоденъ...

Глядя на Евангела, Катерина Астафьевна благословляла жизнь въ ея благѣ; сливаясь душой съ душой Синтяниной, она благоговѣла предъ могуществомъ воли, торжествующимъ въ святой силѣ терпѣнія, и чувствовала себя исполненной удивленія и радости о ихъ совершенствѣ, до котораго сама не мечтала достигнуть, не замѣчая, что иногда ихъ даже превосходитъ.

Жизнь ея была такъ полна, что она никуда не хотѣла заглядывать изъ этого мірка, гдѣ предъ нею стояли драгоценныя сосуды ея вѣры, надежды и любви.

Но ей былъ нуженъ и еще одинъ сосудъ, сосудъ, въ ко-

торый бы ллся фіаль ея горести: этотъ сосудъ была безсодержательная Лариса.

Мы видѣли, какъ майорша хлопотала то устроить, то разстроить племянницу на свадьбу съ Подозеровымъ и какъ ни то, ни другое ей не удавалось и шло какъ разъ противъ ея желаній. Когда свадьба эта была уже рѣшена, Катерина Астафьевна подчинилась судьбѣ, и даже мало-помалу оцять начала радоваться, что племянница устраивается и выходитъ замужъ за честнаго человѣка. Она даже рвалась помогать Ларисѣ въ ея свадебныхъ сборахъ и, смиряя свое кипучее сердце, переносила холодное устраниеніе ея отъ этихъ хлопотъ; но того, что она увидѣла на свадебномъ пиру Ларисы, Катерина Астафьевна уже не могла перенести. Никѣмъ не замѣченная, она ушла домой ни съ кѣмъ не простясь; сняла, разорвавъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ, свое новое шерстяное платье и, легши въ постель, послала кухарку за гофманскими каплями.

Такое поведеніе майорши удивило возвратившагося, черезъ часъ послѣ ея прихода, мужа.

— Ночью посылать женщину за пустыми кашлями!.. какая глупость!—заговорилъ онъ, начиная разоблачаться.

Майорша какъ-будто этого только и ждала. Она вскочила и начала майору рацею о томъ, что для него жена не значить ничего, и онъ, можетъ-быть, даже былъ бы радъ ея смерти.

— Нѣтъ; я только былъ бы радъ, если бы ты немножечко замолчала,—отвѣчать спокойно майоръ.

— Никогда я теперь не замолчу.

— Ну, и очень глупо: ты будешь мѣшать мнѣ спать.

— А ты можешь спать?

— Отчего же мнѣ не спать?

— Ты можешь... ты можешь спать?

— Да, конечно могу! А ты почему не можешь?

— Потому, что я не могу спать отъ мысли, какое несчастіе несходная пара.

— Ну, вотъ еще!.. Наплевать.

И майоръ поставилъ на стулъ свѣчу, взялъ книгу и повалился на диванчикъ.

Майорша дергалась, вздыхала, майоръ читалъ и потомъ вдругъ дунулъ на свѣчу, повернулся къ стѣнѣ и заснулъ, но не надолго.

Услышавъ, что мужъ спитъ, Катерина Астафьевна сначала заплакала, и потомъ мало-по-малу разошлась и зарыдала истерически.

— Что, что, что такое съ тобой?—спрашивалъ спросонья майоръ.

Она все рыдала.

— Ну, на вотъ капли,—проговорилъ онъ, вставъ и подавая женѣ принесенный изъ аптеки флакончикъ.

Катерина Астафьевна нетерпѣливо отодвинула его руку.

— И изъ-за чего? Изъ-за чего?—ворчалъ онъ.—Люди женились, да что намъ до этого? Не хорошо они будутъ жить, опять-таки это не наше же дѣло. Но чтобъ изъ-за этого не спать ночи...

Но майорша вдругъ снова вскочила и, передразнивая мужа, заговорила:

— «Не спать ночи! Не спать ночи!» Эка невидаль какая, не спать ночи! Вамъ это ничто: подѣломъ вамъ, что вы не спите, а за что вы людямъ-то добрымъ дни и ночи испортили?

— Кто это мы?

— Всѣ вы, вотъ этикіе говоруны!.. Это все ты, сѣдой нигилистъ, да братецъ ея Иосафушка-дурачокъ, да его пріятель такъ Ларочку просвѣтили.

— Попъ Евангелъ же вѣдь ей другое благовѣствовалъ. Отчего же ты съ него за нее не взыскиваешь?

— Попъ Евангелъ! Нечего вамъ про попа Евангела. Вамъ до него далеко; а тутъ ип попъ, ни архіерей ничего не подѣлаютъ, когда на одного попа стало семь жидовинъ. Что отецъ добрый въ душу посадитъ, то лихой гость за одинъ разъ выдернетъ.

— Ну, ты кончила?—вопросилъ, поворачиваясь въ своей постели, майоръ.

— Нѣтъ, не кончила. Вы десятки лѣтъ изъ двора въ дворъ ходите да вездѣ свое мерзкое сомнѣніе во всемъ разносите, а вамъ начнешь говорить,—такъ сейчасъ въ минуту и кончи! Вѣрно, правда глазъ колетъ.

— Я спать хочу.

— А я тебѣ, сѣдой нигилистъ, говорю, что ты не долженъ спать, что ты долженъ стать на колѣни, да плакать, да молиться, да говорить: отпусти, Боже, безуміе мое и положи храненіе моимъ устамъ!

— Ну, ужъ этого не будетъ.

— Нѣтъ будетъ, будетъ, если ты не загроубляя тварь, которой не касается человѣческое горе, будетъ, когда ты увидишь, что у этой пары за жизнь поидеть, и вспомнишь, что во всемъ этомъ твой вкладъ есть. Да, твой, твой,— нечего головой мотать, потому что если бы не ты, она либо братцевымъ ходомъ пошла, и тогда намъ не было бы до нея дѣла; либо она была бы простая добрая мать и жена, и создала бы и себѣ, и людямъ счастье, а теперь она что такое?

— Чортъ ее знаетъ что?

— Именно чортъ ее знаетъ что: всякаго сметья по лопатѣ и отъ всѣхъ воротъ поворотъ; а отцы этому дѣлу вы. Да, да, нечего глаза-то на меня лунить; вы не сорванцы, не мерзавцы, а добрые болтуны, неряхи словесные! Вы хуже негодаевъ, вредиѣе, потому что тѣхъ какъ познають, такъ въ три-шеи выпроводятъ, а васъ еще жалѣть будутъ.

— Кончила?

— Нѣтъ, да ты и не надѣйся, чтобъ я кончила.

— А, это другое дѣло!—сказалъ майоръ и, присѣвши на свой диванъ, началъ обуваться.

— Что это: ты хочешь уйти?—вопросила его майорша.

— Да, больше ничего не остается.

— И уходи, батюшка,—не испугаешь; а что сказано, то свято.

— Ты сумасшедшая баба.

— Нѣтъ, я не сумасшедшая, а я знаю о чемъ я сокрушаюсь. Я сокрушаюсь о томъ, что васъ много, что во всякомъ поганомъ городишкѣ дома одного не осталось, куда бы такой короткобрюхий сверчокъ, въ родѣ тебя, съ рацеями не бѣгаль, да не чирикаль бы изъ-за печки съ малыми дѣтими!—напирала майорша на Филетера Ивановича, вставъ съ своего ложа.—Ну, куда ты собрался!—и майорша сама подала мужу его фуражку, которую майоръ нетерпѣливо вырвалъ изъ ея рукъ и ушелъ, громко хлопнувъ дверью.

— А на дворѣ дождь,—сказала, возвращаясь назадъ, кухарка, заправшая за майоромъ калитку.

— Дождь? зимой дождь? Да, правда, весь день была оттепель и моросило.

Катерина Астафьевна присѣла и стала слушать, какъ

капли дождя тихо стучали по ставнямъ, точно гдѣ-то не-вдалекѣ просо просѣвали.

Въ такомъ положеніи засталъ ее и возвратившійся че-резъ часъ, весь измокшій, майоръ.

Онъ вошелъ нѣсколько запыхавшись и, снявъ съ себя мокрое пальто и фуражку, прямо присѣлъ на край женной постели и проговорилъ:

— Знаешь, Торочка, какія дѣла?

— Нѣтъ, Фоша, не знаю; но только говори скорѣй, Бога ради, а то сердце не на мѣстѣ. Ты тамъ быть?

— Да, почти...

— Сними, дружокъ, скорѣе сапоги, а то они, небось, мокры.

— Нѣтъ, ты слушай, что было. Я вышелъ злой и хотѣлъ пройти вокругъ квартала, какъ вдругъ мнѣ навстрѣчу спитянинскій кучеръ: пожалуйста, говоритъ, къ генералу, — очень просятъ.

— Ну! что у нихъ?

— Ничего.

— Да что ты врешь: какъ ничего?

— Нѣтъ, ты слушай. Я былъ у Спитянина, и выхожу, а дождь какъ изъ ведра, и вѣтеръ, и темь, и снѣгъ мокрый влѣстѣ съ дождемъ—словомъ халепа, а не погода.

— Бѣдный!

— Нѣтъ, ты слушай: не я самый бѣдный. Выхожу я на улицу, а впереди меня идетъ человѣкъ... мужчина...

— Ну, мужчина?

— Да; въ шинели, высокій... идетъ тихо и вдругъ подошелъ къ углу и этакъ «фю-фю-фю», посвисталъ. Я смотрю, что это такое?.. А онъ еще прошелъ, да на другомъ углу опять: «фю-фю-фю», да и на третьемъ такъ же, и на четвертомъ. Кош, думаю себѣ, чортъ: кто это такой и чего ему нужно? да за нимъ.

— Ахъ, Форовъ, зачѣмъ ты это?

— А что?

— Онъ могъ тебя убить.

— Ну, вотъ же не убилъ, а только удивилъ и потѣшилъ. Вижу я, что онъ вошелъ на висленевскій дворъ, и я за нимъ, и ханъ его за полу: что, молъ, вамъ здѣсь угодно? А онъ... однимъ словомъ, узнаешь кто это былъ?

— Боюсь, что узнаю.

— И я боюсь, что ты узнала: это былъ Андрей Подозеровъ.

Катерина Астафьевна только рукой хлопнула по постели.

— Поняла?—спросилъ ее мужъ.

— Да, да, я все поняла, на своемъ ппру да безъ послѣдняго блюда.

— Я ему сказалъ, что если онъ не возьметъ ее отсюда и не уѣдетъ съ нею въ такое мѣсто, гдѣ бы она была съ нимъ одна и гдѣ бы онъ могъ ее перевоспитать...

Но майорша на этомъ словѣ зажала мужу ротъ и сказала:

— За молчи, сдѣлай свое одолженіе: я не могу этого слушать. Какое перевоспитаніе? Когда мужу перевоспитывать? Это вздоръ, вздоръ, вздоръ! Хорошо перевоспитывать женъ князьямъ да графамъ, а не бѣднымъ людямъ, которымъ надо хребтомъ хлѣба кусокъ доставать.

— Да и уѣхать-то еще на горе нельзя!

— И слава Богу.

— Нѣтъ; бѣда!

— Да говори, пожалуйста, сразу!

— Сиятянинъ получилъ изъ Питера важныя вѣсти. Очень важныя, очень важныя. Я всего не знаю, и того, что онъ мнѣ сообщилъ, сказать не могу, но вотъ тебѣ общее очертаніе дѣлъ: Сиятянинъ не простилъ своего увольненія.

— Я такъ и думала.

— Нѣтъ, не простилъ! Онъ какъ кротъ копался и, лежа долго на постели, прокопалъ удивительные ходы. Ты знаешь, кто ему ногу подставилъ, что онъ полетѣлъ? Это сдѣлалъ Гордановъ! Теперь понимаешь, какой гусь сей мерзавецъ Гордановъ? Но они ужъ очень заручились и зазнались: Бодростина изъ Парижа въ Петербургъ святою пріѣхала: Данила пророка вызываетъ къ себѣ, мужъ ея чуть въ Сибирь не угодилъ, и въ этой святой да въ Гордановѣ своихъ спасителей видитъ, а Гордановъ... Да онъ тоже слишкомъ уже полагается на свое, такъ сказать, сверхъестественное положеніе... Сиятянина не надуешь; онъ все пронюхалъ и онъ правъ: они не могли все это даромъ дѣлать, по любви къ искусству, нѣтъ; ихъ манитъ преступленіе, большое, страшное и выгодное...

— Да говори, Форочка, говори: вѣдь я не болтунья.

— Святянинъ думаетъ... что они хотять извести Бодростина и...

— И что еще?

— И не своими руками, а...

— Шепни, дружокъ, шепни.

— Тутъ Юсафъ и Лариса должны быть на смѣтѣ.

— Юсафъ и Лариса!.. и Лара!

— Ну, такъ онъ говоритъ.

— О! онъ старый воробей: его не обманешь; но если Гордановъ то, что ты сказалъ, такъ они все совершатъ, и его не уловишь.

— Гордановъ то самое, что я сказалъ. Но ждать не долго. Бодростина, Бодростинъ, Гордановъ и дурачокъ Юсафъ всѣ завтра будутъ сюда, и мы посмотримъ, кто кого: мы ихъ, или они насъ?

— Да ты что же, Форовъ?.. Неужто ты съ Синтянинимъ вмѣстѣ?

— Фу!.. Богъ меня оборони!—И майоръ перекрестился и добавилъ:—Нѣтъ, теперь нѣтъ союзовъ, а всѣ на ножкахъ!

По Катерина Астафьевна не слыхала этихъ послѣднихъ словъ. Она только видѣла, что ея мужъ перекрестился и, погруженная въ свои мысли, не спала всю ночь, ожидая утра, когда можно будетъ идти въ церковь и потомъ на смертный бой съ Ларисой.

Оглавленіе

XXV ТОМА.

НА НОЖАХЪ.

Романъ въ 6 частяхъ.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

Кровь.

	СТР.
VII. Краснѣють стѣны	5
VIII. Не краснѣющіе	11
IX. Подъ крыломъ у темной ночи	18
X. Послѣ скобеля топоромъ	24
XI. Кресть	33
XII. Лариса не узнаетъ себя	37
XIII. Въ ожиданіи худшаго	39
XIV. Въ ожиданіи смерти	43
XV. Секретъ	47
XVI. Ходитъ сонъ и дрема говорить	60
XVII. Черный день	63
XVIII. Форовъ дѣлается Макаромъ, на котораго сыплются шпшки.	66
XIX. Нѣсколько строкъ для объясненія дѣла	71

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

Мертвый узелъ.

I. Тикъ и такъ	76
II. Гдѣ обрѣтается Форовъ	78
III. Каково поживаютъ другіе.	80
IV. Кошка и мышка	83
V. Nota bene на всякій случай	85

	стр.
VI. Итогъ для новой смѣты	87
VII. Черная немочь	90
VIII. Нѣмая исповѣдь	95
IX. Безъ покаянія	97
X. Съ толку сбѣла	99
XI. Брильянтъ и янтарь	104
XII. Указъ объ отставкѣ	107
XIII. Собака и ея тѣнь	110
XIV. Раненаго берутъ въ плѣнь	116
XV. Роза изъ сугроба	121
XVI. На курьерскихъ	127
XVII. Еще шибче	131
XVIII. Майоръ и Катерина Астафѣвна	137
XIX. О тѣхъ же самыхъ	143
XX. Еще о нихъ же	147
XXI. Свадьба Форовыхъ	152
XXII. Языкъ сердца	156
XXIII. Горшокъ сталкивается съ горшкомъ	160

